

Поддержку данного проекта осуществляют Московский общественный научный фонд совместно с Министерством образования РФ, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) за счет средств, предоставленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов программы.

Н. М. ЛЕБЕДЕВА, В. Ю. ХОТИНЕЦ
А. А. ВЫСКОЧИЛ, Ю. А. ГАЮРОВА

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ**

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2003

ББК Ю621.21+Ю958
П863

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Т. Г. Стефаненко*
доктор психологических наук, профессор *А. В. Сухарев*

Психологические исследования этнической толерантности / Н. М. Лебедева, В. Ю. Хотинец, А. А. Выскочил, Ю. А. Гаюрова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. — 240 с.

ISBN 5-86037-020-2

В коллективной монографии представлены результаты психологических исследований этнической толерантности в поликультурных регионах России: Поволжье, Республике Башкортостан, Удмуртской Республике и Карачаево-Черкесской Республике. Дается анализ специфических и универсальных социально-психологических факторов, влияющих на толерантность взаимодействия этнических групп в указанных регионах. Предлагается новый взгляд на процессы межгрупповой интеграции и дифференциации с точки зрения системного подхода и понимания этнической толерантности как особенности этнической индивидуальности социальной группы.

Предназначается для специалистов-психологов, этнологов, социологов и всех интересующихся проблемами толерантности в межэтническом взаимодействии.

ББК Ю621.21+Ю958

© Н. М. Лебедева, В. Ю. Хотинец, А. А. Выскочил, Ю. А. Гаюрова, 2003

© Издательство Уральского университета, 2003

ISBN 5-86037-020-2

ВВЕДЕНИЕ

В коллективной монографии представлены результаты исследования психологических факторов этнической толерантности в ряде регионов России: Республике Башкортостан, Карачаево-Черкесской Республике, Удмуртской Республике и в Поволжье (Самарская область).

Первые пять глав книги посвящены анализу социально-психологических факторов, связанных с этнической толерантностью — интолерантностью в поликультурных регионах России.

В первой главе представлены теория и методология коллективного исследовательского проекта «Социально-психологические факторы этнической толерантности — интолерантности в поликультурных регионах России», позволяющие читателю бегло ознакомиться с основными теоретическими концепциями зарубежных и отечественных исследователей, положенными в основу проекта, а также с гипотезами эмпирического исследования и сквозными методами, применявшимися в конкретных эмпирических исследованиях, выполненных в регионах.

Вторая глава посвящена подробному анализу феномена толерантности и включает в себя исследование, рассматривающее вышеуказанный феномен в условиях длительного проживания представителей этнических групп русских, татар и чувашей в одном из регионов России — Поволжье.

В третьей главе рассматриваются особенности этнической идентификации (позитивность — негативность и четкость — двойственность этнической идентичности) представителей башкирского, татарского, удмуртского и русского населения и дается общая характеристика межэтнических отношений в северо-западной части Башкирии.

В четвертой главе излагаются результаты эмпирических этнопсихологических исследований влияния толерантных — интолерантных установок на межэтническое взаимодействие в Карачаево-Черкесии и рассматриваются факторы, обуславливающие данные установки.

В пятой главе представлен кросс-культурный анализ универсальных социально-психологических факторов, влияющих на этническую толерантность — интолерантность в трех поликультурных регионах России (Самарской области, Республике Башкортостан и Карачаево-Черкесии), а также рассматриваются факторные структуры ответов респондентов, принимавших участие во всех вышеуказанных исследованиях в сравнительно-региональной и кросс-культурной перспективе.

В шестой главе теоретически обосновывается и эмпирически подтверждается положение о том, что толерантность может быть объективирована в идеальной форме (культуре) в образцах типичного для данной культурной общности поведения и в то же время она не утрачивает своей субъективности, представляя в реальной форме — этнической индивидуальности человека. Этническая толерантность может рассматриваться, с одной стороны, как социотипическая характеристика личности, заложенная в культурных образцах поведения, усвоение которых происходит в процессе социализации, а с другой — как особенность этнической индивидуальности социальной группы.

ГЛАВА 1

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА «СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ — ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ»

Данный проект разрабатывался в рамках темы «Толерантность в современной цивилизации: этнокультурная терпимость: история, мировой опыт, перспективы, механизмы общественной и государственной поддержки» по программе Уральского МИОНа.

1.1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В 90-е годы XX столетия проблема межкультурных контактов и их последствий, часто трагических, стимулировала особый интерес социальных психологов к изучению психологической природы межэтнического взаимодействия и этнической (этнокультурной) толерантности.

Могут ли культурно различные группы жить в одном государстве на равных правах, без взаимных обид, столкновений, претензий на доминирование? Если могут, то каковы психологические факторы, лежащие в основе толерантного межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия? Как повышение значимости этнической и религиозной принадлежности влияет на рост этнической и конфессиональной толерантности — интолерантности? Все эти вопросы не только и не столько представляют научный интерес для специалистов, сколько вызваны реальной практикой межэтнического взаимодействия в России последнего десятилетия, когда распад СССР (практически вдоль этнических границ) и последующие межэтнические конфликты как по периметру России, так и внутри ее заставили специалистов-гуманитариев обратиться к проблеме этничности и этнической толерантности в поликультурных регионах.

Этническая толерантность как явление социальной перцепции понимается нами как отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее -- как наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной. Это значит, что этническая толерантность не является следствием ассимиляции как отказа от собственной культуры, а служит характеристикой межэтнической интеграции, которой свойственно «принятие» своей этнической культуры, или позитивное отношение к ней и к этническим культурам групп, с которыми данная группа вступает в контакт. Такое понимание адекватности группового восприятия базируется на постулате ценностного равенства этнических культур и отсутствии в этом плане преимуществ одной культуры перед другой (Лебедева, 1993).

Под таким углом зрения этническая интолерантность (или неадекватность группового восприятия) представляет собой преимущественно негативное восприятие иной этнической культуры при сверхпозитивном восприятии собственной, или широко известное явление ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации в социально-перцептивной сфере, именуемое также неадекватностью межгруппового восприятия.

В настоящее время практически все страны являются полиэтническими или поликультурными. Поликультурными обществами принято считать такие государства, в которых существует множество (больше двух) этнических групп с выраженной численностью, вне зависимости от того, как долго они проживают на данной территории, являются ли «коренными» или мигрантами, «титულными» или «нетитулными». Предполагается, что данные этнические группы имеют равные права и в равной мере являются гражданами данного государства.

На территории России много исторически сложившихся поликультурных регионов, где веками жили представители разных этнических и культурных групп. Такими регионами, в частности, являются Поволжье, Башкортостан, республики Северного Кавказа и многие другие. Между народами, населяющими данные регионы, издавна существовали дружественные связи самого различного рода — военные, политические, экономические, культурные и родственные. У этнических групп наблюдаются также общие черты в фольклоре, в религиозных

верованиях. Все вышеперечисленное позволяет рассматривать проживающие в поликультурных регионах народы как единую систему этнических групп, как некий надэтнический социальный феномен. Помимо географического расположения эти народы объединяют взаимосвязанные исторические пути развития, свое особое место в системе межрегиональных взаимодействий и, самое главное, сходные менталитет и культура. Таким образом, в сходстве истории, образа жизни, менталитета заложены мощные основы для мирного, толерантного сосуществования.

Однако, несмотря на долгую мирную историю, и в таких естественно сложившихся поликультурных регионах возникает межэтническая напряженность и вспыхивают конфликты. На наш взгляд, социально-психологический подход к изучению подобных явлений позволит вскрыть невидимые глазу процессы и явления, порождающие различные формы взаимных реакций контактирующих этносов, выявить общие и специфические факторы, влияющие на толерантность — интолерантность межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия.

1.2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ — ИНТОЛЕРАНТНОСТИ

Проблема данного исследования лежит в более широкой парадигме социальной психологии межгрупповых (межэтнических) отношений, где главным предметом изучения являются образы социальной перцепции межгруппового взаимодействия, и прежде всего этнические установки (Агеев, 1990). Изучение этнических установок в поликультурных обществах в прошлом преимущественно сводилось к исследованию установок этнического большинства (или всего общества) по отношению к этническим меньшинствам. Установки же меньшинств по отношению к этническому большинству и взаимные установки разных этнических групп по отношению друг к другу изучались намного реже, хотя в поликультурном обществе более адекватным является множественный сравнительный подход, когда анализируются взаимные установки (аттитюды) представителей разных этнических групп (Berry, 1984).

Примерами исследований установок этнических групп в поликультурном обществе являются исследование М. Бревер и Д. Кемпбелла, изучавших взаимные аттитюды нескольких этнокультурных групп в Южной Африке (Brewer, Campbell, 1976), и исследование Дж. Берри и соавт., изучавших взаимные установки пяти наиболее многочисленных групп в Канаде (Berry et al., 1977). Оба исследования фокусируются на таких проблемах, как *этноцентризм, иерархия статусов этнических групп, согласованность межгрупповых установок, взаимность оценок* между многочисленными этническими группами в поликультурных обществах ЮАР и Канады, и опираются на теоретические идеи, выраженные в работе Р. Ле Вайна и Д. Кемпбелла «Этноцентризм: теории конфликта, установок и группового поведения» (Le Vine, Campbell, 1972).

В отечественной этносоциологии и этнопсихологии исследование межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия в поликультурных обществах строятся с привлечением таких категорий, как *этнические границы, социальная и культурная дистанция, психологические сходства и различия культур* по ряду измерений (индивидуализм — коллективизм, маскулинность — феминность, ценностные ориентации и др.), *этнический статус*.

В рамках социальной и кросс-культурной психологии также существует ряд теорий и подходов, объясняющих интолерантность в межгрупповом (межэтническом) взаимодействии. Это теория социальной идентичности, теории этноцентризма и мультикультурализма, психологические измерения культуры и другие. Ряд идей и гипотез для нашего исследования мы почерпнули из этих теорий и подходов.

Понятие этнической границы стало широко известно с выходом работ известного норвежского ученого Ф. Барта. Он рассматривает границы через этничность, которая в его понимании выступает формой социальной организации культурных отличий (Barth, 1994). По мнению Барта, в полиэтническом обществе все члены этнической группы действуют в поддержку культурных различий. Культурная взаимодополняемость может способствовать увеличению взаимной зависимости этнических групп и создавать формы симбиотичес-

кой совместимости. В отечественной этносоциологии плодотворные исследования этнических и культурных границ в современной России осуществлялись сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН (Социальная и культурная дистанция, 1998). Общим постулатом как теоретических, так и эмпирических исследований этнических границ является положение, что выраженная этническая граница связана со снижением этнической толерантности и накладывает ограничения на межэтническое взаимодействие. С понятием этнической границы тесно связано понятие социальной и культурной дистанции.

Социальная дистанция, анализ которой одними из первых осуществили Г. Зиммель, Т. Парк и Э. Берджесс, начиная с работ Л. фон Визе считается одним из центральных понятий, характеризующих степень близости или отчуждения социальных групп. С помощью измерения социальной дистанции определяется статус, потенциал социальных групп, а в этнически дифференцированном обществе — и социальные позиции этнических групп. Жесткость и размерность социальной дистанции, взаимопроникновение характеристик групп служат показателями состояния общества, степени равенства групп, качественными индикаторами социальной справедливости, социальной и этнической толерантности.

Понятие *культурной дистанции* было введено английскими психологами А. Фэрнхемом и С. Бочнером, которые использовали идею классификации культур по степени их различий (Furnham, Bochner, 1986). В отечественной этнопсихологии детальное изучение феномена культурной дистанции было предпринято Н. М. Лебедевой (Лебедева, 1993)..

Культурная дистанция — это осознание различия культур по некоторым параметрам. В этнической и кросс-культурной психологии осуществлялись попытки найти оси измерения культурного разнообразия. Благодаря исследованиям Г. Триандиса и Г. Хофстеда был предложен ряд так называемых культурных синдромов (Triandis, 1994), или *измерений культур* (Hofstede, 1984). Для целей исследования важны такие измерения, как *индивидуализм — коллективизм* и *маскулинность — феминность*, а также сходства и различия ценностей культур.

Проблема *этнического статуса* признается в западной психологии чрезвычайно актуальной. Страх перед этническим доминированием и подавлением — это главная сила для достижения власти. К власти стремятся также ради подтверждения этнического статуса. Конфликты из-за потребностей или интересов имеют подчиненное значение перед конфликтами по поводу группового статуса и правил разрешения конфликтов (Hogowitz, 1985). К. Оффе рассматривает этнос как один из инструментов статуса (Оффе, 1996). Американские исследователи Р. Льюис, Р. Роуланд и Р. Клем изучали феномен этнического статуса на примере Советского Союза (Lewis et al., 1975).

В отечественной научной литературе до настоящего времени понятие «этнический (национальный) статус» употреблялось крайне редко. Некоторые отечественные этнологи и социологи писали о различных аспектах этнического статуса, не определяя самого термина. Б. А. Хагба, исследовавший факторы этнополитической стабильности на Кавказе, говорит об этнической стратификации как одной из разновидностей социальной несправедливости (Хагба, 1995).

Этнический статус в полиэтнических регионах является важнейшей составляющей социального самочувствия человека. Низкий статус тесно связан с чувством национальной ущемленности. По мнению этносоциолога М. В. Саввы, можно выделить два важнейших субъективных элемента этнического статуса — внутреннюю сплоченность группы и степень сохранности ее этнической культуры (Савва, 1997). В современных условиях значимость уровня сохранности традиционной культуры как этностатусного определителя стремительно возрастает, поэтому в полиэтнических сообществах относительно более высок статус традиционных групп.

Согласно *теории социальной категоризации и социальной идентичности* А. Тэшфела — Дж. Тернера, одним из последствий социальной категоризации является ингрупповой фаворитизм, т. е. приписывание позитивных черт ингруппе и стремление к выигрышу своей группы (Doise, Sinclair, 1973). Ингрупповой фаворитизм одновременно включает в себя негативное межличностное восприятие членов аутгруппы (Turner et al., 1983). Ингрупповое предпочтение может

уменьшаться, когда членство в социальной группе «пересекающееся», т. е. когда члены различных групп являются представителями аутгрупп по одному критерию (например, этничности), но членами ингрупп по другому критерию (например, религии) (Deschamps, Doise, 1978). Также установлено, что ингрупповой фаворитизм снижается, когда члены разных групп формируют общую идентичность (например, когда представители разных этнических групп объединяются в одну группу как граждане одного государства — «американцы», «швейцарцы» и т. д.) (Gaertner et al., 1994). Другим способом снизить ингрупповой фаворитизм является использование «безоценочной» дифференциации, когда группы выполняют в равной мере ценные, но разные роли (Thalhofer, 1993).

По мнению ряда ученых, теория социальной идентичности более приложима к коллективистским культурам, хотя и была разработана в культурах индивидуалистических (Hinkle, Brown, 1990).

Ряд исследований показывает, что представители коллективистских культур, в отличие от представителей культур индивидуалистических, более сдержанны в аутгрупповой дискриминации, но если между группами существует значительная напряженность или даже ненависть, то коллективисты проявляют большую склонность к межгрупповой дискриминации, чем индивидуалисты (Wetherell, 1982; Gudykunst, Ting-Toomey, 1988). Представители коллективистских культур проводят более резкое деление между членами ингруппы и аутгруппы (Triandis, 1988). Если индивидуалисты ценят разнообразие (гетерогенность) в своей ингруппе, то коллективисты, наоборот, — внутригрупповую гомогенность, сходство (Triandis, 1995).

Социальная категоризация приводит к доминированию социальных идентичностей над личностными. Когда социальные идентичности усиливаются межгрупповым сравнением, обесценивание аутгрупп может вызывать конфликты. Ощущение негативной оценки со стороны другой группы также создает предпосылки для межгрупповых конфликтов.

Следствием социальной категоризации является деиндивидуализация, которая может спровоцировать конфликт или привести к эскалации уже имеющегося. Социальная катего-

ризация влияет также на процесс переработки информации об аутгруппе: она упрощается, т. е. аутгруппа видится гомогенной, и только стереотипная информация принимается во внимание. Упрощенная и стереотипизированная информация может лечь в основу аргументации, поддерживающей и оправдывающей конфликт (Lilli, Rehm, 1988). Согласно исследованию В. Гудикунста и соавт., социальная идентичность влияет на ожидаемую приемлемость и неприемлемость «чужих» сильнее, чем личностная идентичность (Gudykunst et al., 1992).

Для понимания межгруппового поведения важно учитывать два типа межгрупповых установок: *этноцентризм и мультикультурализм*.

Этноцентризм — восприятие и интерпретация поведения других через призму своей культуры. Термин «этноцентризм» был введен в 1906 г. У. Самнером, который считал, что в сознании людей существует тенденция использовать стандарты своей группы для оценки других групп, располагая свою группу на вершине иерархии и рассматривая другие группы как низестоящие.

Принадлежность к ингруппе определяет стандарты, по которым мы оцениваем другие группы и наши ожидания от них. Чем больше поведение членов аутгруппы согласуется со стандартами поведения, принятыми в нашей группе, тем более позитивно мы их оцениваем (Brewer, Campbell, 1976). В кросс-культурном исследовании ценностей студентов университетов, проведенном М. Бондом в 22 странах, было выявлено два универсальных измерения ценностей. Первое измерение — *Социальная интеграция* — включает ценности открытости, толерантности и отказ от конкуренции, второе — *Культурная исключительность* — содержит ценности уважения традиций и культурного превосходства (Bond, 1988). *Социальная интеграция* и *Культурная исключительность* близки по смыслу к измерениям ценностей, выделенных С. Шварцем, — *Открытости к изменениям* и *Консерватизму* (Schwartz, 1992): на одном полюсе — принятие различий, на другом — отвержение. Согласно исследованию Е. Штауба, вера в культурное превосходство выступает условием, способствующим проявлению насилия в отношении аутгрупп (Staub, 1990). По мнению М. Бонда, насильственное подавление групп мень-

шинств будет сильнее выражено в обществах, разделяющих ценности *Культурной исключительности*, а институты, отстаивающие права человека, будут менее поддерживаемы в обществах такого типа (Bond, 1991).

М. Смит считает, что этноцентризм отвечает потребности индивида быть включенным в группу и экзистенциальной потребности в расширении «Я» (self-transcendence). Национальная и культурная идентификация укрепляет людей в системе смыслов, которая обеспечивает порядок и способствует обретению личного достоинства. Несмотря на это, полагает Смит, люди должны принадлежать к обществам, которые дают им высшие смыслы без выплаты пагубного налога в виде этноцентризма. Смит поддерживает разделение на «позитивный» и «негативный» этноцентризм, обозначая первый как «патриотизм» (забота о своей стране и гордость за нее), а второй -- как «национализм» (стремление к доминированию, вера в превосходство). Таким образом, люди могут ценить собственную культурную принадлежность, не отрицая ценности принадлежности к другим культурам (Smith, 1992).

Исследование, проведенное в Канаде, показало, что желание единства (интеграция) и принятие культурного разнообразия не обязательно противоречат друг другу (Berry, Kalin, 1996).

По теории аккультурации Дж. Берри, члены групп могут демонстрировать четыре типа установок в межгрупповом взаимодействии: установки на интеграцию, ассимиляцию, сепарацию и маргинализацию. В поликультурных обществах установка, демонстрируемая членами доминирующей культурной группы, очень важна, ибо она определяет контекст и государственную политику межкультурного взаимодействия.

На психологическом уровне политика «активного мультикультурализма» зиждется на двух важных положениях: 1) члены этнических групп могут сохранять свою этническую уникальность и 2) они чувствуют себя в безопасности в поликультурной среде (Moghaddam, 1993). Тем не менее не должно вызывать удивления то, что группы с высоким статусом, чувствующие себя в большей безопасности относительно сохранения своей культуры, позитивно относятся к сохранению культур всех других групп. Явные меньшинства в большей степени ощущают неуверенность в таком сохранении и чув-

ствуют себя менее защищенными внутри социальной иерархии (Moghaddam, Taylor, 1987).

Очевидно, что если высокостатусные группы определяют критерии статусной иерархии, то для членов низкостатусных групп становится проблематичным ценить свою культурную индивидуальность и чувствовать себя в безопасности. Таким образом, даже в обществах с «активным мультикультурализмом» сохраняется основа для возникновения межэтнической напряженности.

Межличностное взаимодействие представителей разных культур осуществляется внутри социального контекста, который характеризует отношения между культурными группами и их представителями. В межгрупповом контакте влияющими факторами выступают длительность взаимодействия, частота контактов, степень их близости, соотношение статусов групп и их численности (Bochner, 1982).

Социальное доминирование, как фактор, влияющий на межгрупповой контакт, определяет большую значимость социальной идентичности для членов групп меньшинств, чем для группы большинства, т. е. для этнических меньшинств групповые различия и характеристики более явны и более значимы. Их готовность к межгрупповому контакту в большей степени подвержена влиянию доминирующих в их группе норм, установок и стереотипов в отношении аутгруппы. При этом представители группы большинства, для которых их групповая принадлежность менее очевидна и важна, больше руководствуются в межкультурном взаимодействии личностными нормами, ценностями и установками (Sagiv, Schwartz, 1995).

Также очень важно учитывать мнение членов ингруппы относительно того, как члены аутгруппы относятся к групповым различиям. Считают ли они, что представители аутгруппы уважают их и позитивно взаимодействуют с ними или они думают, что «чужие» оскорбляют и подавляют их? Разделяют ли они «идеологию антагонизма», которая, по Е. Штаубу, есть система верований, трактующая других как противников или врагов, требующая самозащиты и превосходящей силы для обеспечения безопасности (Staub, 1988)? Какими средствами они предполагают разрешать конфликт и каких последствий они ожидают в результате взаимодействия с дру-

гими группами? Эти ожидания на групповом уровне совпадают с пониманием справедливого взаимодействия на индивидуальном уровне (Leung, 1988). Групповая идеология взаимодействия с другими группами может быть решающей в предсказании того, как члены данной группы будут взаимодействовать с представителями других культур.

Помимо вышеуказанных факторов межгруппового взаимодействия на этническую толерантность влияют и другие причины. Р. Калин и Дж. Берри установили, что этничность и социоэкономический статус коррелируют с воспринимаемой безопасностью, а географическая мобильность — с этнической толерантностью (Kalin, Berry, 1982). Кроме того, на более позитивные межгрупповые установки влияют этническая мозаичность или поликультурность территории проживания (Kalin, Berry, 1982). Оба упомянутых исследования выполнены в Канаде, стране с активной публичной политикой мультикультурализма, которая воспринимается как общенациональная идея, что также способствует этнической толерантности.

Исследования нарушения групповых норм и межгрупповой неприязни выявили, что если группа считает, что ее нормы нарушаются «чужими», то формируются негативные установки в отношении атугрупп. Эти негативные установки порождают ответные негативные установки, и таким образом нарушение норм может привести к эскалации конфликта. Эскалация возможна в случае сильной внутригрупповой идентификации, взаимных негативных установок, когда одна из групп чувствует относительное ущемление своих прав и когда группа, нарушающая нормы, обладает большей властью в сравнении с группой, чьи нормы нарушаются (Norm violation and intergroup relations, 1992).

Межгрупповые конфликты и их последствия в виде мести могут усиливать воспринимаемые межгрупповые различия (Kim, Smith, 1993) и приводить к конфликтам в ситуации социальной конкуренции (Wish et al., 1976). Такие личностные характеристики, как этноцентризм, агрессивность и неуверенность, в ряде случаев способствуют более выраженной групповой дифференциации (Scott, 1965).

С другой стороны, явная идеология мультикультурализма и групповой гармонии, как показано на примере Канады и

Сингапура, или разделение целей кооперации (Sherif, 1966) влияют на формирование общей, разделяемой всеми членами группы идентичности, а общая личная предрасположенность к открытости (Riemann et al., 1993) и установки интернационализма (Hett, 1991) уменьшают фокусирование на групповых различиях.

Зарубежные исследователи также отмечают влияние *психологических измерений культур* (индивидуализм — коллективизм и избегание неопределенности) на ингрупповое — аутгрупповое поведение. Для представителей коллективистских культур, в отличие от представителей культур индивидуалистических, характерным является более частое, широкое и одновременно более глубокое и позитивное взаимодействие с членами ингруппы, чем с членами аутгруппы (Wheeler et al., 1989). Кроме того, процессы взаимного влияния, усиления групповой гармонии и ингруппового фаворитизма также сильнее проявляются в коллективистских культурах, чем в индивидуалистических. Если представители культур с высоким уровнем избегания неопределенности взаимодействуют с «чужаками», то в ситуации, где четкие правила отсутствуют, они могут игнорировать «чужих», словно бы их и не существует.

Исследованиями Дж. Берри и М. Плизента по этнической толерантности было установлено, что только уверенность в своей собственной *позитивной групповой идентичности* может дать основание для уважения других групп и выражения готовности обмена идеями, установками или участия в совместной деятельности. На основе того факта, что позитивная групповая идентичность приводит к толерантности, а угроза этой идентичности — к нетерпимости, к этноцентризму, ученые приходят к выводу, что не может дальше продолжаться такое положение вещей, что выживание определенных групп зависит от уровня их этноцентризма. Реальная уверенность в таком выживании может быть предпосылкой для толерантности, которая может стать антитезой этноцентризму (Berry, Pleasants, 1984).

Основываясь на положениях концепции Дж. Берри и М. Плизента о психологической природе этнической толерантности и ее роли в регуляции жизнедеятельности социальной группы и на результатах собственных исследований, мы при-

шли к выводу, что позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности (Лебедева, 1997). Позитивная этническая идентичность понимается как отнесение себя индивидом к данному этносу на основе позитивной оценки его культуры, способствующей укреплению этнического самосознания группы и сохранению ее целостности как этнокультурного организма.

Дальнейшее исследование этого вопроса позволило вывести социально-психологический закон связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью: в норме для группового (этнического) сознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой (этнической) идентичностью и аутгрупповой (межэтнической) толерантностью (Лебедева, 1997). В неблагоприятных социально-исторических условиях данная связь может распасться или стать обратной. При формировании этнической интолерантности в действие вступают механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, а вслед за ней — и толерантности.

В рамках данного подхода Ф. М. Малхозовой под нашим руководством было осуществлено эмпирическое этнопсихологическое исследование этнической толерантности в Карачаево-Черкесии (Лебедева, Малхозова, 2002). Исследование показало, что позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) содействует формированию этнической толерантности в поликультурном регионе. Негативная этническая идентичность (негативные чувства, связанные с этничностью) и опыт этнической дискриминации способствуют появлению этнической интолерантности и установок на национальный эгоизм и разделение по этническому и религиозному признаку. Также были выявлены факторы, влияющие на этническую толерантность и интолерантность (нетерпимость).

Согласно результатам вышеуказанного исследования, в основе этнической толерантности лежит позитивная этническая идентичность, однако выраженная значимость этнической идентичности может стимулировать дифференциацию по этническому и религиозному признаку и этническую интолерантность. Таким образом, происходящая сейчас в России этническая и

религиозная дифференциация может стать основой как этнической толерантности, так и межэтнической нетерпимости и конфликтов.

Г. Олпорт считал, что межгрупповые предубеждения — это проекция вины, а другие исследователи (Dollard et al., 1939) предполагали, что они вызваны вытесненной ненавистью. В настоящее время чувства, связанные с групповой принадлежностью, считаются основой межгрупповых установок (Dijker, 1987; Standor et al., 1991).

Такие чувства, как страх, недоверие, тревога, имеют важнейшее значение в ситуации длительной межгрупповой неприязни. W. Stephan и C. Stephan (1985) убеждены, что межгрупповая тревожность растет вследствие ожиданий негативных последствий межгруппового взаимодействия для членов одной или обеих групп. Проведенное ими исследование этнических групп в США показало, что тревожность является результатом низкого уровня контактов с аутгруппой, резких различий в статусе и большой численности взаимодействующих групп. Исследование в Бангладеш выявило, что членам групп меньшинств присущ более высокий уровень межгрупповых опасений; хотя их межгрупповые контакты более часты, они демонстрируют большую озабоченность количественными, нежели качественными аспектами контакта (Islam, Hewstone, 1993). Межгрупповые опасения влияют как на большую гомогенность восприятия членов аутгруппы, так и на более негативные установки в отношении них.

Очень важным является то, что на межгрупповые установки влияют не столько стереотипы аутгруппы, сколько чувства, связанные с ингрупповой принадлежностью (Esses et al., 1993).

Помимо позитивности — негативности этнической идентичности, на наш взгляд, важной характеристикой этнической идентичности является ее *определенность* (четкость) — *неопределенность* (нечеткость, амбивалентность).

В кросс-культурной психологии рассматриваются две основные модели этнической идентичности. В линейной биполярной модели развитие идентичности предполагается как движение в направлении одного из двух полюсов: идентификация со своей группой (поддержание позитивной или принятие негативной этнической идентичности) и идентификация с до-

минантной группой (ложная идентичность, встречающаяся у маленьких детей, и измененная в результате свободного выбора идентичность). Однако, следует согласиться с Т. Г. Стефаненко (1999), в реальности человек имеет больше вариантов выбора, чем полная идентификация с одной из этнических общностей. Индивид может одновременно идентифицировать себя с двумя (а иногда и более) релевантными группами. Такую идентичность могут иметь не только выходцы из смешанных браков, но и люди, живущие в поликультурном обществе. С учетом возможности подобной ситуации Дж. Берри была предложена модель двух измерений этнической идентичности. Она включает четыре типа этнической идентичности, при которых связи с двумя группами могут сосуществовать относительно независимо друг от друга (Berry et al., 1992):

- моноэтническая идентичность, совпадающая с официальной этнической принадлежностью;

- моноэтническая идентичность с чужой этнической группой, которая возможна в случаях, когда в полиэтничном обществе чужая группа расценивается как имеющая более высокий экономический, социальный и т. д. статус, чем своя;

- биэтническая идентичность, подразумевающая сильную, хотя и разного уровня, идентификацию с двумя группами;

- маргинальная этническая идентичность, характерная для индивидов, которые балансируют между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них.

В полиэтничном обществе для человека наиболее благоприятна биэтническая идентичность, так как она «позволяет органично сочетать разные ракурсы восприятия мира, овладеть богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной» (Стефаненко, 1999, с. 232).

Когда мы говорим о неопределенности (нечеткости, амбивалентности) этнической идентичности, мы имеем в виду скорее маргинальную (а не биэтническую) идентичность. Маргиналы, путаясь в идентичностях, часто испытывают внутриличностные конфликты, симптомами которых могут выступать тревога, неуверенность, беспомощность, что влияет на формирование негативных межэтнических установок и стереотипов, т. е. этнической интолерантности.

Несмотря на то, что в зарубежной и отечественной психологии и социологии наметились разнообразные подходы к проблеме изучения основ толерантного существования в полиэтнических обществах, все эти исследования носят фрагментарный характер и не нацелены на поиск социально-психологических закономерностей формирования и функционирования этнической толерантности — интолерантности в условиях естественно сложившейся поликультурности разных регионов России для выявления моделей толерантного межэтнического взаимодействия и факторов, влияющих на проявления этнической и конфессиональной интолерантности. Этой проблеме и посвящено наше исследование в сравнительно-региональном и кросс-культурном аспектах.

1.3. КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ РЕГИОНОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Специфика проведенного нами исследования состояла в том, что по единой программе были обследованы три поликультурных региона России с разной степенью поликультурности (пять основных этнических групп в Карачаево-Черкесии, три этнические группы в Самарской области и четыре — в Республике Башкортостан), с разным этническим составом (но при этом изучались одни и те же этнические группы в разных статусах: русские — во всех трех регионах, татары — в двух), с разными конфессиями. Это позволило нам вычленить влияние различных факторов (культурной и социальной дистанций, этнического статуса, разности конфессий и др.) на проявленность этнической толерантности — интолерантности в сфере социальной перцепции взаимодействующих этносов.

Северный Кавказ — полиэтничный, или поликультурный, регион. В семи его республиках живут русские, осетины, чеченцы, ингуши, карачаевцы, черкесы, абазины, ногайцы, адыгейцы, кабардинцы, балкарцы, аварцы, лакцы, кумыки и многие другие народы с очень разной численностью.

В основном северокавказские культуры относятся к типу трудномодернизируемых, вследствие чего кавказские этносоциальные системы больше закрыты для внешних влияний, чем открыты. Северокавказские общества можно определить как коллективистские, андроцентрические, или маскулинные. Нрав-

ственные характеристики культур Северного Кавказа связаны со способностью их носителей придерживаться твердых правил и не отступать от них. Специфика этномобилизационных процессов в республиках Северного Кавказа заключается в том, что они опираются на исламизм, реабилитационную активность (особенно переселенных народов), милитаризацию и солидаризацию.

Особое место на Северном Кавказе принадлежит русским. До 1989 г. они представляли первую по величине этническую группу. За последние два десятилетия произошло уравнивание позиций русского и титульного населения, а также определилась смена лидирующего положения русских в определенных сферах жизнедеятельности в пользу титульных народов. В конфликтах русское население представляет в целом третью сторону, но соблюдать нейтралитет становится все труднее в связи с ростом межэтнической напряженности. В результате среди русских усиливается стремление к отъезду, часть из них начинает объединяться с казачеством как этномобилизационной группой.

По мнению этносоциолога М. В. Саввы, изучавшего проблемы межэтнического взаимодействия на Северном Кавказе (Савва, 1997), основой комплементарности этнических общностей, т. е. установки на взаимодействие и совместное проживание, являются этнические стереотипы. В целом характер комплементарности обусловлен исторической спецификой межэтнических контактов и условиями формирования этноконтактной зоны, этностатусными позициями и уровнем напряженности отношений между этносами. Следовательно, стереотипы, как показатели комплементарности, могут рассматриваться в качестве индикаторов латентных процессов интеграции этноса и нарастания противоречий в межэтнических взаимоотношениях. Среди других факторов, определяющих характер взаимодействия этносов, М. В. Савва называет ценностные приоритеты и особенности этнической психологии (последняя, в нашем понимании, есть социальная психология взаимодействия больших групп, в данном случае — этнических).

Исходя из теории комплементарности (взаимодополнительности) этнических общностей М. В. Савва высказывает гипотезу, что народы Северного Кавказа склонны к сосуществова-

нию с более модернизированными этносами, которое комфортно тем, что освобождает от необходимости конкурировать в традиционалистской доминанте. Как этнос-контактер русские для северокавказских этносов являются удобным ландшафтом воспроизводства этничности вследствие неконфликтности русских, их незащищенности традиционными узами взаимопомощи и т. д.). По этой же схеме строились бы отношения не только с русскими, но и с любым модернизированным этносом.

Анализ основных особенностей межэтнического взаимодействия на Северном Кавказе в целом и в **Карачаево-Черкесии** в частности показывает, что в республике существуют основы для этнической толерантности в виде близости культурных традиций населяющих ее народов, развитости в них культурных механизмов регуляции конфликтов, межэтнической комплементарности. В то же время бурное этническое и религиозное возрождение, рост солидарности на этнической основе, этномобилизационные процессы могут способствовать росту этнической интолерантности, выражающейся в борьбе за статус, негативизме по отношению к иноэтническим группам, этнических конфликтах и противостоянии.

Одним из наиболее важных моментов в формировании этноконтактной зоны русских, татар и чувашей, проживающих в **Самарской области**, является то, что отсутствие коренного оседлого населения и одновременность заселения этих территорий разными этническими группами переселенцев не позволяли какой-либо одной из них претендовать на роль исконного хозяина этих земель (Ведерникова и др., 1996). Подобная ситуация, предоставляющая равные для всех этнических групп условия, во многом предопределила характер межэтнического взаимодействия в области, основой которого стало стремление к партнерству и взаимовыгодному сотрудничеству. Возникновение этнически смешанных деревень способствовало усилению контактов между соседствующими народами, их сближению и выработке множества культурных черт, выделяющих данную территорию в специфическую историко-культурную зону с особым менталитетом, в котором находит свое отражение общность исторических судеб разных народов.

В то же время этническая обособленность и определенная интолерантность к влияниям в духовной сфере стали факторами, позволяющими сохранить татарскому этносу этническую целостность и самобытность в условиях совместного проживания с доминирующим по численности русским этносом.

Население **Республики Башкортостан** отличается чрезвычайной мозаичностью этнического состава, причем чересполосное расселение представителей разных народов во многих районах республики является скорее правилом, чем исключением. В 1989 г. 21,9 % здесь составляли башкиры, 39,3 % — русские, 28,4 % — татары (среди сельского населения башкир — 34,9 %, русских — 18,4 %, татар — 33,2 %) (Национальный состав населения СССР, 1991).

В республике есть районы, где относительно компактно проживают марийцы, чуваша. Существуют многочисленные мордовские, украинские, белорусские, латышские, немецкие поселения. Такая картина расселения сформировалась исторически в результате миграции представителей разных народов на территорию края в течение последних четырех столетий, урбанизационных процессов XX в. и др. Среди факторов формирования этнической карты немаловажное значение имеет и весьма сложная история длительного взаимодействия башкир и татар, уже сама по себе представляющая непростую проблему этнической истории.

Сложность татаро-башкирского межэтнического взаимодействия и татаро-башкирской этнической границы обусловлена тесной языковой близостью двух тюркоязычных народов. Кроме того, существует обширная этнокультурная и языковая переходная зона (на северо-западе и на западе Башкортостана). Для значительных групп населения этой зоны характерно отсутствие достаточно четкого этнического самосознания. На протяжении, по крайней мере, последних полутора столетий статистика фиксировала массовые случаи изменения этнической принадлежности, когда часть татар при проведении очередной переписи записывалась башкирами и наоборот: часть башкир — татарами. Так, например, по данным переписи 1989 г. в некоторых районах Башкортостана существенно снизилась численность башкир и соответствен-

но возросло число татар, тогда как предыдущая перепись 1979 г. отмечала обратные явления.

Таким образом, в течение длительного периода на территории Башкирии имели место процессы, связанные как с механическим движением населения, так и со сменой этнической идентичности, и к тому же отличающиеся пространственно-временной неравномерностью.

1.4. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ — ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Целью исследования мы ставили выявление основных особенностей этнической толерантности в поликультурных регионах России и факторов, влияющих на формирование толерантности — интолерантности в сфере социальной перцепции межгруппового взаимодействия.

Объектами исследования явились:

- представители групп русских, татар и чувашей г. Самара и Самарской области;
- представители башкирского, татарского, русского и удмуртского населения северо-запада Башкортостана;
- представители пяти основных этносов Карачаево-Черкесии (абазины, карачаевцы, ногайцы, русские, черкесы).

Предмет исследования — социально-психологические факторы этнической толерантности — интолерантности в поликультурных регионах России.

Гипотезы эмпирического исследования этнической толерантности — интолерантности

1. Основной этнической толерантности в поликультурных регионах России будет являться социально-психологическая общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку. Показателем существования такой общности выступит близость культурных ценностей, межэтнических установок и образов социальной перцепции у представителей разных этнических групп. Подобная общность будет характерна для поликультурных регионов с

длительной историей совместного проживания (Поволжье, Башкортостан, Карачаево-Черкесия и др.).

2. Позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) будет способствовать формированию этнической толерантности в поликультурном регионе. Негативная этническая идентичность (негативные чувства, связанные с этничностью) и опыт этнической дискриминации будут вести к формированию этнической интолерантности.

3. Такие характеристики этнической идентичности, как четкость (определенность) и неопределенность (двойственность), будут влиять на этническую толерантность — интолерантность в межкультурном взаимодействии.

4. Статусные различия (в численности и социальном доминировании) окажут влияние на этническую толерантность — интолерантность. Для представителей групп меньшинств этническая и религиозная принадлежность окажется более значимой и чаще будет выступать в качестве дифференцирующих факторов, чем для представителей доминирующей в численном или культурном отношении группы.

5. Опыт этнической дискриминации (реальной и воспринимаемой), а также уровень религиозности явятся факторами, способствующими росту этнической интолерантности в поликультурных регионах у представителей групп с далекой культурной дистанцией, принадлежащих к разным конфессиям.

6. Поликультурные регионы России представляют собой социальные системы с разной степенью сбалансированности межгруппового взаимодействия. В регионах с длительной историей сосуществования разных этнических культур (*стабильных, сбалансированных системах*) процессы интеграции возобладают над процессами дифференциации. Процессы дифференциации и интеграции — это социально-психологические механизмы поиска системой стабильности, необходимыми условиями которой являются как сохранение культурного многообразия, так и достижение приемлемого для всех баланса межгруппового взаимодействия (т. е. межэтнического мира).

1.5. КРАТКИЙ МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ — ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

В начале каждой последующей главы монографии будут излагаться конкретные методы, использованные авторами исследований. Здесь мы представляем те показатели, которые сквозной линией проходили через все исследования. Основным методом нашего эмпирического этнопсихологического исследования являлся социально-психологический опрос.

Респондентам предлагалось заполнить анкету, которая содержала разработанные в соответствии с целями исследования шкалы, а также модификации известных методик. Ниже дается описание основных методик и полученных с их помощью показателей.

1. *Валентность этнической идентичности.* Показателями служили чувства, связанные с этничностью, и степень позитивности или негативности автостереотипов.

1.1. Чувства, связанные с этничностью. Респонденту нужно было с помощью шкалы от 1 до 5 указать, какое чувство вызывает у него принадлежность к своей нации: а) гордость, б) спокойную уверенность; в) никаких чувств; г) обиду; д) ущемленность, униженность.

1.2. Валентность этнических автостереотипов оценивалась с помощью методики этнических стереотипов Д. Катца и К. Брели — «открытый» вариант. Приписанные респондентом качества подвергались кодированию по 5-балльной шкале: 5 — максимум положительных качеств, 1 — максимум отрицательных качеств.

2. *Четкость — амбивалентность этнической идентичности.* Для оценки четкости — амбивалентности использовались два показателя.

2.1. Степень близости и понятности для респондента представителей других этнических групп. Показатель оценивался с помощью утверждения: «Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу».

2.2. Степень идентификации с представителями иной этнической группы. Респондента просили отметить, насколько

он ощущает себя представителем соседней с ним этнической группы (например, удмуртам предлагалось утверждение: «Я ощущаю себя башкиром» и т. д).

3. *Этническая толерантность* — *интолерантность* оценивалась комплексно с помощью ряда показателей: валентность гетеростереотипов, степень приемлемости представителей иноэтнических групп (по шкале социальной дистанции). Дополнительно использовалось утверждение, позволяющее оценить степень общей этнической толерантности — интолерантности респондентов: «Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов».

4. *Установка на сохранение своей культуры* оценивалась с помощью блока утверждений. Например: «Надо стремиться поддерживать обычаи, традиции, образ жизни своего народа»; «Мне не нравится, что в нашей культуре и языке появилось слишком много чужеродного».

5. *Установка на дифференциацию по религиозному и этническому признакам* выявлялась путем использования ряда утверждений, например: «Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга»; «Я обращаю внимание на национальность человека, с которым знакомлюсь».

6. *Степень воспринимаемой дискриминации* устанавливалась с помощью утверждения: «Меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа».

Степень согласия со всеми вышеприведенными утверждениями оценивалась респондентом по 5-балльной шкале от 1 — «абсолютно не согласен» до 5 — «абсолютно согласен».

7. *Культурные детерминанты*. Исследовались и анализировались показатели, которые выявляют кросс-культурные особенности этнической группы, влияющие на уровень толерантности в ходе межэтнического взаимодействия.

Индивидуализм — коллективизм. Нами исследовались критерии, выделенные Г. Триандисом: 1) подчинение индивидуальных целей групповым (суждение «Считаю, что интересы народа должны быть важнее, чем проблемы и интересы отдельной личности»); 2) восприятие себя как части группы, а группы — как продолжения самого себя (суждение «Никогда нельзя сказать, что отдельный человек несет в себе характерные черты своего народа» и др.).

Результаты наших исследований в монографии представлены по регионам исследования. Поскольку каждое конкретное исследование осуществлялось самостоятельно, авторы глав представляют свой собственный анализ проведенной ими работы. В конце книги дается кросс-культурный анализ всех выполненных в рамках этого проекта исследований с целью выделения общих социально-психологических факторов, влияющих на этническую толерантность — интолерантность межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России, и нахождения типичных стратегий адаптации этнических и социокультурных групп к условиям поликультурного сосуществования.

ГЛАВА 2

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ ТОЛЕРАНТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ, ТАТАР И ЧУВАШЕЙ г. САМАРЫ И САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)

2.1. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие толерантности. Проблема толерантности в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Феномен этнической толерантности — интолерантности и факторов, лежащих в его основе, представляет собой одну из наиболее актуальных исследовательских тем, которая привлекает внимание современных ученых из разных областей знания, прежде всего — этнической, социальной и политической психологии, этносоциологии, этнической политологии.

Термин «толерантность» происходит от латинского *tolerantia*, что означает «терпение». Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова определяет толерантность как производное от французского *tolerant* — терпимый (Толковый словарь русского языка, 1994). Основу данного понятия, используемого непосредственно в русском языке, в первую очередь составляет позиция уважения к иным религиозным представлениям. В одном из наиболее кратких определений, данном отечественным энциклопедическим словарем, толерантность понимается как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» (Большой энциклопедический словарь, 1991, т. 2, с. 726). В Краткой философской энциклопедии толерантность трактуется как «терпимость к иного рода взглядам, нравам, привычкам. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Она является признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции» (Краткая философская энциклопедия, 1994, с. 457).

Толерантность в психологии понимается как «отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию» (Краткий психологический словарь, 1985, с. 357.). В этнической и социальной психологии в рамках деятельностного подхода под групповой (этнической) толерантностью понимается адекватность группового восприятия. Согласно мнению Н. М. Лебедевой, этническая толерантность в сфере социальной перцепции может определяться как «отсутствие негативного отношения к другой этнической культуре, а точнее — наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной» (Лебедева, 1999, с. 179).

Таким образом, толерантность может быть определена как умение и готовность без критики принимать мнение или поведение, отличающееся от собственного. Условия подобного отношения к заведомо неизвестному явлению социокультурной реальности возникают тогда, когда в распоряжении познающего имеется индивидуальный опыт «обретения» себя через *Другого*. Продолжением этой мысли может послужить мнение видного специалиста, занимающегося проблемой толерантности, согласно которому «субъект толерантности должен достичь минимального предела умственной эволюции, которая позволяет биологически оформить концепт предполагаемого объекта толерантности» (Evers, 1994, p. 18).

По концепции Г. С. Батищева, универсум открыт субъекту на разных уровнях в соответствии со степенью открытости субъекта навстречу ему, в силу их подобной глубины: «Подобное встречается с подобным. Соответственно имеющее внутри себя виртуальную глубину встречается с инаковой глубиной на сугубо взаимностных началах» (Батищев, 1989, с. 29). «Подобие» у Батищева обозначает не равенство содержаний, а «равенство глубины, которое дает о себе знать своего рода резонированием виртуальных состояний субъекта с подобными состояниями другого субъекта... Глубинная подобность, возникающая на основе духовного роста субъекта и переживаемая им как сущностное единство его и универсума, является одной из основ нравственной ориентированности личности в ее стремлении к другим личностям» (Стрелкова, 1991, с. 202).

Путь развития — это путь нахождения в себе другого, нахождения своего собственного неактуализированного потенциала, бесконечность распредмечивания которого задана бесконечностью появлений универсума. Однако даже исходя из приоритета междусубъектности невозможно продуктивно взаимодействовать с другим, будучи выключенным из своей самости. Субъект должен опознать в другом себя, без этого невозможен полноценный диалог. Это положение отражено в бахтинском термине «внеаходимость», обозначающем способность сохранять дистанцию, не растворяясь в партнере, но взаимодействуя с ним.

Именно различие служит двигателем общения, и в то же время его сверхзадачей является поиск единства. Это единство реализуется в творении общения, возникающего в виде диалога различных, «инаковых» личностей, мировоззрений, метафор, концепций, творящих себя в качестве таковых в ходе этого диалога. Понимание-диалог как способ мышления не стремится к однозначности или к победе в конкуренции мировоззрений. В диалоге уничтожение противника уничтожает саму диалогическую сферу жизни сознания, а с ней и потенциал саморазвития и самопознания. В свою очередь диалог в современном философском осмыслении есть содержание и сердцевина человеческого сущностного мира, всестороннее соучастие человека в жизни другого человека и одновременно состояние гармонии единения противоположных интересов и направленности человеческих поступков. М. М. Бахтин писал о диалоге сознаний как об акте постижения мира, проставляя в своем рассуждении больший акцент на ценности явления *встречи* «разных миров», нежели факте их самобытного существования: «Из самого понятия единой истины еще вовсе не вытекает необходимость одного и единого сознания. Вполне можно допустить и помыслить, что единая истина требует множественности сознаний, что она принципиально неместима в пределы одного сознания, что она, так сказать, по природе событийна и рождается в точке соприкосновения разных сознаний» (Бахтин, 1972, с. 135).

В контексте эпистемологического подхода к проблеме природы конфликта О. Надлер так исследует конфликт *миров* или *структурных рамок*: с точки зрения автора, последние

не могут быть урегулированы с помощью обычных аналитических методов. Причиной тому является не критичность их представителей в восприятии фундаментальных гипотез, на которых базируются эти миры: всякая попытка рефлексии равнозначна выходу за пределы данного мира, т. е. переходу в иной мир (см.: Природа конфликта и теория человеческих потребностей, 1991). Потребность в значении и страх его утраты представляют собой то основание, следуя которому конфликтующие стороны не могут прийти к согласию. Конфликт миров означает конфронтацию значений или столкновение альтернативных по отношению друг к другу способов реализации базовых человеческих потребностей. Надлер замечает здесь, что любой отличный от нашего мир, представляя собой оригинальный путь (способ) насыщения потребности в значении, может быть воспринят как мир, ставящий под сомнение наш путь и нашу идентичность (Nudler, 1990).

Традиционные средства, по мнению этого исследователя, несостоятельны в разрешении подобного рода противоречий, основными из которых могут быть названы конфронтация поколений и конфликт этнических групп, основанные на столкновении метафор — ценностных ориентаций, религиозных взглядов и т. д. Надлер предлагает в разрешении противоречия миров использование эвристических и методологических возможностей такой формы научного познания, как диалог, что позволяет смотреть на предмет познания не только с высоты объективности, но и в широте надсубъектности. В частности, одним из конкретных эпистемологических методов разрешения конфликтов автор считает метод «диалога метафор». Его сущность состоит в том, что сопоставление двух конфликтующих миров, которые выражены посредством соперничающих метафор, возможно не только путем их логического противопоставления, которое ведет в тупик «картезианской рациональности», но также методом взаимного обогащения через диалог метафор, способствующий «расширению рациональности» и процессу взаимного научения. Одним из примеров подхода к совмещению метафор может служить идея «двояких изображений» в гештальтпсихологии, где «фигура», «силуэт» неотделимы от «фона». Наиболее часто используемым примером совмещаемых метафор является древне-

китайский символ «инь-ян», отражающий диалектическую сущность мира. В философии данный принцип познания мира находит свое выражение в кантианском методе решения антиномий.

В контексте эпистемологического подхода взаимное непонимание между минимально двумя этническими группами исследуется как конфликт миров, структурных рамок, метафор или – идентичностей. Из этого может следовать, что приобщение к одинаковым ценностям, содержащее в себе потенциал для сближения идентичностей, их обобщения на сходных основаниях, потенциально содержит основу для сближения разных миров как субъектов взаимодействия (Nudler, 1990).

Поиск возможных путей к толерантному сосуществованию в этнокультурной, социальной, духовной (в т. ч. конфессиональной) сфере должен строиться на основе принципа, диктуемого спецификой объекта познания; этот принцип – понимание. В контексте современного гносеологического знания требование объективности познающего субъекта может быть сформулировано как восприимчивость сознания к инаковости текста.

Принцип познания в рассматриваемых сферах человеческой жизнедеятельности и «миротворчества» должен по своей природе быть субъектообразующим в отношении рассматриваемого объекта. Именно переход от субъект-объектных отношений, в которых каждая из сторон воспринимает другую в качестве условия, индифферентного к ее собственному развитию, к взаимодействиям субъект-субъектным, является «содержанием прогрессирующего развития межкультурных взаимодействий отдельных социальных организмов» (Еремин, Ларченко, 1986, с. 82). Характеристикой субъект-субъектных отношений в межкультурном и межэтническом взаимодействии может служить то, что в них социальные организмы раскрываются друг для друга «не только со стороны объективности, самостоятельности существования, но и со стороны взаимословленной сопричинности» (там же).

Существенным основанием становления, продуктивного развития и реализации субъект-субъектных отношений является формирование общего для отдельных социальных орга-

низмов объекта деятельности (Фофанов, 1981). Последний возникает в процессе «взаимного присвоения объективированных форм социальной деятельности как формы проявления и существования культуры. Взаимно присваивая культурное достояние друг друга, отдельные социальные организмы в ходе этого присвоения неизбежно переходят к общему культурному бытию» (Еремин, Ларченко, 1986, с. 82).

Межкультурное, межэтническое взаимодействие, его основные социально значимые признаки находят свое отражение в уровне социального восприятия этноконтактных групп, у членов которых формируются представления, содержащие образ аутгруппы, образ взаимодействия в целом, и представления о том, как их группа воспринимается в этом взаимодействии со стороны.

Исследование факторов этнической толерантности в отечественной и зарубежной науке. Важным моментом в этнопсихологическом исследовании проблемы повышения — понижения уровня этнической толерантности является поиск оснований возможных социально-психологических барьеров во взаимодействии этнических субъектов: тех обстоятельств, которые детерминируют уровень их близости — отдаленности по каким-либо внешним или внутренним признакам и, соответственно, в большей или меньшей степени содержат в себе потенциал для приобщения этноконтактных групп к сходным параметрам существования.

Согласно подходу Э. Х. Панеш к исследованию межэтнического взаимодействия, основные ракурсы рассмотрения данной проблемы должны соответствовать позициям «бинарных осей в рамках основных исторических факторов» (Панеш, 1996, с. 17). К таким факторам, по мнению исследовательницы, следует отнести «территориальную принадлежность и зоны контактного соприкосновения, численное соотношение взаимодействующих этносов, хозяйственно-культурную специфику, расовую принадлежность и антропологические типы, языковую принадлежность и степень развития двуязычия, конфессиональную принадлежность, интенсивность миграционных процессов и т. д.» (там же). Основными оппозиционными стереотипами (бинарными осями) в соответствии с этим являются:

стадиальный аспект, раскрывающий по линии сопоставления — противопоставления степень цивилизованности воспринимаемых объектов (бинарная ось «цивилизованный — дикий»);

хозяйственно-культурный, предполагающий сопоставление — противопоставление на уровне как конкретных хозяйственно-культурных типов, так и в рамках одного хозяйственно-культурного типа;

конфессиональный аспект, где оппозиция строится по принципу «верующий — иноверец», включая в себя все разнообразие позиций по соответствующему вопросу (например, бинарная ось «истинно верующий — сектант»);

расово-антропологический аспект, рассматривающийся, так же, как и хозяйственно-культурный, на двух уровнях: глобальном и более конкретном, в рамках которого может добавляться «опосредованное действие первого уровня в качестве ассоциативной связи с расово-антропологическими представлениями, под которыми следует понимать расовую привязку к конкретной географической зоне» (Панеш, 1996, с. 44);

стационарно-миграционный аспект построения оппозиционных стереотипов; сопоставление и противопоставление в данном аспекте строится по оси «абориген — пришелец» либо «коренной — некоренной».

В современной ситуации глобализации, урбанизации и унификации важнейших сторон жизнедеятельности противопоставление по оси стадиальных и хозяйственно-культурных различий во многом утратило свою актуальность, и в первую очередь в странах, находящихся на стадии постиндустриального развития, что представляет собой мощнейший фактор активизации процесса сближения представителей разных этнических групп, приобщенных к единому образу жизни — городскому — и тем самым интегрированных в единое сообщество. Городской образ жизни, в рамках которого происходят наиболее мощные процессы стандартизации основ жизнедеятельности всех, кто входит в его систему, независимо от этничности, можно рассматривать в качестве существенного фактора в процессе формирования толерантных отношений между этноконтактными группами, проживающими в урбанизированном регионе (Этносоциальные проблемы города, 1986; Арутюнов, 1993).

Особое значение в формировании специфики межэтнического взаимодействия имеет феномен статуса большинства — меньшинства. Этнический статус имеет два аспекта рассмотрения: объективный (численное соотношение) и субъективный, интерпретируемый как социальный статус этнической группы. Статус этноса представляет собой «отношение минимально двух культур и проявляется в их контакте либо в их представлениях, являющихся следствием подобного контакта» (Савва, 1997, с. 25). Так, например, статус меньшинства может стать источником «неблагополучия», требующего поиска путей выхода из кризиса. В связи с этим можно говорить о существовании разных стратегий решения одних и тех же проблем, имеющих у разностатусных этнических групп.

С этим связан тот факт, что в среде этнического меньшинства идентификационные процессы отличаются большей интенсивностью: «Этническая идентичность более четко осознается, а различия между группами раньше приобретаются, если социализация ребенка проходит в полиэтнической среде <...> Точность знаний о своей принадлежности к определенной этнической общности во многом зависит от того, к какой группе ребенок принадлежит — *группе большинства или группе меньшинства*» (Стефаненко, 1999, с. 221–222).

В контексте существенных различий в численности у этноконтактных групп проблема восприятия и освоения собственной культуры может иметь характерные отличия для этнического большинства и этнического меньшинства. В этнокультурном контакте группа может положительно воспринимать то, что обогащает, не внося существенных изменений, приводящих к аккультурации или ассимиляции. Процесс аккультурации или ассимиляции может быть обусловлен потребностью представителей конкретной этнической группы в изменении, в приобретении новых позитивных оснований для идентификации и т. д.

Для этнического большинства влияние культуры этнических меньшинств не представляет существенных оснований для активизации процессов аккультурации или ассимиляции. В свою очередь для представителей этнического меньшинства, для которых собственная культура является значимой (зна-

ние языка, соблюдение традиций и т. д.), напротив, в гораздо большей мере актуальна позиция дистанцирования в этнокультурных и этносоциальных (межэтнические браки) контактах от представителей этнического большинства. Подобную ситуацию, связанную с поиском баланса в межэтническом и межкультурном взаимодействии, известный социальный антрополог Р. Парк объясняет тем, что этнический конфликт как сторона межгрупповых отношений вызывается угрозой, реальной или мнимой, существующему «экологическому паттерну» взаимоприспособляемости (см.: Скворцов, 1996).

Особая роль в исследовании явления толерантности в регионе отводится анализу *социально-психологических* и *этнокультурных факторов*, влияющих на направленность этнических процессов в этноконтактной зоне. Социально-психологические факторы формирования особенностей взаимодействия этносов включают совокупность характеристик социально-перцептивной и ценностно-мотивационной сфер жизнедеятельности этнической группы как коллективного субъекта взаимодействия.

Этнокультурные факторы, влияющие на формирование социально-психологических особенностей взаимодействия этносов — это, в нашем понимании, различные факторы культурного происхождения, влияющие на ход взаимодействия между этническими общностями через формирование системы этнокультурных ценностей и установок, выступающих в нашем исследовании в качестве важнейших переменных, эмпирических индикаторов изучаемой проблемы.

Среди наиболее значимых социально-психологических факторов, определяющих особенности взаимодействия этносов и уровень этнической толерантности в этом взаимодействии, можно назвать *фактор перепада уровней этнической престижности* (Арутюнов, 1985, с. 40). Последний, в частности, делает особо актуальным рассмотрение вопроса о валентности этнической идентичности и факторах, ее определяющих. Так, борьба за язык представителей этнического меньшинства, за расширение его функциональных и, как возможное следствие, ареальных границ служит примером проявившихся в процессе межэтнического взаимодействия позитивных перемен в этническом самосознании, актуализации его направ-

ленности на защиту социальных и экономических интересов собственного этноса.

Исследователи в области этнической психологии связывают возможное снижение уровня этнической толерантности с фактом восприятия представителями этнической группы влияний этноконтактной группы как угрожающих целостности их группы. Эмпирически выявлены и теоретически доказаны закономерности, согласно которым «культурные заимствования в области материальной культуры и хозяйственных приемов (то есть внешнекультурных черт) оцениваются с обеих сторон положительно, заимствования же “психологического” характера, а именно изменения в ценностях, установках, мировоззрении (то есть внутрикультурных чертах) воспринимаются культурой, ощущающей эти изменения (обычно — меньшей этнической группой <...>), негативно, как угроза своему существованию» (Лебедева, 1991, с. 116). Подобная тенденция объясняется боязнью утраты целостности группы, поскольку влияния на «внутрикультурном» уровне более существенны, чем «внешнекультурные» заимствования, и способны привести к таким последствиям, как смена идентичности и ассимиляция группы в целом. В зависимости от воспринимаемого уровня опасности инокультурных влияний для существования этнической общности «члены группы могут “видеть” представителей контактирующей с ними группы либо “ближе”, либо “дальше”, чем они есть на самом деле» (Лебедева, 1989, с. 13).

Механизмы внутригрупповой суггестии и внешнегрупповой контрсуггестии включают тогда, когда представители данной этнической общности видят в характере этнокультурных контактов с другой общностью угрозу существованию группы как целостного субъекта взаимодействия, исходящую от культуры, далекой по внутренним признакам. Такими признаками, в частности, являются ценности как духовная надстройка общества, в которой концентрируются психологические основы жизнедеятельности, идеалы, стремления. Основная цель действия суггестивных механизмов в подобной ситуации — «максимально ослабить инокультурное влияние, ведущее к распаду данной культурной идентичности, обладающей меньшими размерами и большей плот-

ностью контактов с представителями соседней культуры» (Лебедева, 1991, с. 115).

Выраженная дистанция между группами во «внутрикультурных» чертах (т. е. существенные различия в ценностных ориентациях) может являться важным показателем актуализации действия механизмов групповой суггестии в межэтническом взаимодействии, а также — показателем уровня толерантности — интолерантности в подобном взаимодействии. В то же время сходство в том или ином аспекте внутрикультурного содержания этноконтактных групп, к примеру в характере ценностных ориентаций, может выступать важным условием социально-психологического сближения данных групп и формирования надэтнической региональной или субрегиональной общности.

Таким образом, более высокая степень социально-психологической близости этноконтактных групп обуславливается действием фактора, который можно условно назвать *фактором включенности в сходные (в том числе общие) сферы и приобщенности к сходному образу повседневной жизнедеятельности — как к материальной, так и к духовной его стороне (в том числе к ценностным ориентациям, социальным установкам и проч.)*. В этом случае происходит формирование нового уровня взаимоотношений двух контактирующих сторон — этнических групп, характеризующегося переходом к новому системному единству, где важнейшую роль в стабилизации отношений играет феномен абсолютного взаимоположения двух сторон данной саморазвивающейся и целостной системы. Именно процесс урбанизации, в ходе которого формируются основания для нового типа отношений между представителями разных этносов, переносит акцент с этнического на надэтнический уровень в самосознании членов этноконтактных групп региона, подвергшегося высокой степени урбанизации.

Важным моментом в исследовании социально-психологических особенностей межэтнического взаимодействия является проблема инкультурации (Herskovitz, 1949), т. е. вхождения представителя этноса в этнокультурную среду, иначе — этнокультурной социализации. Формирование личности, адекватной тому или иному типу социального и этнокультурного

взаимодействия, происходит под влиянием множества обстоятельств, оказывающих характерное влияние на индивида, которые можно определить как *факторы социализации*. Приобщение личности к культурному наследию представляет собой коммуникативный процесс — процесс обмена информацией, в котором стороны (институты социализации и социализирующийся индивид), взаимно воздействуя, формируют друг у друга социальные позиции и установки, необходимые для повышения эффективности реализации задач, поставленных культурой в данном контексте, — приобщению к условиям жизни социальной группы и соответствию уже воспринятым нормам и образцам.

Важнейший результат социализации — *социальная установка* — есть «выражение ценностной ориентации в форме социально детерминированной предрасположенности личности (группы) к заранее определенному отношению — позиции к данной вещи (человеку, явлению, событию)» (Социальная психология, 1975, с. 98). Необходимым условием формирования установки, согласно концепции Д. Н. Узнадзе, является совпадение потребности и ситуации. Потребностью, по Узнадзе, является «всякое состояние психофизического организма, который, нуждаясь в изменениях окружающей среды, дает импульс к необходимой для этой цели активности» (Узнадзе, 1966, с. 164). Как эффект социализации социальная установка представляет собой одновременно «и целостное, направленное на определенные объекты поведение, и ориентированную на это поведение в определенной социальной ситуации готовность индивида, мобилизованность субъекта для предстоящего поведения, в какой-то мере детерминированного социальным ожиданием» (Ананьев, 1971, с. 148).

Факторы толерантного межэтнического взаимодействия в поликультурном регионе Самарская область. Обобщая все вышесказанное, можно сделать следующее заключение: на формирование особенностей межэтнического взаимодействия и уровень толерантности в поликультурном, полиэтническом регионе в наибольшей мере влияют *внешние (социально-исторические) и внутренние (социально-психологические и этнокультурные) параметры существования группы*.

Среди внешних факторов необходимо отметить территориальную принадлежность, зоны контактного соприкосновения с другими этносами, численное соотношение взаимодействующих этносов (статус большинства — меньшинства), антропологические типы, языковую принадлежность и степень развития двуязычия, конфессиональную принадлежность (Панеш, 1996), а также степень урбанизированности региона — зоны этнического контакта.

Особое место среди социально-исторических параметров занимают особенности формирования этноконтактной зоны. Анализ особенностей **формирования этноконтактной зоны** по данным историко-архивных материалов позволил выявить специфику межэтнического взаимодействия в Самарской области в исторической ретроспективе. Внешние, социально-исторические, обстоятельства обусловили надэтнический характер основной парадигмы общего развития и социальной истории Самарской области в целом и г. Самары в частности.

Наиболее мощный потенциал для интеграционных процессов в полиэтническом регионе, активизирующих формирование региональной надэтнической общности, сближение этноконтактных групп на социально-психологическом уровне, задается тем фактом, что заселение русскими, татарами, чувашами, мордвой территорий Самарского Заволжья в ходе их аграрного освоения происходило фактически одновременно. Это изначально ставило все этноконтактные группы в **равноправное положение переселенцев**, которые не имели права претендовать на статус «коренных» народов. Подобная ситуация, в частности, может не обнаруживать существенных оснований для соперничества и конфронтации соседствующих этнических групп, например для борьбы за ресурсы среды в процессе ее перераспределения на новых основаниях, способных вызвать протест «коренного» населения.

Смешанные селения как форма совместного существования этнических групп, а следовательно — как объективное основание для межэтнического взаимодействия создавали существенные предпосылки для этнических процессов, происходивших на территории Самарского Заволжья со времени его аграрного освоения. По мнению С. А. Арутюнова, «уровень языковой ассимиляции, т. е. интенсивность процесса от-

хода от пользования родным языком, находится в прямо пропорциональной зависимости от степени дисперсности, чересполосности расселения той или иной части данного этноса» (Арутюнов, 1985, с. 40). Исследователи этнокультурной динамики в Самарской области отмечают, что «**социальная однородность населения** в пределах смешанных селений способствовала утрате некоторых особенностей у отдельных этнических групп. Постоянные и разнообразные межэтнические контакты внутри сложившейся региональной общности вели к обогащению культурного облика каждой из этнических групп и развитию в последующий период интернационалистических установок» (Ведерникова, 1981, с. 150).

Процесс **урбанизации** стал одним из важнейших факторов формирования особенностей этноконтактной ситуации в рассматриваемом регионе. Представляя собой исторический процесс повышения роли городов в развитии общества, урбанизация в Самарской области охватила социально-профессиональную; демографическую структуру населения, его культуру, размещение производительных сил, расселение и т. д.

Согласно Всесоюзной переписи 1989 г., русские как этническая группа в основном проживали в городах. Следствием новой волны урбанизации в послевоенные годы стало то, что русское население Поволжья перешло качественную грань, за которой заканчивалась традиционная деревенская патриархальная культура.

Переломным моментом в процессе урбанизации татар, по мнению исследователей, был период конца 1950–1960-х гг. XX в., когда более половины представителей татарского населения стали городскими жителями. В 1979–1980-х гг. доля татарского городского населения выросла довольно существенно: с 63 до 69 %. Сейчас татары являются одним из самых урбанизированных народов России (Исхаков, 1993).

Приверженцами городского образа жизни в настоящее время в Самарской области являются не только горожане (Этносоциальные проблемы города, 1986), и особенности восприятия мира у горожан не намного отличаются от таковых у жителей сел и деревень, приобщенных к городской жизни посредством тесных связей современного села с городом. Это находит свое выражение в факте сближения городских и сель-

ских жителей и отражается на уровне этнического самосознания. В частности, по данным социально-психологического исследования особенностей этнического самосознания групп русских, татар, чувашей и мордвы, проведенного в г. Самаре и Самарской области, отмечено «выравнивание различий у городских и сельских опрашиваемых» и установлено, что их этническое самосознание не зависит от места проживания. Это может, по мнению автора исследования, «являться результатом проникновения культуры города в культуру села, определенной унификации не только в материальной, но и духовной сфере, связанной прежде всего с влиянием средств массовой информации, с частыми контактами между жителями села и города и т. д.» (Львина, 2000, с. 21).

Другим важнейшим фактором формирования единой общности, надэтнической по своему характеру, является, на наш взгляд, **идеология государства**, пропагандирующая тот или иной приоритетный способ сосуществования этноконтактных групп, в частности специфику взаимоотношений между большинством и меньшинствами, его политика, проводившаяся на территории исследуемой этноконтактной зоны. В частности, идеология интернационализма, наиболее активно внедрявшаяся в годы советской власти, стала, на наш взгляд, существенным фактором формирования на территории Самарской области социально-психологической общности, надэтнической по своему характеру.

2.2. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Определение показателей уровня этнической толерантности в поликультурном регионе Самарская область. В связи с изучением социально-психологических факторов формирования толерантности в межэтническом взаимодействии особую важность приобретает проблема определения основных показателей, позволяющих диагностировать реальный уровень этнической толерантности: внешних и внутренних признаков толерантного межэтнического взаимодействия в регионе, на которых необходимо основываться при анализе конкретной сложившейся этноконтактной ситуации.

Индикаторы уровня толерантности этноконтактных групп можно условно разделить на *внешние* и *внутренние*. Внешние показатели — объективно фиксируемые явления в жизнедеятельности этноконтактных групп при их непосредственном взаимодействии. Внутренние показатели — совокупность эмпирических социально-психологических индикаторов, измеряющих уровень межэтнической напряженности, степень социально-психологической, ценностно-ориентационной, социально-ориентационной близости взаимодействующих групп и направленность соответствующих ориентаций.

Среди этнических процессов в отечественной этнологии принято различать **процессы объединительные** — этническую консолидацию, ассимиляцию и межэтническую интеграцию, и **процессы этнического разделения**, к которым относится этническая дифференциация (Козлов, 1973). Доминирующий вид этнических процессов на территории поликультурного региона определяется по степени включенности представителей контактирующих общностей в тот или иной этнический процесс. Внешним, объективным показателем уровня толерантности во взаимодействии этноконтактных групп является **направленность этнических процессов** в данном регионе. Понятию включенности в этнический процесс, имеющему психологический аспект, в определенной мере соответствует понятие кросс-культурной психологии **стратегии аккультурации**, среди которых — *ассимиляция, сепарация, маргинализация* и *интеграция* социально-психологической основы этнической мобилизации, имеющей тенденцию проявляться в разной степени у групп, обладающих сходными этносоциологическими характеристиками (Веггу, Калинин, 1995). Показателем высокого уровня этнической толерантности в поликультурном регионе выступает включенность представителей контактирующих групп в **процесс межэтнической интеграции**, представляющий собой предпосылку для формирования надэтнической общности в данном регионе.

Определение внутренних, социально-психологических, индикаторов повышения — понижения уровня толерантности в межэтническом взаимодействии позволило нам теоретически и методологически оформить наше исследование. Необходимо было обозначить такие переменные, необходимые для изуче-

ния ситуации межэтнического взаимодействия в поликультурном регионе Самарская область, как *этническое самосознание — этническая идентичность; этнокультурные ценности и установки; содержание социально-перцептивной сферы* представителей исследуемых групп. К последнему блоку переменных относятся, в частности, этнические стереотипы, а именно — уровень их негативизации и степень совпадения образов самовосприятия группы и образов ее восприятия этноконтактной группой, а также уровень социально-психологической близости этнических групп и уровень этнической толерантности представителей контактирующих групп. Индикаторами ценностно-мотивационной сферы могут стать социальные ориентации на модернизм — традиционализм, а также специфика культурных ценностей группы, отражающая тот или иной тип мировоззрения ее представителей. Таким образом, методологический аппарат нашего исследования во многом опирался на отечественную социально-психологическую теорию межгруппового взаимодействия и взаимовосприятия (Агеев, 1990; Андреева, 1999), а также на кросс-культурные концепции социальных ориентаций и типов культурных ценностей зарубежных исследователей (Schwartz, 1992; Triandis, 1994).

Эмпирическое исследование факторов этнической толерантности — интолерантности в поликультурном регионе Самарская область.

Целью нашего исследования являлось изучение социально-психологических детерминант этнической толерантности — интолерантности во взаимодействии русских, татар и чувашей г. Самары и Самарской области, которые находят свое проявление в фиксируемой на протяжении длительного времени интеграционной тенденции в этнических процессах на изучаемой территории.

Объектом эмпирического этнопсихологического исследования стали группы русских, татар и чувашей. Общее число опрошенных составило 350 человек, среди них 150 русских, 150 татар и 50 чувашей. Количественные и половозрастные параметры выборки представителей исследуемых групп отражены в табл. 2.1.

Высшее образование имели: русские — 53 человека, татары — 52 человека, чувашаи — 14 человек; незаконченное выс-

Таблица 2.1

Численность русского, татарского и чувашского населения г. Самары и Самарской области и половозрастные параметры выборки

Показатель	Этническая группа		
	Русские	Татары	Чуваши
Численность в г. Самаре, тыс. чел.	1100,63	38,448	19,006
Доля среди населения г. Самары, %	87,5	3,1	1,5
Численность в Самарской области, тыс. чел.	2 720 171	115 280	117 914
Доля среди населения Самарской области, %	83,4	3,6	3,6
Объем выборки, чел.	150	150	50
Пол респондентов:			
мужской	65	69	19
женский	85	81	31
Возрастная группа, лет:			
17–25	74	57	16
25–35	12	23	14
35–50	41	40	14
>50	23	30	6

Примечание. Данные о численности русских, татар и чувашей, населяющих г. Самару и Самарскую область, указаны по кн.: Национальный состав населения Куйбышевской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Куйбышев, 1990. С. 8.

шее: русские — 64 человека, татары — 45 человек, чувашаи — 18 человек; среднее специальное образование: русские — 32 человека, татары — 53 человека, чувашаи — 16 человек; незаконченное среднее образование: русские — 1 человек, чувашаи — 2 человека.

Этнический состав населения г. Самары и Самарской области достаточно многообразен, его основа — русское население. Другие этнические группы малочисленны и составляли в разные годы в общей сложности от 11,3 до 12,5 %. Наибольшей среди нерусского населения г. Самары является доля

поволжских татар, чувашское население представлено в меньшей степени (см. табл. 2.1). Среди прочих этнических групп г. Самары, составляющих меньшинство, — мордва, евреи, украинцы, белорусы, казахи, немцы, башкиры, марийцы. Постоянно увеличиваются численность и доля представителей других национальностей, которые не отслеживаются переписями подробно: от 9,5 тыс. в 1970 г. (0,9 %) до 15,9 тыс. человек (1,2 %) в 1989 г.

Выбор русской, татарской и чувашской групп населения г. Самары и Самарской области для эмпирического социально-психологического исследования обусловлен исследовательским интересом к особенностям взаимодействия русских как этнического большинства и татар как этнического меньшинства, не теряющего самобытности на протяжении длительного времени сосуществования с доминирующим этносом, и к сопоставлению тенденций русско-татарского взаимодействия с тенденциями отношений между русскими и чувашами.

В основу исследования положен ряд перечисленных ниже гипотез.

Уровень толерантности в межэтническом взаимодействии русских, татар и чувашей Самарской области во многом является следствием социально обусловленных исторических и современных реалий совместной жизнедеятельности в этноконтактной зоне. Значимыми факторами толерантного взаимодействия этноконтактных групп выступают различные внешние и внутренние обстоятельства формирования социально-психологического пространства их взаимодействия (в том числе территориальные, социально-экономические, демографические, этнокультурные и многие другие).

Можно предположить, что длительная история сосуществования этноконтактных групп на территории г. Самары и Самарской области содержала совокупность условий для складывания взаимодополнительной формы сосуществования групп этнических меньшинств и этнического большинства и формирования в данном регионе социально-психологической общности, включающей различные этноконтактные группы и характеризующейся сходством культурных ценностей и установок представителей данных групп. В качестве определяющих в процессе сближения и взаимного приспособления эт-

нических групп русских, татар и чувашей данного региона можно выделить следующие социально-психологические обстоятельства:

— относительное сходство в направленности *этнокультурных установок* и типах *культурных ценностей*; оно обусловлено сближением в образе жизнедеятельности в зоне контакта, высокой степенью урбанизированности населения данного региона и выступает в качестве важнейшего основания взаимопонимания и формирования надэтнической общности в регионе;

— феномен взаимодополняющих этнокультурных ориентаций численно доминирующей этнической группы — русских и этнических меньшинств — татар и чувашей. Этническое меньшинство противопоставляет большинству более высокий уровень активности в вопросах, касающихся сохранения этнической и культурной самобытности и межпоколенной культурной трансмиссии, а следовательно — и более высокий уровень социально-психологической дистанцированности в этническом контакте с иноэтническим окружением;

— толерантности этнического большинства может в большей мере содействовать этнокультурная ориентация на приобщение и воспроизводство собственной культуры и этнокультурной идентичности. Напротив, важным основанием большей толерантности представителей этнического меньшинства в отношении этнического большинства будет являться менее акцентированная в их сознании этничность и приверженность этнокультурным традициям.

Степень традиционализма — модернизма в социальных ориентациях может по-разному отражаться на уровне толерантности в установках на межэтническое взаимодействие у представителей этнических групп, имеющих существенные различия в численности.

Беским основанием для этого может служить то, что одной из важнейших проблем взаимодействия общностей, проживающих на одной территории, является проблема распределения ресурсов среды. Наиболее острой эта проблема предстает в отношениях значительно различающихся по численности контактных групп, в частности — этнического большинства и этнического меньшинства. При этом если все экономико-

политические, социально-правовые ресурсы распределены справедливо, с возможностью равноправного их использования представителями любых этноконтактных групп в регионе, то в отношении своего этнокультурного воспроизводства этнические меньшинства заведомо располагают гораздо меньшими ресурсами в сопоставлении с аналогичными возможностями доминирующей группы (в первую очередь в отношении невысокой частоты использования родного языка, нередко предопределяющей его утрату или частичную потерю представителями этноса).

Следовательно, уровень консолидации представителей этнических меньшинств, сопряженный с деятельностью, направленной на сохранение особенностей этноса, его этнокультурного своеобразия, должен быть достаточно высоким. Он зачастую сопровождается, наряду с активностью социально-политического характера, созданием национально-культурных центров и объединений. Вся совокупность субъективных предпосылок выбора стратегий подобного поведения предполагает наличие социально-психологических механизмов «сближения» — «отдаления» в сфере взаимного восприятия доминирующего этноса и контактирующих с ним групп этнических меньшинств.

На основании этого можно предположить, что ориентированность татар на поддержание своей этнокультурной самобытности (традиционализм) способна вызывать социально-психологическое дистанцирование от русских и большую активизацию механизмов внутриэтнической консолидации и этнической мобилизации. Однако дистанцирование татар может не сопрягаться с усилением этнической интолерантности по отношению к русским и активизацией механизмов социально-перцептивного «отдаления» со стороны русских, что обусловлено существованием общего для данных этнических групп объекта деятельности, представляющимся закономерным в рамках урбанизированного общества с превалирующей ориентацией на приоритеты производственных достижений, модернизации, интеграции.

Задачи исследования:

— выявление уровня этнической толерантности в данном регионе посредством анализа основных показателей, характе-

ризирующих социально-перцептивную и ценностно-мотивационную сферы взаимодействия исследуемых народов;

— определение наиболее значимых факторов, влияющих на формирование толерантного взаимодействия в данной этноконтактной зоне, на основе анализа исторических тенденций и совокупности социально-психологических показателей;

— сопоставление данных эмпирического исследования этнопсихологической специфики социально-перцептивной и ценностно-мотивационной сфер респондентов татарской группы с данными по группе чувашских респондентов для выявления специфики взаимодействия этнического большинства — русских и этнических меньшинств — татар и чувашей (т. е. специфики русско-татарского и русско-чувашского взаимодействия).

Для решения поставленных задач мы использовали методы социально-психологического опроса и стандартизованного интервью, набор этнопсихологических методик, позволяющих подробно изучить социально-психологическую специфику межэтнического взаимодействия этноконтактных групп, — метод этнических авто- и гетеростереотипов Д. Катца и К. Брели (Katz, Braly, 1933), шкалу социальной дистанции Ф. Богардуса (Bogardus, 1959), преобразованную в шкалу социально-психологической близости (Лебедева, 1993), тест Куна — Мак-Партланда «Кто Я?» (Kuhn, McPartland, 1954), вопросы из анкет Н. М. Лебедевой, Г. У. Солдатовой и авторские вопросы, нацеленные на выявление этнокультурных установок и установок на межэтническое общение и взаимодействие, а также метод кросс-культурного исследования ценностей С. Шварца (Schwartz, 1992). Использовался также метод сравнительно-исторического и статистического анализа данных, характеризующих особенности формирования этноконтактной зоны г. Самары и Самарской области, специфику этнического и конфессионального состава региона и динамику соответствующих показателей во времени.

Уровень этнической толерантности выявляется на основе таких эмпирических этнопсихологических показателей, как:

1) показатели установок на этническую дифференциацию — межэтническую интеграцию, содержащую потенциал для формирования надэтнической общности в регионе;

2) показатели, позволяющие выявить степень сходства взаимных представлений респондентов относительно характеристик своей и чужих групп (авто- и гетеростереотипы, установки, указывающие на восприятие респондентами тенденции включенности представителей своей и этноконтактных групп в те или иные этнические процессы, и т. д.);

3) показатели уровня ценностно-мотивационной и социально-психологической близости — дистанцированности представителей исследуемых этноконтактных групп (в т. ч. степень сходства ценностных ориентаций, социальной дистанции по отношению к аутгруппе);

4) показатели уровня этнической толерантности в межличностных отношениях (в т. ч. на основании соотношения позитивных и негативных оценочных компонентов гетеростереотипов) и субъективно воспринимаемой степени межэтнической напряженности в регионе.

Основные эмпирические результаты исследования. Получены следующие наиболее значимые результаты эмпирического этнопсихологического исследования.

1. Показатели установок на этническую дифференциацию — межэтническую интеграцию. Данный вид показателей исследовался нами с помощью методики, позволяющей выявить степень значимости для респондента его принадлежности к этнической группе. Опрашиваемым было предложено ответить на вопросы, сформулированные в виде оценочных суждений, ответы строились на основе шкалы семантического дифференциала, позволяющей избежать социально желательных ответов. Значимость этнической принадлежности измерялась нами с помощью суждений «Считаю, что современному человеку его национальность должна быть безразлична» и «Для меня не имеет значения моя национальность и национальность окружающих», которые оценивались респондентами по шкале от 1 (полностью согласен) до 7 (совершенно несогласен). Первое суждение отражает представления о степени значимости этничности на уровне социального восприятия, второе показывает личностный уровень значимости данного признака. Полученные в ходе исследования результаты представлены на рис. 2.1 следующим образом: ответы на первое суждение отмечены цифрой 1, ответы на второе суждение — цифрой 2.

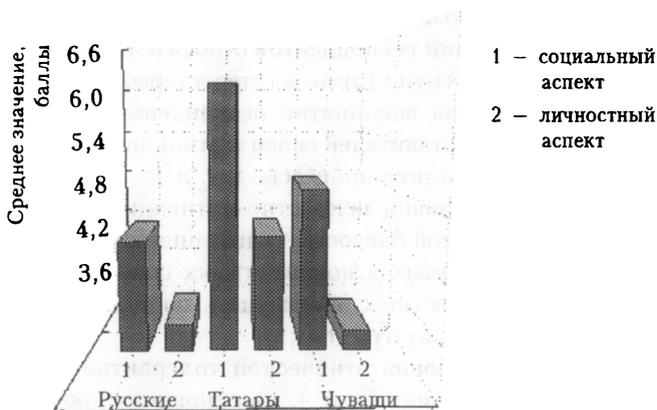

Рис. 2.1. Значимость этнической принадлежности: социальный и личный аспекты

Значимость социального аспекта этнической принадлежности оценена респондентами всех трех групп выше, чем значимость личного аспекта этничности. Наиболее высокой оказалась степень значимости этничности, имеющей социальный контекст, для татар, несколько ниже — для чувашей, наименее всего придают значение социальному аспекту этничности русские. Личностный контекст данного признака имеет несколько иное распределение по значимости: у татар сохраняется лидирующее положение данной детерминанты, тогда как для чувашей она менее, хотя и незначительно, важна, чем для русских.

Значимость этнической принадлежности в обоих ее аспектах более выражена у татар, чем у русских и чувашских респондентов (см. рис. 2.1). Русские демонстрируют гораздо меньшую приверженность этносу как объекту идентификации и аффилиации, согласны с утверждением о ненужности современному человеку этнической принадлежности (20 % опрошенных). Таким образом, уровень самоидентификации по этническому признаку и значимость этнической принадлежности наиболее высоки у татар, из чего следует, что именно татарами этничность более, чем русскими и чувашами, принимается и ценится в качестве определителя в процессе межэтнического взаимодействия.

Признание — непризнание наличия отличительных черт этнической группы представляет собой эмпирический индикатор, с помощью которого мы предполагали определить, насколько выражена в восприятии респондентов в виде конкретных черт и признаков собственная этничность и этничность окружающих. Данный показатель позволяет нам судить о степени деэтнизации сознания представителей этноконтактных групп как проявлении на уровне психики реальных этнических процессов. Так, например, признание факта существования отличительных черт может свидетельствовать об имеющемся в личном опыте и функционирующем на уровне установок стремлении к дифференциации по этническому признаку.

В качестве инструмента исследования показателя мы брали оценочное суждение, предполагающее ответ, в котором указывается степень согласия — несогласия с ним: «Никогда нельзя сказать, что отдельный человек несет в себе характерные черты своего народа». Ответы-оценки фиксировались, соответственно, по шкале от 1 (полностью согласен) до 7 (совершенно несогласен). Результаты приведены на рис. 2.2, где визуально ближний ряд столбцов показывает соотношение средних значений ответов трех групп относительно признания респондентами существования отличительных черт у этнической группы как таковой, а следующий за ним ряд указывает на процентное соотношение ответов — отрицаний существования этих признаков у представителей этнических групп.

Данные, приведенные на рис. 2.2, свидетельствуют, что чувашки признают существование особых признаков у представителей этнической группы в большей мере, чем татары и русские: показатель игнорирования этничности в качестве разделителя (визуально дальний ряд столбцов) набрал в чувашской группе наименьшее значение в сравнении с русской и татарской группами, тогда как показатель значимости этнического признака у чувашей очевидно выше, чем у представителей двух других групп. Иными словами, среди респондентов-чувашей больше, чем в других группах, лиц, признающих значимость этнических признаков. Татарская группа отвечающих продемонстрировала отсутствие четких установок на дифференциацию по данному параметру, т. е. высокий уро-

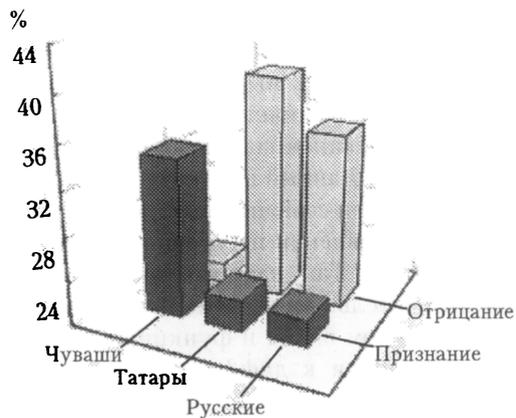

Рис. 2.2. Признание – непризнание наличия отличительных черт этнической группы

вень индифферентности в отношении этнических признаков. Русским свойственно во многом сходное отношение к рассматриваемой проблеме.

Итак, можно сделать вывод, что значение отличительных черт не выступило в ответах респондентов в качестве основополагающего фактора в межэтническом взаимодействии, проявляющегося на уровне социального восприятия. Этническая индифферентность наиболее характерна для татар. Это можно, на наш взгляд, объяснить тем, что подобная позиция является предпочтительной в ситуации взаимодействия численно меньшего этноса с большинством, и в целом воспринимаемая респондентами деактуализация этнических различий может проявляться как установка на соответствующее – желаемое поведение со стороны представителей этноконтактных групп.

Полученные данные могут свидетельствовать о проявляющейся на уровне социально-психологических показателей тенденции межэтнической интеграции в регионе в качестве конструктивного процесса, важной составляющей которого выступает невысокая степень подверженности сознания представителей контактирующих общностей установкам на внимание к различиям, во многом определяющая степень воз-

возможного внимания к внутренним глубинным сходствам контактирующих субъектов.

2. Показатели уровня социально-психологической близости — дистанцированности представителей исследуемых этноконтактных групп. Уровень социально-психологической близости исследуемых этноконтактных групп изучался с помощью шкалы социально-психологической близости Н. М. Лебедевой (Лебедева, 1993), в основе которой лежит шкала социокультурной дистанции Богардуса (Bogardus, 1959). Принцип ее анализа аналогичен принципу анализа показателей предыдущей таблицы. Шкала имеет семь делений: от минимального принятия — как жителя области до максимального — как близкого родственника (в браке детей). Ответы испытуемых давались в соответствии с их предпочтениями в отношении уровня близости контакта с представителями другой этнической группы: для русских — с татарами и чувашами (выступают в данном исследовании в качестве контрольной группы), для татар и чувашей — с русскими (табл. 2.2).

Судя по средним значениям соответствующих показателей, а также по процентным данным по каждой из категорий принятия, уровень близости респондентов с представителями других этноконтактных групп достаточно высок. Ограничились выбором лишь одной (первой) категории, не назвав более ни одной, только 7 % русских в отношении татар, 3 % русских в отношении чувашей и 1 % татар в отношении русских (см. табл. 2.2). Максимальное число ответов русской группы в отношении татар и чувашей сконцентрировано в графе, отражающей категорию принятия «близкий родственник». Это означает, что принимают татар и чувашей во всех указанных категориях 18,4 и 37,5 % русских респондентов соответственно. У татар преобладает категория принятия «близкий друг» (38 %), у чувашей — «близкий родственник» (62,5 %). Можно, таким образом, отметить некоторое дистанцирование татар в отношении вопроса сближения с русскими на уровне семьи, но и открытость к взаимодействию с ними на уровне дружеских отношений. «Отдаленность» татар, связанная с их культурными особенностями, в которые входит почитание семьи, обычаев и традиций, а следовательно, ретрансляция

Таблица 2.2

**Уровень социально-психологической близости
русских, татар и чувашей с представителями
этноконтактных групп, %**

Категория принятия представителя другой этнической группы	Исследуемая группа			
	Русские (близость – дистанциро- ванность с татарами)	Русские (близость – дистанциро- ванность с чувашами)	Татары (близость – дистанциро- ванность с русскими)	Чуваши (близость – дистанциро- ванность с русскими)
Житель области	7,0	3,0	1,0	–
Сосед	9,2	15,6	5,4	–
Партнер в сов- местной деятель- ности	14,3	15,6	6,5	3,0
Начальник	11,2	9,4	10,9	9,4
Близкий друг	16,3	9,4	38,0	9,4
Супруг / супруга	11,2	6,3	17,4	12,5
Близкий родственник (в браке детей)	18,4	37,5	17,4	62,5
Среднее значение	4,4	4,8	5,0	6,3

диахронной информации, осуществляемая непосредственно на семейном уровне, может вызывать множество соответствующего рода проблем при сближении в данной сфере жизнедеятельности с доминирующим в культурно-языковом отношении этносом – русскими. Подобной несогласованности для русских может не обнаружить семейная жизнь с чувашами, близкими по многим культурным параметрам к русским, в первую очередь по параметру религии. Высокая степень аккультурации и ассимиляции чувашей также является для русских сопутствующим фактором при выборе степени дистанцированности в отношении этого этноса.

В целом уровень социально-психологической близости исследуемых этноконтактных групп отвечает тенденции сближения на социально-психологическом уровне представителей

контактирующих общностей, проявляясь на объективном социально-историческом уровне в процессах межэтнической интеграции.

3. Показатели уровня этнокультурной и ценностно-мотивационной близости — дистанцированности представителей исследуемых этноконтактных групп. Важным сопутствующим обстоятельством данного процесса является также сближение в сфере ценностных приоритетов. Как известно, каждая культура предъясвляет свой набор базовых оснований человеческой мотивации — ценностей, имеющих различную направленность в зависимости от типа культуры, их создающей. Согласно подходу С. Шварца, основные типы культурных ценностей располагаются на двух биполярных осях: **Открытость к изменениям (Интеллектуальная и Аффективная автономии)** — **Консерватизм** (ценности безопасность, конформность, уважение традиций) и **Акцент на себе (Мастерство, Иерархия)** — **Акцент на других (Равноправие, Гармония)** (Schwartz, 1992; Лебедева, 2000).

Сходство — различие подобных базовых оснований жизнедеятельности у представителей контактирующих общностей есть важнейшее условие потенциальной конструктивности их взаимодействия. Непонимание на уровне ценностей чревато социально-психологическим дистанцированием, активизацией контрсуггестивных механизмов у представителей этих общностей. Напротив, относительная близость в сфере ценностных приоритетов позволяет прийти к общей конструктивной основе взаимодействия и взаимопонимания, что особенно важно для этноконтактных групп региона.

Ведущий тип культурных ценностей у представителей всех трех исследуемых нами групп — *Равноправие* (см. табл. 2.3).

В социально-психологической интерпретации данного типа ценностей (Лебедева, 2000) *Равноправие* позволяет рассматривать всех людей как равных перед моралью, здесь значимыми представляются социальная справедливость, равенство, а также личные моральные ресурсы — честность, верность, полезность и ответственность; последние могут быть показателями нравственного развития, и предъясвить их способен каждый.

Таблица 2.3

**Значимость типов культурных ценностей
для представителей исследуемых групп, баллы**

Исследуемая группа	Иерархия	Равноправие	Аффективная автономия	Интеллектуальная автономия	Консерватизм	Мастерство	Гармония
Русские	3,11	4,88	3,47	4,48	4,33	4,18	4,33
Татары	3,12	5,02	3,70	4,48	4,73	4,30	4,46
Чуваши	3,47	4,95	4,10	4,42	4,54	4,58	4,45

Примечание. Максимальная сумма баллов 7, минимальная – 1.

Равноправие отражает тот тип социально-практической ориентированности, когда на уровне социальной перцепции представителей контактирующих групп усвоенным является субъект-субъектность как реально существующая специфическая особенность их взаимодействия.

Следует отметить, что *Равноправие* и *Иерархия*, представляющие собой бинарную оппозицию, у всех групп опрошенных выступают, соответственно, как наиболее значимый (*Равноправие*) и наименее значимый (*Иерархия*) мотивационные типы. Это говорит об явном предпочтении респондентами обеих групп *Равноправия* в противовес *Иерархии*. Можно сделать вывод, что ценности *Равноправия* (равенство, социальная справедливость, ответственность, честность, верность, полезность) имеют для русских, чувашей и татар устойчивое ведущее значение, что отражает понимание соседствующими группами важности поддержания основ демократического общества. Это, на наш взгляд, является следствием процесса длительного взаимодействия этноконтактных групп региона и выработки общих основ жизнедеятельности, важнейшую часть которой составляют ценности.

Показательным представляется сопоставление результатов, полученных в выборке русских Самарской области, с результатами исследования ценностей русских студентов и учителей Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы и Ярославля, проведенного Н. М. Лебедевой (Лебедева, 2000). Автор выявила высокие значения показателей таких типов мотивации у групп русских респондентов, как *Иерархия*, *Интеллектуальная* и *Аффектив-*

ная автономии (3,10 и 4,27 балла по типам *Иерархия* и *Равноправие* у студентов; 3,05 и 4,93 балла у учителей).

Сопоставив полученные результаты с опросом русских студентов и учителей, проведенным в 1992 г. S. H. Schwartz, A. Bardi (1997), Н. М. Лебедева пришла к выводу о повышении значимости ценностей *Иерархии* у русской молодежи. Сравнение этих данных с данными, полученными в ходе исследования ценностных ориентаций русских Самарской области, демонстрирует меру влияния, которое могут оказывать внешние, объективные параметры существования этнической группы на актуализацию тех или иных ценностных ориентиров, важных для поддержания ее баланса со средой. Так, мы видим, что ориентации русских более близки к иерархической модели мировосприятия в этноконтактной среде, формирование которой изначально происходило как формирование среды моноэтнической, когда в традиции взаимодействия этнического большинства — «коренного» титульного этноса — с другими этническими субъектами не входило непосредственное приспособление, поиск компромисса, взаимодополнительности (Москва, Санкт-Петербург, Ярославль, Пенза).

Другая картина наблюдается в зоне контакта, формировавшейся по принципу эклектичности, одновременно заселяемой разными народами, не имеющими права претензии на первенство во взаимодействии с остальными группами. Здесь основой конструктивного взаимодействия является с необходимостью признание равенства в правах всех проживающих на одной общей территории, что находит свое выражение в приоритете типа ценностей *Равноправие*, показанного в выборке русских Самарской области.

4. Показатели степени сходства взаимных представлений у членов исследуемых групп. На основании сравнительного анализа эмпирических данных, полученных в ходе исследования, нами был найден совокупный показатель, описывающий **высокий уровень интенсивности межэтнических контактов**, который находит свое проявление прежде всего в **сходстве взаимных представлений об этноконтактных группах** у всех трех групп опрошенных и говорит о высокой степени социально-психологической близости этноконтактных групп.

При исследовании проблемы степени сходства образов самовосприятия этнической группы и ее восприятия этноконтактными группами данного региона мы опирались на метод этнических авто- и гетеростереотипов Д. Катца и К. Брели (Katz, Braly, 1933). Анализ содержания стереотипов позволил выявить факт совпадения оценок представителей каждой группы, сделанных в отношении этноконтактной группы, с характером самооценки данной группы. Предметом анализа служили произвольно выбранные респондентами характерные черты своей и этноконтактной группы (для русских — татары и чуваша, для чувашей и татар — русские). В табл. 2.4–2.10 приведены полученные результаты.

Таблица 2.4

**Характерные черты русских по мнению
самих русских, %**

Характеристики представителей своей этнической группы	17–35 лет, n = 86	45–65 лет, n = 64	Всего, n = 150
Доброта (добродушие, добросердечие, доброжелательность)	45	75	58
Широта души (в т. ч. щедрость, бескорыстие)	30	20	26
Трудолюбие	14	29	20
Гостеприимство	24	12	19
Ум (в т. ч. компетентность, изобретательность)	23	11	18
Лень, инертность	24	8	17
Безалаберность (в т. ч. отсутствие дисциплинированности и организованности, разгильдяйство, надежда на «авось»)	11	24	16
Терпимость	12	17	14
Открытость (прямодушие)	15	14	14
Терпение	21	8	15

Примечание. Здесь и в табл. 2.5–2.10 приводятся округленные данные.

Таблица 2.5

Характерные черты русских по мнению татар, %

Характеристики представителей аутгруппы	17–35 лет, n = 80	45–65 лет, n = 70	Всего, n = 150
Доброта, душевность, отзывчивость	28	29	28
Простота	28	24	26
Любовь к пьянству, куражу, бесшабашность	12	32	21
Этнический гегемонизм (чувство превосходства над народами-соседями)	5	33	18
Разобщенность («не помнят родства»)	25	10	18

Таблица 2.6

Характерные черты русских по мнению чувашей, %

Характеристики представителей аутгруппы	17–35 лет, n = 30	45–65 лет, n = 20	Всего, n = 50
Доброта (добродушие)	14	37	26
Гордость (высокомерность)	28	16	23
Гостеприимность	19	14	17
Трудолюбие	19	12	16
Общительность	21	5	14

Таблица 2.7

Характерные черты татар по мнению самих татар, %

Характеристики представителей своей этнической группы	17–35 лет, n = 80	45–65 лет, n = 70	Всего, n = 150
Сплоченность, взаимовыручка	44	57	50
Трудолюбие	20	52	34
Гостеприимство	28	28	28
Чистоплотность	24	25	24
Соблюдение традиций, стремление сохранить свою культуру	24	5	15
Уважение к старшим	14	15	14

Таблица 2.8

Характерные черты татар по мнению русских, %

Характеристики представителей аутгруппы	17-35 лет, n = 86	45-65 лет, n = 64	Всего, n = 150
Сплоченность (в т. ч. взаимовыручка, внимание и уважение к представителям своей национальности)	36	62	47
Хитрость, изворотливый ум	49	32	42
Предприимчивость, расчетливость, умение приспособиться	24,5	21,3	23
Агрессивность, недоброжелательность	26	19	23
Трудолюбие	13	32	21,3
Гордость, самоуважение	15	19	16,7
Национализм	15	15	15
Целеустремленность, настойчивость в достижении цели	13	15	14
Традиционализм, приверженность традициям	13	13	13
Религиозность	12	15	13
Аккуратность, чистоплотность	10	15	12

Таблица 2.9

Характерные черты чувашей по мнению самих чувашей, %

Характеристики представителей своей этнической группы	17-35 лет, n = 30	45-65 лет, n = 20	Всего, n = 50
Трудолюбие	44	86	62
Доброта	39	72	53
Гостеприимство	35	19	28
Простота	23	19	21
Скромность	14	23	18
Застенчивость (замкнутость)	14	5	10

Таблица 2.10

Характерные черты чувашей по мнению русских, %

Характеристики представителей аутгруппы	17–35 лет, n = 86	45–65 лет, n = 64	Всего, n = 150
Трудолюбие	16	46	28
Сплоченность	16	46	28
Хитрость	5	38	19
Доброта	21	15	19

Наиболее часто отмечаемая русскими респондентами черта русского народа — доброта (добродушие, добросердечие), набравшая 58,3 %. Татарами и чувашами в качестве одной из наиболее характерных черт русского народа была также названа доброта (душевность, отзывчивость), указанная в 28 % и 26 % случаев соответственно. Татары воспринимаются русскими как сплоченные (47 %), что совпадает с собственной характеристикой татарских респондентов (50 %).

Совпадение наиболее часто употребляемых этнических характеристик — допустимое значение для присвоения им качества стереотипа — 75–80 % (Стефаненко, 1999) — в ответах представителей исследуемых групп позволяет утверждать, что межэтническое взаимодействие в данной зоне контакта характеризуется достаточно высоким уровнем интенсивности (частоты и продолжительности) межэтнических контактов, плотности информационных потоков.

Следует также отметить качественную сторону процесса взаимного восприятия данных этноконтактных групп, а именно тот факт, что наиболее часто среди характеристик, данных этноконтактной группе (гетеростереотипов), встречаются *позитивные* качества: русские охарактеризованы как добрые (чувашаи — 26 %, татары — 28 %), татары — как сплоченные (русские — 47 %), чувашаи — как трудолюбивые (русские — 28 %). Высокий уровень интенсивности межэтнических контактов был эмпирически диагностирован при анализе показателей взаимных представлений об этноконтактных группах у всех трех групп. Их совпадение, так же, как совпадение характеристик-стереотипов, свидетельствует о высокой степе-

ни сходства представлений об особенностях этнических процессов в этноконтактной зоне.

В качестве критериев степени согласованности социально-этнических представлений у русских, татар и чувашей нами были взяты характеристики, описывающие степень проявления в поведении членов каждой исследуемой этнической группы таких качеств, как *взаимовыручка*, *разобщенность*, *сплоченность*, *сопереживание своему народу*. Респондентам давалось задание: «Укажите, какие из нижеперечисленных характеристик присущи русскому / татарскому / чувашскому народам в большей, меньшей степени, как всегда». Результаты приведены в табл 2.11–2.15.

Таблица 2.11

Оценка русскими степени проявления указанных качеств у русских в сравнении с прошлым, %

Качество	Степень проявления		
	Больше	Как всегда / не знаю	Меньше
Взаимовыручка	14,3	33,7	46,0
Сплоченность	11,2	26,5	55,0
Разобщенность	59,0	27,6	10,2
Сопереживание своему народу	34,7	37,8	22,4

Таблица 2.12

Оценка татарами степени проявления указанных качеств у русских в сравнении с прошлым, %

Качество	Степень проявления		
	Больше	Как всегда / не знаю	Меньше
Взаимовыручка	7,6	38,0	46,7
Сплоченность	11,0	32,6	47,8
Разобщенность	50,0	35,0	12,0
Сопереживание своему народу	27,0	33,7	34,8

Таблица 2.13

Оценка чувашами степени проявления указанных качеств у русских в сравнении с прошлым, %

Качество	Степень проявления		
	Больше	Как всегда / не знаю	Меньше
Взаимовыручка	18,8	22,0	59,4
Сплоченность	12,5	40,6	47,0
Разобщенность	47,0	43,8	9,4
Сопереживание своему народу	15,6	53,0	31,3

Таблица 2.14

Оценка татарами степени проявления указанных качеств у татар в сравнении с прошлым, %

Качество	Степень проявления		
	Больше	Как всегда / не знаю	Меньше
Взаимовыручка	43,5	31,5	19,6
Сплоченность	46,7	30,4	19,6
Разобщенность	17,4	24,0	52,0
Сопереживание своему народу	49,0	38,0	8,7

Таблица 2.15

Оценка русскими степени проявления указанных качеств у татар в сравнении с прошлым, %

Качество	Степень проявления		
	Больше	Как всегда / не знаю	Меньше
Взаимовыручка	35,7	53,0	7,0
Сплоченность	44,0	46,0	6,0
Разобщенность	7,0	42,0	45,0
Сопереживание своему народу	41,8	51,0	2,0

Данные, представленные в таблицах 2.11–2.13, свидетельствуют о сходстве представлений русских, татар и чувашей относительно динамики названных качеств у русских. Все три группы сходятся во мнении, что взаимовыручка и сплоченность у русских снизились в последнее время, тогда как разобщенность возросла.

Такое же совпадение представлений мы видим на примере оценки аналогичных качеств у татар (см. табл. 2.14, 2.15).

И русские, и татары указали на возросшую взаимовыручку и сплоченность и снизившуюся разобщенность татар. При оценке соответствующих качеств у чувашей русские и чувашские респонденты также оказались близки в представлениях о тенденции внутриэтнического взаимодействия у чувашей (табл. 2.16, 2.17).

Таблица 2.16

Оценка чувашами степени проявления указанных качеств у чувашей в сравнении с прошлым, %

Качество	Степень проявления		
	Больше	Как всегда / не знаю	Меньше
Взаимовыручка	33,3	36,4	24,2
Сплоченность	30,3	36,4	27,4
Разобщенность	30,3	36,4	27,3
Сопереживание своему народу	36,4	33,3	24,4

Таблица 2.17

Оценка русскими степени проявления указанных качеств у чувашей в сравнении с прошлым, %

Качество	Степень проявления		
	Больше	Как всегда / не знаю	Меньше
Взаимовыручка	31,3	37,5	9,4
Сплоченность	28,0	37,5	12,5
Разобщенность	9,4	34,4	34,4
Сопереживание своему народу	28,0	43,8	6,3

Чуваши, согласно ответам респондентов обеих групп, в меньшей мере, чем татарам, но в большей мере, чем русским, свойственно стремление к внутриэтническому общению (ср. с данными табл. 2.11–2.15).

На основании полученных данных об относительно высокой степени согласованности взаимных представлений этноконтактных групп мы приходим также к важному выводу о **специфике взаимодействия этнического большинства и этнических меньшинств** в г. Самаре и Самарской области. Она заключается в способности этноконтактных групп к **взаимодополнительному сосуществованию**, для которого характерны **стремление к соблюдению этнических границ у групп меньшинств и к их сглаживанию у этнического большинства**. Социально-психологическим основанием данной тенденции является наличие у представителей этнического большинства и этнических меньшинств различающихся установок на внутриэтнические и межэтнические связи. Указанная тенденция находит свое проявление в представлениях о большей сплоченности своего этноса и большей разобщенности этнического большинства (русских), характерных для татар и чувашей (см. табл. 2.11–2.13). Взаимные оценки указанных качеств у респондентов групп меньшинства и большинства совпадают с самооценкой по данным параметрам.

Подобная стратегия восприятия включенности представителей этнического большинства и этнических меньшинств в этнические процессы сочетается с тенденциями формирования образов этноконтактной группы. Более «разобщенные» русские представлены в наборе характерных черт всех трех групп опрошенных прежде всего как «добрые» (см. табл. 2.4–2.6). Татары, степень взаимовыручки которых оценена высоко в ответах двух групп опрошенных (см. табл. 2.14, 2.15), воспринимаются и русскими, и татарскими респондентами как «сплоченные» (см. табл. 2.7, 2.8). Характеристика чувашей как «сплоченных» присутствует в ответах русских респондентов (см. табл. 2.10).

Феномен взаимного восприятия этническим большинством и этническими меньшинствами друг друга в контексте сопоставления со своей группой мы оцениваем в качестве важного показателя направленности процесса взаимодействия этно-

контактных групп региона. Сосуществование групп этнических меньшинств в высокоурбанизированном поликультурном регионе в соседстве с титульным большинством определяет большую динамичность этнических процессов, чем в неурбанизированной и моноэтнической среде, либо в сторону ассимиляции и растворения, либо в сторону сплочения на основе этнического своеобразия группы.

Одним из социально-психологических оснований взаимодополнительного сосуществования групп этнических меньшинств и этнического большинства является несовпадение характерных для большинства и меньшинства, т. е. детерминированных статусом численности представителей этих групп в регионе, установок на внутриэтническое и межэтническое взаимодействие. Представления о большей сплоченности своего этноса у представителей этнических меньшинств сочетаются с образом собственной группы как более разобщенной, имеющейся у русского этнического большинства. Оценка динамики качеств «взаимовыручка» и «сплоченность» своего народа в сравнении с прошлым, составившая у татарских респондентов соответственно 43,5 % и 46,7 % (см. табл. 2.14), у чувашей — 33,3 % и 30,3 % (см. табл. 2.16), у русских респондентов — 14,3 % и 11,2 % (см. табл. 2.11), может свидетельствовать об отражении в восприятии контактирующих групп процессов, соотносимых в большей мере с процессом межэтнической интеграции. Доминирующие в регионе русские не предрасположены к сепарации, не склонны предпринимать меры по насильственной аккультурации и ассимиляции этнических меньшинств. В свою очередь представители этнических меньшинств в малой степени подвержены процессам ассимиляции или сепарации (показателем последней с необходимостью стали бы характеристики-стереотипы, рассмотренные выше, см. табл. 2.4–2.10).

В выявленном нами совпадении оценок, данных респондентами в отношении своей и этноконтактной групп по заданным параметрам, состоит, на наш взгляд, одна из наиболее существенных социально-психологических особенностей взаимодействия русских и татар г. Самары и Самарской области, а именно наличие совокупности условий, позволяющих этническим меньшинствам (в том числе татарам и чувашам)

воспринимать себя как более сплоченную и способную к самоорганизации группу, нежели группа этнического большинства.

В способности к соблюдению границ этничности у групп меньшинств и к их сглаживанию у русских проявляется феномен взаимодополнительности сосуществования этнических групп данной зоны контакта, когда каждая из групп-соседей воспринимает себя позитивно с определенных и специфических, имеющихся только у нее, позиций. Так, к примеру, у русских налицо доминирование по внешним, объективным параметрам существования (культурно-языковое и численное), у татар — по внутренним, социально-психологическим параметрам, определяемым нами как способность к внутриэтнической консолидации. В то же время тот факт, что русские не слишком сплочены (в самовосприятии и восприятии их другими группами), есть важное условие развития процесса межэтнической интеграции в противовес сепарации или ассимиляции. В случае наличия у русских противоположной тенденции, характеризующейся большей направленностью на внутриэтнические связи, формирование надэтнической общности, основанной по региональному признаку, было бы затруднительным, и этнические процессы на данной территории могли бы иметь другие формы, направленность и интенсивность.

Таким образом, этническая принадлежность и внутриэтнические связи имеют значение в большей мере для представителей этнических меньшинств. Их основная функция может быть определена как сохранение границ этничности на уровне сознания представителей данной общности.

Благодаря этому: 1) достигается определенная межэтническая комплементарность с доминирующим в регионе этносом, когда каждая из групп-соседей воспринимает себя позитивно с определенных и специфических, имеющихся только у нее, позиций; 2) отсутствие стратегии межэтнической дифференциации у русских, как большинства, отмечается всеми этноконтактными группами, и это представляет важное условие развития процесса межэтнической интеграции в данном регионе в противовес сепарации или ассимиляции.

5. Показатели уровня этнической толерантности в межличностных отношениях и субъективно воспринимаемой степени межэтнической напряженности в регионе. Уровень этнической толерантности в межличностных отношениях русских, татар и чувашей измерялся нами с помощью утверждения: «К представителям другой национальности я отношусь...» (варианты ответов); вопроса: «Насколько комфортно Вы себя чувствуете при близком общении с людьми другой национальности?»; суждения: «Я отношусь к тем людям, которые готовы иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные и культурные различия». Полученные в ходе исследования данные представлены в табл. 2.18–2.20). Отношение к представителям этноконтактных групп оценивалось по пятибалльной шкале, каждому из делений которой соответствовало вербальное определение чувств и эмоций респондента. Варианты ответов приведены в табл. 2.18 с указанием частоты их встречаемости в каждой группе опрошенных.

Таблица 2.18

Отношение респондентов к представителям другой национальности

Группа опрошенных	Доля полученных ответов, %					
	С интересом и симпатией	В целом доброжелательно	Спокойно, нейтрально	Настороженно, с недоверием	Холодно, с долей неприязни	Среднее значение
Русские (их отношение к татарам)	9,2	45,0	38,8	3,0	2,0	2,4
Русские (их отношение к чувашам)	9,4	34,4	50,0	—	5,0	2,6
Татары (их отношение к русским)	17,4	57,6	23,9	1,0	—	2,0
Чуваши (их отношение к русским)	21,9	34,4	43,8	—	—	2,2

Как следует из табл. 2.18, отношение русских к татарам и чувашам, равно как татар и чувашей к русским, в целом близко к максимально позитивному уровню (ответов, характеризующих отношение к представителям народов-соседей как негативное, в данном случае абсолютное меньшинство). Однако заметны следующие различия: отношение русских к татарам можно назвать более позитивным и эмоционально окрашенным, нежели отношение к чувашам, что выявляется при сравнении частоты выбора вариантов «в целом доброжелательно» и «спокойно, нейтрально» русскими респондентами в отношении представителей групп чувашей и татар (см. табл. 2.18).

Отношение татар к русским можно назвать достаточно «взаимным»: у татарской группы респондентов вариант «в целом доброжелательно» встречается чаще, чем у представителей чувашской группы.

Таким образом, можно предположить наличие достаточно высокого потенциала межэтнического согласия в русско-татарских отношениях. Ограничение контактов между татарами и русскими на уровне семейного общения и высокий уровень толерантности на уровне общения партнерского и дружеского демонстрируют тенденцию предпочтения данными этноконтактными группами в большей мере деловых связей. Нежелание развития связей личного характера, сопряженных с брачностью, отвечает потребности сохранения целостности этнической группы, находящейся в положении меньшинства в данном регионе, в противовес активизации процесса ее естественной ассимиляции, активно осуществляющейся на уровне семьи и внутрисемейного общения.

Показатель степени эмоционального комфорта при общении с представителями других национальностей измерялся с помощью шкалы от 1 (высокий уровень комфорта) до 5 (дискомфорт, раздражение) (табл. 2.19).

Судя по данным, приведенным в табл. 2.19, татары демонстрируют наиболее этнически толерантное отношение в сравнении с русскими и чувашами. Дискомфорт испытывает при общении с представителями любого другого народа только 1,0 % татар, тогда как среди чувашей доля респондентов, испытывающих чувство эмоционального дискомфорта при меж-

личностном общении с представителями другой национальности, достаточно высока (9,4 %).

Таблица 2.19

Уровень эмоционального комфорта респондентов при близком общении с представителями другой национальности, %

Группа опрошенных	Шкала комфортности (по убывающей)					Среднее значение
	1	2	3	4	5	
Русские	23,5	29,6	32,7	9,0	2,0	2,3
Татары	42,4	30,4	13,0	7,6	1,0	1,9
Чуваши	34,4	28,0	25,0	3,0	9,4	2,3

Стремление к позитивному восприятию другого этноса, проявившееся прежде всего у татарских респондентов, в свете существования толерантных этнических установок на общение указывает, с одной стороны, на открытость представителей исследуемых групп к этническим контактам в регионе, способность к конструктивному межэтническому взаимодействию, а с другой — на позитивное восприятие своего народа и ориентированность на взаимную позитивность восприятия.

Суждение «Я отношусь к тем людям, которые готовы иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные и культурные различия» оценивалось респондентами по шкале от 1 (полностью согласен) до 7 (совершенно не согласен). Результаты опроса приведены в табл. 2.20.

Таблица 2.20

Уровень готовности респондентов к межэтническим контактам, %

Группа опрошенных	Шкала готовности (по убывающей)							Среднее значение
	1	2	3	4	5	6	7	
Русские	51,0	17,3	6,0	7,0	5,0	4,0	7,0	2,4
Татары	66,3	9,8	7,6	3,3	1,0	1,0	6,5	1,9
Чуваши	46,9	15,6	6,3	12,5	—	9,4	9,4	2,7

В целом уровень декларируемой этнической толерантности (речь идет не столько о контактах с русскими, сколько о контактах как таковых на уровне различных этнических групп) достаточно высок у всех трех групп, однако выше всего у татар. Доля способных безоговорочно принять этнически разнородных контактеров составляет у них 66,3 %, у русских — 51,0 %, у чувашей — 46,9 % (см. табл. 2.20).

Полученные при анализе ответов данные свидетельствуют, что представителям исследуемых групп (при этом в большей мере татарам) свойственна индифферентность в *межэтнических* контактах. Последнее в сочетании с показателями, характеризующими внутриэтнические особенности общения, позволяет предположить, что этносы, проживающие в урбанизированной полиэтнической среде городов Самарской области и г. Самары в частности, признают наиболее эффективным и этноэкологичным, т. е. адаптивным, такое поведение, когда стратегия внутриэтнической консолидации сочетается со стратегией межэтнической интеграции.

Степень проявления ингруппового фаворитизма как важный показатель взаимной толерантности этноконтактных групп измерялась нами с помощью рассмотренного выше модифицированного метода стереотипов (Katz, Braly, 1933; Лебедева, 1993). Названные респондентами в ходе заполнения анкеты характеристики аутгруппы распределены в соответствии со степенью позитивности оценочных компонентов следующим образом: все позитивные, большинство позитивных, половина позитивных, большинство негативных, все негативные. Первая и последняя градации представляют собой своеобразные полюса отношения к аутгруппе, положительный полюс определяет высокую степень толерантности и принятия данной конкретной группы отвечающими — представителями той или иной группы, отрицательный полюс есть показатель интолерантности и неприятия какой-то из характеризующих этнических групп (табл. 2.21).

Из полученных данных следует, что доля татар, охарактеризовавших русских исключительно с негативной стороны, достаточно высока (15,2 %).

В сопоставлении с этими данными показательно высока доля чувашских респондентов, отзывавшихся о русском этносе в большинстве своем позитивно (46,9 %).

Таблица 2.21

**Позитивные и негативные оценочные компоненты
гетеростереотипов, %**

Группа опрошенных	Гетеростереотипы					Среднее значение
	Все позитивные	Большинство позитивных	Половина позитивных	Большинство негативных	Все негативные	
Русские (восприятие ими татар)	25,5	20,4	15,3	14,3	9,2	2,5
Русские (восприятие ими чувашей)	25,0	3,0	12,5	6,3	9,4	2,5
Татары (восприятие ими русских)	25,0	20,7	16,3	10,9	15,2	2,7
Чуваши (восприятие ими русских)	46,9	15,6	15,6	6,3	6,3	2,0

Для большей наглядности данные, полученные при процедуре стереотипизации, — процентные значения максимально позитивных и максимально негативных ответов-оценок и средние значения по показателю негативности — позитивности оценочных компонентов стереотипов представлены на рис. 2.3 и 2.4.

Значения позитивных и негативных компонентов стереотипов у русских и татар в целом совпадают, и их соотношение находится в пределах нормы: позитивных компонентов больше, чем негативных (см. рис. 2.3).

Чувашско-русское взаимовосприятие характеризуется феноменом, выявленным также в исследовании Е. Д. Львиной и обозначенного ею как притяжение национальных меньшинств к доминантному этносу, проявляющееся в большей мере у чувашей и мордвы, нежели у татар (Львина, 2000).

Уровень позитивности в оценочных компонентах чувашских гетеростереотипов русских в определенной степени превышает уровень позитивности соответствующих компонентов

у русских в стереотипах чувашей. Это, на наш взгляд, указывает на большее стремление чувашей к сближению с русскими по сравнению с татарскими респондентами.

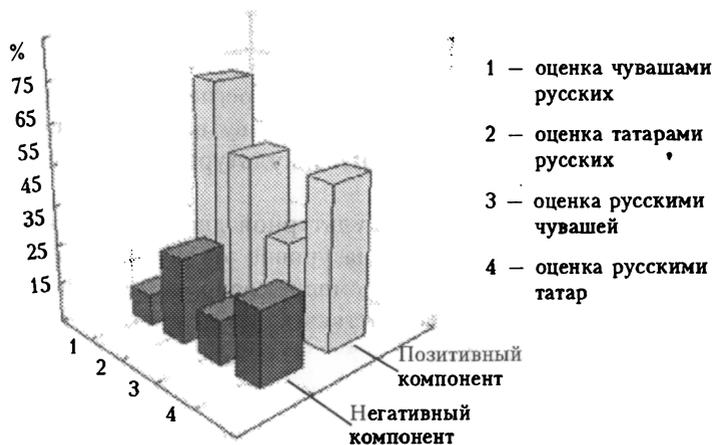

Рис. 2.3. Позитивные и негативные оценочные компоненты гетеростереотипов

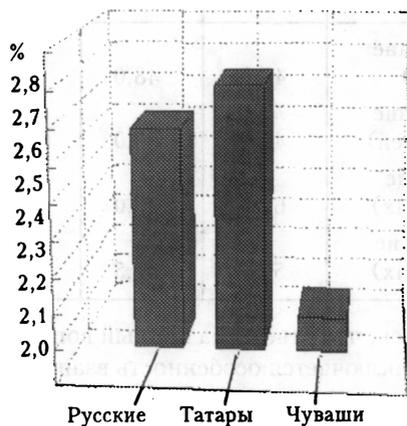

Рис. 2.4. Уровень негативности в оценочных компонентах гетеростереотипов

Татары, ориентированные на внутритническую консолидацию, в большей мере, чем чувашаи, подвержены воздействию суггестивных механизмов в восприятии русских, доминирующих в регионе и тем самым представляющих угрозу для целостности этнического меньшинства. Минимально на уровне повседневной жизни эта угроза проявляется в создаваемом этническим большинством, имеющим приоритет в использовании своего языка в данном регионе, естественном препятствии этническому меньшинству в воспроизводстве этнической культуры как основы культуры этноса и его целостности.

Показатель уровня этнокультурной дистанцированности по отношению к аутгруппе на уровне этнокультурных особенностей измерялся нами с помощью вопроса: «Как вы относитесь к процессу взаимодействия культур — своей и другого народа?» (табл. 2.22).

Таблица 2.22

Позитивность — негативность в восприятии взаимодействия культур, %

Группа опрашиваемых	Восприятие культуры аутгруппы			Среднее значение
	Положительное	Нейтральное	Отрицательное	
Русские (отношение к культуре татар)	49,0	48,0	3,0	1,5
Русские (отношение к культуре чувашей)	40,6	53,0	6,3,0	1,7
Татары (отношение к культуре русских)	62,0	26,0	12,0	1,5
Чуваши (отношение к культуре русских)	56,3	37,5	—	1,4

Предполагалось, что ответы на данный вопрос помогут определить, в чем заключается особенность взаимодействия русских и татар на уровне культур. Выяснилось, что принятие влияния татарской культуры русскими несколько больше принятия влияния со стороны культуры чувашей. Это представляется нам ключевым моментом в анализе всей совокупности

показателей межэтнического взаимодействия, который мы проводим в данном исследовании.

Учитывая степень принятия русскими респондентами чувашей в плане браков детей с представителями этого народа (см. табл. 2.2), можно предположить, что русскими чуваша принимаются только на уровне социальных контактов, даже такого их вида, как семья и ближайшее окружение. Чуваша же активны в заимствовании элементов культуры русских, что является важным показателем этнокультурной комплементарности рассматриваемых этносов, совпадения их установок: русскими признается продуктивным принятие чувашей в качестве партнеров по браку (в отличие от соответствующего принятия татар), тогда как чуваша признают актуальным приобщение к культуре доминирующей группы.

Вышеуказанные тенденции являются важным основанием для ассимиляции чувашского этноса русскими. Этот процесс, очевидно, имел место в прошлом, на первых этапах освоения земель данной контактной зоны, и сказался на современном положении дел.

Что касается татар, то значительная их доля негативно воспринимает влияние культуры большинства, а данные табл. 2.2, отражающие степень социально-психологической близости татар и русских, свидетельствуют, что принятие татарами русских на уровне семьи — важнейшего института инкультурации — не так высоко, как у чувашей (17,4 % и 62,5 % соответственно).

Оценка степени межэтнической напряженности этноконтактными группами — важный показатель уровня толерантности в регионе. Ощущение напряженности влияет в первую очередь на этническое самочувствие, воспринимаемое этнофором благополучие в межэтнических отношениях есть залог также и личного благополучия.

В табл. 2.23 приводятся данные о субъективном восприятии русскими, татарскими и чувашскими респондентами степени межэтнической напряженности в г. Самаре и Самарской области.

Наиболее позитивно оценивают межэтнические отношения татары и чуваша, причем татары делают акцент на определении их как «спокойных» (этот вариант избрали 75,0 % татар

и 65,6 % чувашей), а чувашаи — на аспекте благополучия (18,8 % чувашей против 17,4 % татар). У русских отмечается более негативное восприятие межэтнических взаимоотношений (15,3 % респондентов этой группы избрали ответ «напряженные»). Как «благополучные» межнациональные отношения оценили 12,2 % русских. Следовательно, негативизация в восприятии межэтнического взаимодействия свойственна в большей степени русским, чем татарам и чувашам.

Таблица 2.23

**Оценка респондентами межнациональных отношений
в г. Самаре и Самарской области в настоящее время,
% ответов**

Группа опрашиваемых	Благополучные	Спокойные	Напряженные	Взрывоопасные	Среднее значение
Русские	12,2	72,4	15,3	—	2,0
Татары	17,4	75,0	7,6	—	1,9
Чуваши	18,8	65,6	12,5	—	1,9

В целом основная масса опрошенных воспринимает межэтнические взаимоотношения как «спокойные» (72,4 % русских, 75,0 % татар, 65,6 % чувашей).

В целях выявления социально-психологических детерминант толерантного взаимодействия и их связи с этническим статусом мы осуществили корреляционный анализ социально-психологических показателей, измеряющих включенность в культуру, и установок на межэтническое взаимодействие. Показатели, описывающие стремление к внутриэтнической интеграции, приобщению к культуре этноса, мы обозначили как **этнокультурные установки**, а показатели, свидетельствующие о позитивном восприятии этноконтактной группы и контактов с ней, — как **установки на толерантное взаимодействие**. Полученные данные представлены в табл. 2.24 и 2.25.

У представителей этнического большинства проявилась следующая характерная тенденция сочетания показателей включенности в культуру этноса и социально-психологических показателей уровня этнической толерантности: показатели эт-

нокультурных установок у русских сочетались с социально-психологическими показателями **установок на толерантное взаимодействие**. У респондентов – представителей этнических меньшинств (татар и чувашей) были выявлены значимые взаимосвязи между показателями **этнокультурных установок** и проявлениями социально-психологической дистанцированности как предпосылки **невысокой степени этнической толерантности** по отношению к русским.

Таблица 2.24

Корреляция между показателями этнокультурных установок и социально-психологическими показателями этнической толерантности русских респондентов

Показатели этнокультурных установок	Социально-психологические показатели этнической толерантности	Коэффициент корреляции
Признание актуальности народных традиций и обычаев в наши дни	Позитивность гетеростереотипов	0,23*
	Высокий уровень этнической толерантности в межэтнических отношениях	0,30*
	Позитивное отношение к процессу взаимодействия русской и татарской культур	0,32**
Отказ от приобщения к мировой цивилизации в ущерб национальным традициям и стремление к возрождению народных традиций	Отношение к татарам оценивается как «с интересом и симпатией» или «в целом доброжелательное»	0,43**
	Высокий уровень комфорта при общении с представителями другой национальности	0,43**
Стремление поддерживать обычаи и традиции своего народа	Высокий уровень этнической толерантности в межэтнических отношениях	0,36**

* $p < 0,05$.
 ** $p < 0,01$.

Таблица 2.25

Корреляция между показателями этнокультурных установок и социально-психологическими показателями этнической толерантности татарских респондентов

Показатели этнокультурных установок	Социально-психологические показатели этнической толерантности	Коэффициент корреляции
Высокий уровень этноаффилиации (признание приоритета интересов народа над интересами отдельной личности)	Отношение к русским оценивается как «спокойное, нейтральное» либо как «настороженное, с недоверием»	0,44*
Признание актуальности народных традиций и обычаев в наши дни	Положительная в целом оценка межэтнических отношений в Самарской области	0,52**
	Низкий уровень социально-психологической близости с русскими	0,32*

* $p < 0,01$.** $p < 0,001$.

На основе анализа корреляций можно сделать следующие выводы.

В контексте существенных различий в численности этноконтактных групп процессы восприятия и освоения собственной культуры у этнического большинства могут существенно отличаться от таковых у этнического меньшинства. Для этнического большинства влияние культуры этнических меньшинств не представляет существенных оснований для активизации процессов аккультурации или ассимиляции. В свою очередь, для представителей этнического меньшинства, для которых собственная культура является значимой (знание языка, соблюдение традиций и т. д.), напротив, в гораздо большей мере актуальна позиция дистанцирования в этнокультурных и этносоциальных (межэтнические браки) контактах от представителей этнического большинства. Следовательно, уровень консолидации татар как представителей этнического мень-

шинства, ориентированного на сохранение особенностей своего этноса, его этнокультурного своеобразия, должен быть достаточно высоким. Для татарских респондентов характерной оказалась такая форма этнической толерантности, при которой последние нацелены на конструктивное взаимодействие с представителями доминирующего этноса — русскими, ограничиваясь при этом контактами на деловом уровне либо уровне близких друзей и не включая представителей доминирующей группы в семейные отношения (см. табл. 2.2).

У русских доминирует в целом толерантное отношение к соседнему этносу, характеризующееся установкой на невмешательство в специфическую этнокультурную сферу его жизнедеятельности. Во взаимодействии с татарами у русских в значительно меньшей степени выражены тенденция защиты от воздействия иной культуры и тенденция консолидации; это может объясняться социально-психологическим проявлением феномена «большой нации», или «статуса большинства».

Показательна значимость у русских установок на включенность в культуру этноса, на принятие этничности и, следовательно, на осознание приобщенности к этносу, доминирующему в наиболее важных аспектах жизнедеятельности. Серьезной причиной повышения уровня этнической толерантности у русских, имеющих установки на приобщение к родной культуре, может являться также внедемографическая переменная этнопсихологического анализа, а именно специфика русской культуры и традиций, неразрывно связанных с православной верой и мироотношением.

Еще одним доказательством наличия социально-психологической общности в данной этноконтактной зоне являются результаты **факторного анализа**, который выявил сходную структуру факторов у представителей взаимодействующих групп. Ведущим фактором, имеющим наибольшее влияние во всех трех группах, явился фактор отрицания значимости этнического признака в межэтническом взаимодействии, что указывает на высокий уровень межэтнической интеграции в г. Самаре и Самарской области.

Наибольший вес в русской выборке набрал фактор, получивший название «Бегство от этничности» (4,41340). В него вошли переменные, указывающие, в частности, на отсутствие

стремления поддерживать народные традиции, обычаи и образ жизни своего народа (,76), безразличие к своей национальности (,55), восприятие народных обычаев и традиций как устаревших и ненужных современному человеку (,74), стремление приобщиться к мировой цивилизации в ущерб народным традициям и обычаям (,62).

Фактор «Бегство от этничности» в контрольной группе русских респондентов набрал вес 4,2 (дисперсия 21,5 %). Его составили такие переменные, как негативность автостереотипов (,39), отсутствие стремления поддерживать народные обычаи и традиции (,93), несогласие с утверждением о разъединяющей роли религии (,86), отрицание значимости этнической принадлежности для современного человека (,87), несогласие с утверждением «Я никогда не забываю, что я русский / русская» (,90). Данный фактор иллюстрирует тенденцию минимизации значения этнической принадлежности у русских респондентов. Указания на невысокий уровень значимости религии как дифференцирующего фактора во взаимодействии народов может означать непризнание так же и его интегрирующего значения.

Из вышесказанного следует, что для определенной части русского населения данного региона характерна тенденция снижения значимости фактора этнической принадлежности в повседневной жизни. Вследствие этого можно предполагать, что появление тенденции к декларации этнических признаков на территории данной этноконтактной зоны может стать существенным основанием для повышения уровня межэтнической напряженности и снижения уровня этнической толерантности. В свою очередь, отсутствие четкой декларации этнических и культурных различий соседствующими этническими группами выступает как важнейшее условие мирного сосуществования групп данной зоны контакта.

Наибольший вес (3,91364) в татарской выборке набрал фактор, получивший название «Этническая толерантность». В него вошли следующие переменные: высокий уровень социально-психологической близости с русскими (,73), позитивное отношение к русским (,54), позитивное отношение к межэтническим бракам (,60), отрицание собственной готовности поддерживать обычаи и традиции своего народа (,42),

отрицание разъединяющей роли религии и значимости этнической принадлежности для современного человека (,45), указание на отсутствие религиозных людей среди членов семьи (,44) и на низкий уровень собственной религиозности либо на его отсутствие (,60). Здесь очевидна высокая степень интегрированности респондентов в культуру города с ее унифицирующими тенденциями и понижением значимости фактора этничности.

В первый по весу (3,09426) фактор чувашской выборки вошли перечисленные ниже переменные: позитивное отношение к межэтническим бракам (,52), низкий уровень эмоционального комфорта при близком общении с представителями других национальностей (,13), нежелание поддерживать народные традиции и национально-специфический образ жизни (,77), отрицание разъединяющей роли религии в межэтническом взаимодействии (,77), отрицание повседневной значимости этнической принадлежности (несогласие с утверждением «Я никогда не забываю, что я чуваш / чувашка») (,67). Данный фактор можно обозначить как «Этнокультурная ассимиляция», поскольку он описывает тенденции притяжения к культуре этноконтактных групп и в целом к общему, унифицированному образу жизни. Это определенным образом сочетается с некоторыми проявлениями интолерантного отношения к иноэтничным партнерам по общению, к которым, как это можно с объективностью предполагать, относятся не столько члены этноконтактных групп региона, сколько мигранты из относительно отдаленных районов выхода. Тем не менее данный показатель — важная составляющая характеристики этноса, самооценки его представителей. В большей мере интолерантному отношению соответствует именно негативная самооценка (валентность этнической идентичности), что подтверждают исследования подобной зависимости (Berry, Pleasants, 1984; Лебедева, 1989, 1998).

2.3. УРОВЕНЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ИССЛЕДУЕМОМ РЕГИОНЕ

На основании полученных в ходе исследования эмпирических данных мы пришли к следующим выводам относительно уровня и факторов этнической толерантности в Самарской области.

Особенностью данной зоны контакта является существование на ее территории социально-психологической общности этноконтактных групп. Этим обстоятельством определяется совокупность ряда социально-психологических показателей, характеризующих уровень этнической толерантности на исследуемой территории. Отметим наиболее важные из них.

1. Отсутствие стремления к дифференциации по этническому признаку у представителей изучаемых групп. Об этом свидетельствует невысокий уровень значимости для респондентов личностной этнической идентичности.

2. Высокая степень социально-психологической близости исследуемых групп, выявленная на основании сравнительного анализа данных соответствующего показателя по трем группам респондентов.

3. Сходство **ценностных ориентаций**, на что указывает совпадение доминирующих типов культурных ценностей у представителей изучаемых этноконтактных групп (тип «Равноправие»).

4. Гибкость границ по этническому признаку в межэтническом общении представителей этноконтактных групп, в целом высокий уровень интенсивности межэтнического общения. Об этом свидетельствует факт совпадения оценок респондентами представителей этноконтактных групп с их самооценкой (стереотипы, характерные черты и др.), наличие согласующихся позитивных этнических авто- и гетеростереотипов.

5. Фиксируемая на уровне статусно детерминированных установок способность этноконтактных групп к **взаимодополнительному сосуществованию**, для которого характерно стремление к **соблюдению этнических границ у групп меньшинств и к их сглаживанию у этнического большинства**.

6. Высокий, согласно полученным данным, уровень этнической толерантности в межличностных отношениях.

7. Субъективно воспринимаемая представителями исследуемых этноконтактных групп относительно низкая степень межэтнической напряженности в регионе.

8. Тенденция к нивелированию этничности в повседневной жизни, выявленная на основании факторного анализа трех выборочных совокупностей эмпирического этнопсихологического исследования.

9. Тенденция к повышению уровня толерантности групп меньшинств по мере повышения модернизированности сознания их представителей. Повышение уровня толерантности этнического большинства коррелирует с высоким уровнем ориентированности на преемственность в этнокультурной сфере.

В заключение отметим, что направленность этнических процессов в той или иной этноконтактной зоне есть важнейшее обстоятельство сосуществования этнических групп, отражающееся на степени конфликтности, либо мирного соседства в межэтническом взаимодействии. Наиболее благоприятными и важными для формирования региональной общности сосуществующих этнических групп являются этнические процессы *межэтнической интеграции*, сочетающиеся с процессом *внутриэтнической консолидации*. Об определенности тенденции социально-психологического сближения этноконтактных групп данного региона, формирования надэтнической общности можно судить по совокупности социально-психологических показателей, характеризующих уровень этнической толерантности и потенциал межэтнической интеграции этноконтактных групп как относительно высокие. Последнее служит немаловажным основанием для стабильного межэтнического сосуществования и согласия. Высокий уровень этнической толерантности в регионе представляет собой важное социально-психологическое проявление процесса направленности на межэтническое сближение и формирование надэтнической общности.

ГЛАВА 3

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ БАШКИРИИ

3.1. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ ИССЛЕДОВАНИЯ

Республика Башкирия отличается чрезвычайной мозаичностью этнического состава, причем чересполосное расселение представителей разных народов во многих районах республики является скорее правилом, чем исключением (Кузеев, Ганеева, 1989; Кузеев, 1992; Коростелев, 1999). По сложности этнического состава Башкирия среди других российских регионов уступает, пожалуй, только Северному Кавказу (Роднов, 1996).

Многонациональность региона складывалась постепенно. В течение столетий здесь, на границе Европы и Азии, происходили крупные события, которые неизменно сопровождались контактами многих этносов и этнических групп. Эти контакты имели различный характер. Преимущественно они были мирными, проявлялись во взаимодействии в области хозяйства и материальной культуры, затрагивая нередко и сферы языка, духовной культуры в целом (Кузеев, 1992). Этническая толерантность, глубоко проникшая в крестьянскую среду, не допустила возникновения в суровые времена революции 1917 г. и Гражданской войны каких-либо межнациональных конфликтов в крае. Впоследствии эта традиция продолжилась и явилась основанием для мирного решения проблем в национальных республиках Урало-Поволжья, представлявших на рубеже XX–XXI вв. очаг спокойствия на постсоветском пространстве (Роднов, 2002).

Для исследования мы выбрали один из самых сложных по этническому составу районов Башкирии — северо-запад республики, территорию бывшего Бирского уезда Уфимской губернии. Вопрос об этнической идентичности населения, проживающего в этом регионе, в последнее время полу-

чил не только научную, этнокультурную, но и политическую окраску.

До середины XVI в. северо-западная Башкирия в основном была населена башкирами, со второй половины XVI в. и вплоть до начала XX в. шло интенсивное заселение этой области тюркскими (казанские татары, мишари, чуваша), финно-угорскими (удмурты, марийцы и мордва) и восточнославянскими (русские, украинцы, белорусы) народами, различными по культуре и происхождению. В результате за последние три-четыре столетия этническая картина северо-западной Башкирии изменилась полностью (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Численность населения северо-западной Башкирии по основным национальностям в 1917–1989 гг., чел.

Этнос	1917 г.	1926 г.	1979 г.	1989 г.
Башкиры	208 579	177 811	201 042	140 194
Татары	12 507	71 574	106 583	172 108
Русские	170 239	148 536	100 678	100 532
Удмурты	29 277	21 903	22 417	20 240
Мишари	63 945	41 085	—	—
Тептяри	81 815	8 579	—	—

Примечания.

1. Таблица составлена по следующим источникам: Роднов М. И. Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 119–120; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 4. С. 334–337; Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990. С. 62–103.

2. Численность населения северо-западной Башкирии указывается в границах бывшего Бирского уезда.

Из данных табл. 3.1 видно, что численность русского и удмуртского населения в регионе постепенно уменьшается. Динамика численности башкир и татар имеет разнонаправленные тенденции: численность то уменьшается, то увеличивается практически в равных пропорциях: если татарское население численно увеличивается, то башкирское уменьшается, и наоборот. Это позволяет предположить, что численные изменения в

этнических группах башкир и татар происходят за счет перехода части населения из одной этнической группы в другую.

Проследить динамику численности башкирского и татарского населения сложно еще и потому, что в XIX в. все тюркское население подсчитывалось вместе. Например, в Сборнике статистических сведений по Уфимской губернии, в V томе, посвященном Бирскому уезду и составленном на основе оценочно-статистических материалов по данным местных исследований 1897 г., заведующий статистическим отделением управы С. Н. Велецкий пишет, что «первое по численности место в Бирском уезде занимает группа слившихся в настоящее время народностей: башкир, мещеряков и татар, эта группа составляет свыше половины всего населения уезда. Русское население, занимающее по численности 2-е место, составляет 26,4 % всего населения уезда. Вотяки (удмурты. — *Авт.*) составляют 4,6 % всего населения уезда» (Сборник статистических сведений по Уфимской губернии, 1889, с. 72). Именно поэтому мы не включили данные переписи 1897 г. в табл. 3.1.

Еще одна проблема заключается в том, что в переписях этническая дифференциация проводилась не на единой основе. В переписи 1897 г., показавшей резкое численное преобладание башкир над татарами, этническая дифференциация проводилась на основе «родного языка», поэтому часть исследователей считает результаты переписи неточными (см., например: Габдрафиков, 1994). Самой точной из переписей, по мнению М. И. Роднова, является перепись 1917 г. Тогда национальная принадлежность определялась на основе этнического самосознания населения, и было отмечено наибольшее количество этнических и субэтнических групп. Так, в этой переписи было зафиксировано достаточно широкое распространение двойных (тептяри-удмурты, тептяри-татары), а подчас и тройных (башкиро-тептяр-магометанин) самоназваний (Роднов, 1997).

Согласно статистическим данным, здесь имеет место отсутствие достаточно четкого этнического самосознания, что характерно для значительных групп населения некоторых районов Башкортостана. На протяжении последних 150 лет на северо-западе и западе республики фиксировались массовые случаи изменения этнической принадлежности, когда часть

татар при проведении очередной переписи записывалась башкирами, а часть башкир — татарами (Роднов, 1996; Коростелев, 1999). Данный регион, начиная приблизительно со второй половины XVI в., являлся зоной активных контактов местного башкирского населения с близкими к ним по языку и культуре татарами. В силу исторических, хозяйственных и других причин с этого времени и до XIX в. происходил процесс миграции татар в эти регионы. В северо-западной Башкирии башкиры и татары расселены преимущественно на одних и тех же территориях, но отдельными деревнями, в западной Башкирии — часто в одних и тех же деревнях «концами». Смешанность башкирского и татарского населения в указанных районах высокая; нередко в одних и тех же семьях родные братья и сестры относят себя то к башкирам, то к татарам (Ганеева, 1999). На размытость этнических границ между башкирами и татарами в этом районе уже в начале XVII в. указывает Д. М. Исхаков (Исхаков, 2000). В то же время М. И. Роднов отмечает, что в начале XX в. отношения между православными этносами отличались близкими контактами, совместным проживанием и началом ассимиляции (аккультурации) мордвы, украинцев, белорусов. Внутримусульманские (башкир и татар) процессы сохраняли, с одной стороны, традиционное единство, общность языка, культуры и религии, а с другой стороны, в начале XX в. нарастали противоречия между вотчинниками (башкирами) и припущенниками (главным образом — татарами) из-за усиливающегося малоземелья последних. Одновременно происходило становление башкирской интеллигенции, прослойки предпринимателей (среднего класса), начиналось создание чисто башкирских структур сначала в сфере просвещения (периодическая печать, литература и т. д.), а затем и политики, что все более отдаляло башкир от общемусульманского единства, фактически означавшего примат татарского этноса (Роднов, 2002). Эти данные позволяют предположить наличие амбивалентной (двойственной) этнической идентичности у некоторых этнических групп Башкирии.

В настоящее время мнения по поводу самосознания прежде всего башкир, населяющих северо-западную Башкирию, разделились. Тот же Д. М. Исхаков полагает, что «родоплемен-

ное образование “башкир” Восточного Закамья восходит по меньшей мере к XVI–XVII вв., и что эти “башкиры” даже к концу XIX в. не имели башкирского этнического самосознания, и поэтому их можно считать принадлежавшими к татарскому этносу» (Исхаков, 1985, с. 55). Противоположной точки зрения придерживается М. М. Кульшарипов. Он считает, что «западные башкиры всегда устойчиво сохраняли свое национальное самосознание, т. е. четко осознавали свою принадлежность именно к башкирскому этносу» (Кульшарипов, 1990, с. 16).

Вопрос об этнической и языковой идентичности населения западного и северо-западного районов Башкортостана в конце 1980-х и в 1990-е гг. стал одним из ключевых в национальных татаро-башкирских отношениях. Особую актуальность вопрос о национальной принадлежности северо-западных башкир приобретает накануне предстоящих переписей (Губогло, Сафин, 2000).

В последнее время предпринимались попытки комплексного изучения этнических и этноязыковых процессов в северо-западной Башкирии (см. например: Сафин, 2000). Нас в данном регионе привлекла не только возможная амбивалентность этнической идентичности некоторых групп населения и высокий уровень интенсивности межэтнических контактов, но и толерантная атмосфера межэтнического взаимодействия.

На наш взгляд, было важно выявить особенности межэтнического взаимодействия и факторы, влияющие на позитивность межэтнических отношений. Мы провели исследование психологических факторов (социальная дистанция, авто- и гетеростереотипы и др.), влияющих на особенности этнической идентичности и этнической толерантности представителей этнических групп, проживающих на северо-западе Башкирии. Нас интересовало то, каким образом могут быть взаимосвязаны этническая идентичность и этническая толерантность. В качестве дополнительных факторов, которые могут быть связаны с этнической толерантностью, рассматривались амбивалентность — четкость этнической идентичности, субъективная культурная дистанция и др.

Согласно данным этнопсихологических исследований (Лебедева, 1999; Вергу, 1984), позитивная этническая идентичность

способствует формированию этнической толерантности. Негативные элементы в структуре этнической идентичности (негативные автостереотипы и негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью) способствуют формированию этнической интолерантности (нетерпимости).

Довольно часто понятия «этническое самосознание» и «этническая идентичность» рассматриваются как синонимы, однако они не совсем тождественны. Например, по мнению Г. У. Солдатовой, понятие этнической идентичности, с одной стороны, уже, так как представляет собой когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания, а с другой — шире, поскольку содержит в себе слой бессознательного (Солдатова, 1998).

Этническая идентичность понимается нами как часть социальной идентичности, а именно — представление человека о себе как о члене определенной этнической группы наряду с эмоциональным и ценностным значением, приписываемым этому членству. По концепции социальной идентичности А. Тэшфела, индивиду свойственно оценивать этническую группу, к которой он принадлежит, позитивно. Позитивная оценка своей этнической группы является естественным социально-психологическим механизмом, обеспечивающим на индивидуальном уровне необходимое личности самоуважение; а на групповом уровне — сохранение этнической культуры и передачу ее последующим поколениям (Лебедева, 1999).

Этническую идентификацию мы рассматриваем как процесс отождествления субъекта со своим этносом, в основе которого лежит принцип сопоставления «мы — они». Причем это сопоставление помимо выявления тождественности, сходства, фиксированного содержания понятия «Мы» включает представления, указывающие на отличия «Себя», «Своих», «Своих» от «других» — «Они». Таким образом, в этническую идентификацию включается совокупность представлений как об этноинтегрирующих, так и об этнодифференцирующих признаках, проявляющихся при определении человеком связей со своим этносом и при сопоставлении своей этнической общности с «другими». Идентичность представляет собой, скорее, новую комбинацию старых и новых идентификационных фрагментов (Эриксон, 1996)

Цель нашего исследования — кросс-культурное изучение взаимосвязи этнической идентичности и этнической толерантности в северо-западной Башкирии.

Объект исследования — башкиры, русские, татары и удмурты, проживающие в селах Янаульского и Аскинского районов Башкирии.

Предмет исследования — связь между показателями этнической идентичности и этнической толерантности — интолерантности народов, населяющих исследуемые районы.

Характеристики выборки и методы исследования. Нами опрошены представители четырех основных этносов, населяющих северо-запад Башкирии: башкиры, татары, русские и удмурты. Всего в ходе основного исследования летом 2001 г. и осенью 2002 г. было опрошено 380 человек (каждая выборка включает по 95 человек). Распределение респондентов по возрасту: башкиры — от 19 до 75 лет, русские — от 18 до 78 лет, татары — от 18 до 75 лет, удмурты — от 18 до 72 лет. Образование респондентов — среднее, среднеспециальное и высшее.

Этнический состав населения Республики Башкортостан следующий: башкиры составляют 21,9 %, русские — 39,3 %, татары — 28,4 %, чувашаи — 3,0 %, марийцы — 2,7 %, украинцы — 1,9 %, мордва — 0,8 %, удмурты — 0,6 %, другие национальности — 1,4 % (подсчитано по: Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990, с. 62–103). Для исследования нами взяты три наиболее многочисленных народа, а именно башкиры, татары и русские. Выбор этих этнических групп обусловлен их численным превосходством — в совокупности они составляют 89,6 % населения республики.

На северо-западе Башкирии процентное соотношение этнических групп населения отличается от такового по Башкирии в целом. Национальный состав (перепись 1989 г.) сельского населения Янаульского района: башкиры — 39,7 %, татары — 25,1 %, удмурты — 20,8 %, марийцы — 10,1 %, русские — 3,9 %, другие — 0,4 %. Национальный состав Аскинского района: башкиры — 42,5 %, русские — 29,9 %, татары — 26,0 %, другие — 1,6 %. Особенностью данного региона является то, что здесь находится основная территория расселения удмуртов и ма-

рийцев в Башкирии. Учитывая это обстоятельство, в исследуемую выборку мы включили группу удмуртов.

В табл. 3.2 представлены сведения о половозрастной структуре групп, опрошенных в ходе нашего исследования.

Таблица 3.2

Половозрастная структура опрошенных этнических групп, абс.

Этническая группа	Объем выборки	Пол		Возраст, лет		
		Муж.	Жен.	До 25	25–55	Старше 55
Башкиры	95	41	54	9	80	6
Татары	95	46	49	4	85	6
Русские	95	48	47	7	83	5
Удмурты	95	55	40	10	78	7

Предметом нашего исследования являлось изучение взаимосвязи этнической идентификации и установок на межэтническое взаимодействие в северо-западной Башкирии, поэтому основные методы, использованные в эмпирическом исследовании, были направлены на актуализацию социально-перцептивных образов в межкультурном взаимодействии.

Респондентам предлагалось заполнить опросник, который содержал указанные ниже методики и шкалы.

1. Тест М. Куна и Т. Мак-Партланда «Кто я?» использовался для выявления значимости этнической идентичности (Kuhn, McPartland, 1954). Исследовалась представленность категории «национальность» в идентификационных матрицах различных этнических групп.

2. Шкала социальной дистанции Э. Богардуса. Применялся специально адаптированный для российской выборки вариант шкалы.

3. Шкала культурной дистанции, разработанная в ИЭА РАН. Данная шкала построена по тому же кумулятивному принципу, что и шкала социальной дистанции Богардуса.

4. Методика этнических стереотипов Д. Катца и К. Брели («открытый вариант»). В настоящем исследовании респондентам предлагалось назвать 5–6 определений, характерных

для представителей оцениваемых этнических групп: своей собственной и двух соседних. Затем приписанные представителям определенных этнических групп качества подвергались кодированию по 5-балльной шкале: от 5 (максимум) до 1 (минимум) позитивных характеристик.

5. Четкость или амбивалентность этнической идентичности. Для оценки четкости — амбивалентности использовался такой показатель, как степень близости и понятности представителей других этнических групп. Он оценивался с помощью следующих предлагаемых респондентам утверждений: «Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу»; «Если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность». Требовалось выразить согласие с утверждением в соответствии с 7-балльной шкалой (1 — несогласие, 7 — максимальная степень согласия). Для оценки степени идентификации с представителем иной этнической группы респонденту предлагалось отметить, насколько он ощущает себя представителем соседней с ним этнической группы (например, башкирам предлагалось утверждение «Я ощущаю себя татаринном» и т. д).

6. Установка на дифференциацию по религиозному и этническому признакам оценивалась с помощью следующих утверждений: «Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга»; «Я обращаю внимание на национальность человека, с которым знакомлюсь»; и др.

7. Установка на поддержание своей культуры также оценивалась с помощью ряда утверждений: «Надо стремиться поддерживать обычаи, традиции, образ жизни своего народа»; «Мне не нравится, что в нашей культуре и языке появилось слишком много чужеродного»; и др.

Перечисленные методики и шкалы мы разбили на два тематических блока: блок этнической идентичности и блок этнической толерантности.

Результаты эмпирического исследования были подвергнуты корреляционному и факторному анализу на основе стандартных методов математической статистики (пакет программ Statistica 5,0 фирмы Statsoft) в целях выявления устойчивых связей между основными параметрами социально-психологического измерения.

3.2. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

3.2.1. Значимость этнической принадлежности

Для выявления значимости этнической идентичности в структуре самокатегоризации мы использовали тест М. Куна и Т. Мак-Партланда «Кто я?», при помощи которого исследовалась субъективная значимость этнической идентичности. Нас интересовало, насколько часто респонденты используют этническую категорию в актуальном самоопределении, т. е. при ответе на вопрос теста указывают свою этническую принадлежность (табл. 3.3).

Таблица 3.3

Субъективная значимость этнической принадлежности в структуре самоидентификаций

Ранг значимости этнической принадлежности в самокатегоризации респондентов	Доля ответов в выборке, %				
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты	Всего
Первый	7,6	8,6	1,8	15,7	8,4
Второй	—	—	5,6	1,9	1,9
Третий	2,0	2,2	3,7	1,9	2,9
Четвертый	—	2,2	3,7	3,9	2,4
Итого	9,6	13,0	14,8	23,4	15,2
Значимость этнической принадлежности не актуализирована	90,4	87,0	85,2	76,6	84,8

Из приведенных в табл. 3.3 данных видно, что всего 15,2 % респондентов указали свою этническую принадлежность, у 84,8 % она вообще не была актуализирована. Выявлены незначительные расхождения в этнических группах: максимальная значимость этнической принадлежности обнаружилась у удмуртов (15,7 % опрошенных), а минимальная — у русских (1,8 %).

Таким образом, для русских этническая идентичность оказалась менее значимой, чем для представителей остальных

исследуемых групп, у которых характеристики групповой этнической идентичности более выражены. Основываясь на данных табл. 3.3, можно говорить о сравнительно низкой значимости этнической принадлежности в целом для всех исследуемых этнических групп.

Для более полной картины мы построили групповые идентификационные матрицы (Moscovici, 1984) четырех исследуемых нами этнических групп на основе данных, полученных с помощью теста М. Куна и Т. Мак-Партланда «Кто я?». Все самохарактеристики по каждой этнической группе были отнесены к объективным или субъективным. К объективным относятся те самохарактеристики, в которых человек отражает свои разнообразные социальные роли, будь то пол, роль в семье, социальный статус, принадлежность к всевозможным социальным группам. Объективные характеристики были разделены на базовые (общечеловеческая, личностная, семейная, половая, профессиональная) принадлежности и этнополитические (этническая, гражданская, религиозная, субкультурная) категории. В число субъективных характеристик вошли самоидентификации, которые являлись результатами особых жизненных обстоятельств, личностных признаки, позитивные и негативные самооценки (*работяга, труженик, романтик, добряк, неудачник, счастливый, творец* и т. д.). При анализе идентификационных матриц был выявлен ряд межгрупповых различий в иерархии самоидентификационных категорий (табл. 3.4).

Анализ восприятия субъектами самих себя в системе социальных связей и отношений показывает, что число объективных характеристик обычно преобладает над числом субъективных (Солдатов, 1998). Из табл. 3.4 следует, что 75 % от всего массива самохарактеристик составили объективные характеристики. Большинство наших респондентов, отвечая на вопрос «Кто я?», прежде всего идентифицирует себя с теми объективными позициями, которые они занимают в повседневной жизни. Наиболее часто называемой объективной характеристикой у респондентов является семья (мать, сын, сестренка и т. д.), выбор характеристик этой категории у башкир составляет наибольшую долю (40,0 %), а у удмуртов — наименьшую (26,0 %).

Таблица 3.4

**Групповые идентификационные матрицы
(отношение общего числа самохарактеристик
респондента к общему числу самохарактеристик
представителей этнической группы), %**

Категория	Этническая группа			
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Объективные характеристики <i>Категории частной жизни (базовые)</i>				
Человек	10,9	12,6	15,4	12,8
Личность	3,9	4,5	2,5	0,5
Пол	7,4	8,3	9,3	12,8
Семья	40,1	31,4	31,9	26,0
Профессия	3,2	8,9	11,3	9,6
<i>Этнополитические категории</i>				
Национальность	3,2	3,5	2,8	10,6
Религия	—	—	—	—
Субкультура	0,3	—	0,3	—
Гражданин республики	1,1	1,6	1,0	3,3
Гражданин России	0,7	1,6	2,5	3,3
<i>Субъективные характеристики (самооценки и самопредставления)</i>				
Идеологические самооценки	—	2,4	—	0,5
Позитивные и негативные самооценки и ролевые характеристики	28,5	20,8	21,7	18,0
Другие	0,7	4,0	1,0	2,6

Этническая принадлежность в целом по выборке занимает шестое место, пропуская вперед семейную, позитивные и негативные самооценки и ролевые характеристики, общечеловеческую, половую и профессиональную принадлежности. Такая тенденция прослеживается у представителей всех четырех исследуемых этнических групп.

Религиозный фактор тесно связан с этничностью, но в структуре самоидентификаций нашей выборки религиозная принадлежность у представителей изучаемых нами этнических групп не была актуализирована, несмотря на то, что исследуемый регион является поликонфессиональным (татары и башкиры исповедуют ислам, русские — православие, большинство удмуртов, населяющих северо-запад Башкирии, являются язычниками, а остальные удмурты — православные).

Анализируя этнополитические категории в групповых самохарактеристиках, следует отметить, что хотя у всего массива этническая компонента слабо выражена, она все же более актуальна, чем гражданская (табл. 3.5).

Таблица 3.5

**Этнополитические категории
в групповых самохарактеристиках
(по отношению к общему числу опрошенных, %)**

Категория	Этническая группа			
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Этническая принадлежность	17,4	17,4	14,8	39,2
Субкультура	1,9	—	1,9	—
Гражданин республики	5,9	8,7	5,6	11,7
Гражданин России	3,8	8,7	12,9	11,7

Этническая компонента наиболее выражена у удмуртов (39,2 % опрошенных), в равной степени выражена у башкир (17,4 %) и татар (17,4 %), наименее выражена у русских (14,8 %).

Как следует из табл. 3.5, гражданская принадлежность (республиканская и общегосударственная) выражена меньше, чем

этническая. Проанализировали мы также соотношение категорий «гражданин республики» и «гражданин России». У башкир обе категории гражданской принадлежности выражены слабее, чем у представителей других этнических групп, но республиканская принадлежность (5,9 %) все же превышает государственную (3,8 %). У татар и удмуртов категории «гражданин республики» и «гражданин России» выражены в равной степени (у татар — 8,7 %, у удмуртов — 11,7 %). Гражданская принадлежность русских распределилась следующим образом: на долю республиканской принадлежности приходится 5,6 %, а на долю общероссийской — в два раза больше (12,9 %). У представителей башкир, татар и удмуртов этническая принадлежность более выражена, чем гражданская (у татар — в два раза, у башкир и удмуртов — в три).

Респонденты титульной национальности (в нашем случае — башкиры) в большей степени осознают себя гражданами республики, придают меньше значения российскому гражданству. Русские причисляют себя прежде всего к россиянам; нужно также отметить, что у русских респондентов гражданская и этническая принадлежности выражены практически в равной степени.

Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод о том, что у всех четырех обследуемых нами этнических групп этническая идентичность выражена незначительно. Это свидетельствует об отсутствии гипертрофированной этнической идентичности, а вместе с ней — и об отсутствии выраженной межэтнической напряженности в данном регионе.

3.2.2. Блок этнической идентичности

Характер чувств, испытываемых по отношению к собственной группе, и их изменение отражают динамику образа группы с точки зрения привлекательности — непривлекательности и влияют на взаимоотношения с другими группами. На основании выраженности этноаффилиативных тенденций у представителей обследуемых этнических групп мы определяли, насколько у них выражены эмоциональные компоненты этнической идентичности (табл. 3.6).

Таблица 3.6

Валентность чувств, связанных с этнической принадлежностью

Какие чувства у Вас вызывает принадлежность к своей нации?	Доля ответов в выборке, %				
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты	Всего
Гордость	28,8	28,3	42,6	23,5	30,8
Спокойная уверенность	32,7	54,3	33,3	45,1	41,4
Не вызывает никаких чувств	25,0	13,0	5,6	15,7	14,8
Обида	7,7	2,2	5,6	9,8	6,3
Ущемленность, униженность	5,8	2,2	12,9	5,9	6,7

Во всех этнических группах у подавляющего большинства наших респондентов преобладали позитивные чувства — *гордость, спокойная уверенность*. Однако немало и тех, кто указывал на негативные психологические состояния, связанные с этнической принадлежностью. Чаще всего негативные эмоции (*обида, ущемленность, униженность*) отмечались у русских респондентов — 18,5%. Возможно, у русских негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью, отражают переживание ими снижения статуса собственной этнической группы в последнее десятилетие, что сопряжено с общей этнополитической ситуацией в России (Солдатова, 1998).

Для определения позитивности — негативности этнической идентичности мы использовали метод этнических стереотипов Д. Катца и К. Брели.

Испытуемым предлагалось указать 5–6 определений, собственных, по их мнению, представителям оцениваемой ими этнической группы — своей собственной или соседней. Преобладание положительной групповой самооценки говорит о развитом чувстве «мы», об отражении в сознании индивидов интруппы как самостоятельного субъекта межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия, о выраженной позитивной групповой идентичности членов группы. Резкое преобладание позитивных автостереотипов при почти полном отсут-

ствии негативных свидетельствует о включенности механизмов социально-психологической защиты, о появлении неадекватности самовосприятия. Преобладание негативного оценочного компонента служит показателем нарушения позитивной групповой идентичности членов группы, разрушения чувства «мы» по этническому признаку, возможной смены этнической самоидентификации (Лебедева, 1993).

Данные, полученные с помощью метода этнических стереотипов Д. Катца и К. Брели, представлены в табл. 3.7.

Таблица 3.7

Валентность этнических автостереотипов, %

Автостереотипы	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Позитивные	63,5	86,8	74,6	64,4
Преимущественно позитивные	9,7	7,9	13,7	4,5
Позитивные и негативные поровну	7,4	—	9,8	17,8
Преимущественно негативные	9,7	—	—	—
Негативные	9,7	5,3	1,9	13,3

В сознании представителей всех четырех обследованных этнических групп преобладают, как следует из табл. 3.7, позитивные этнические автостереотипы.

Резкое преобладание позитивных автостереотипов при почти полном отсутствии негативных наблюдается в ответах татар и русских, что может указывать на активизацию механизмов социально-психологической защиты, направленной на сплочение группы и повышение позитивной идентичности ее членов.

Негативные автостереотипы чаще всего выявлялись в ответах башкир (18,4 %) и удмуртов (13,3 %), что может свидетельствовать как о критическом восприятии характерных черт представителей своей этнической группы, так и об угрозе утраты позитивной идентификации со своей группой.

При анализе содержательных характеристик автостереотипов установлено, что наиболее часто указываемыми негативными автостереотипами у удмуртов были следующие: *не-*

уверенные (забитые) (3,0 %), не поддерживают друг друга (0,7 %), злые (0,7 %). Наиболее часто указываемые негативные автостереотипы у башкир — *агрессивность* (4,5 %), *несамостоятельность* (4,5 %), *злость* (1,5 %), *фанатичность* (1,5 %), *хитрость* (1,5 %).

Язык является одним из важнейших этнодифференцирующих признаков. В обыденном сознании часто происходит фактическое отождествление языка и народа: по данным этносоциологических исследований, в 70–80-е гг. прошлого века свыше 70 % эстонцев, грузин, узбеков, молдаван определяли свою этническую идентичность по языку (см.: Арутюнян и др., 1998). В нашем опроснике респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Какой язык (языки) Вы считаете родным?» Таким образом мы могли оценить знание родного языка и степень интегрированности наших респондентов в соседнюю этническую культуру. В том, какие языки, кроме языка этнической группы, к которой относит себя отвечающий, считают родными наши респонденты, отражается реальная культурная дистанция, а также субъективная социально-культурная дистанция между взаимодействующими этническими группами. Результаты ответа на этот вопрос представлены в табл. 3.8.

Таблица 3.8

Какой язык (какие языки) Вы считаете родными?

Язык, указываемый в качестве родного	Доля ответов в выборке, %				
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты	Всего
Русский	3,8	6,5	98,4	11,8	30,1
Башкирский	5,8	—	—	—	1,5
Татарский	65,4	80,4	—	—	36,5
Удмуртский	—	—	—	82,4	20,5
Русский и татарский	7,7	10,9	1,6	—	5,1
Русский и удмуртский	—	—	—	5,8	1,5
Татарский и башкирский	17,3	2,2	—	—	4,8

Как видно из табл. 3.8, 36,5 % представителей обследованного массива считает родным татарский язык, 30,1 % — русский язык, 20,5 % — удмуртский, и всего лишь 1,5 % называ-

ют башкирский язык своим родным языком; 11,4 % респондентов назвали своими родными два языка: 5,1 % – русский и татарский языки, 4,8 % – татарский и башкирский, 1,5 % – русский и удмуртский.

В данном регионе башкиры разговаривают на местном диалекте татарского языка, поэтому только 5,8 % башкир назвали башкирский язык своим родным языком, а 65,4 % башкир указали в качестве родного татарский язык. Близость культур также определяет то, что 17,3 % башкир и 2,2 % татар считают своими родными и башкирский, и татарский языки, которые относятся к одной языковой группе тюркских языков. Возможно, то, что подавляющее большинство башкир считают своим родным татарский язык, сказывается на двойственности их этнической идентичности.

Для оценки четкости – амбивалентности этнической идентичности использовался такой показатель, как степень близости и понятности представителей других этнических групп, которая оценивалась с помощью утверждений «Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу» и «Если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность». Полученные нами данные помещены в табл. 3.9.

В целом по выборке большинство опрошиваемых не согласилось с утверждением «*Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу*». Наиболее четкую этническую идентичность продемонстрировали русские, подавляющее большинство которых (87,1 %) не согласилось с данным утверждением. Наиболее амбивалентная этническая идентичность была обнаружена у удмуртов (31,3 %) и башкир (28,8 %). Среди татар 23,9 % согласились с тем, что им ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому они принадлежат.

Мы увидели ту же картину при анализе мнения наших респондентов по отношению к утверждению «*Если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность*». Русские (87,1 %) не согласились с этим утверждением, как и с предыдущим, тем самым еще раз продемонстрировав четкую этническую идентичность. В целом по выборке сохраняются те же тенденции, что и в ответах, связанных с

предыдущим утверждением. Самый высокий уровень амбивалентности отмечен у удмуртов — 33,3 %, на втором месте оказались башкиры (24,9 %) и, с небольшим отрывом, — татары (21,7 %).

Таблица 3.9

Четкость — амбивалентность этнической идентичности

Вариант ответа	Доля ответов в выборке, %			
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
<i>Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того к которому я принадлежу</i>				
Согласен	28,8	23,9	5,5	31,3
Не знаю	11,6	10,8	7,4	5,8
Не согласен	59,6	65,3	87,1	62,9
<i>Если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность</i>				
Согласен	24,9	21,7	5,5	33,3
Не знаю	5,5	8,7	7,4	5,9
Не согласен	69,6	69,6	87,1	60,8

Дополнительно всем опрошенным, согласившимся с утверждением «Если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность», мы предлагали ответить дополнительно на вопросы: «Какую? Почему?». При контент-анализе ответов на эти вопросы мы получили следующие данные: респонденты-башкиры чаще всего выбирали татарскую национальность, на вопрос «Почему?» отвечали так: «Потому что мой родной язык — татарский»; «Одна религия»; «Мне близок язык и традиции»; «Мы — татары, а записаны башкирами»; «Татары мне ближе всего». По мнению удмуртов, они выбрали бы русскую национальность, потому что «все говорят на русском»; «везде русский язык и русские легче живется»; «русские красиво говорят». Среди респондентов-татар чаще всего упоминалась русская национальность, ответы на вопрос «Почему?» были следующие: «из-за языка»; «выбор по нраву»; «из-за сострадания»; один из оп-

рашиваемых выбрал бы башкирскую национальность, «*потому что я живу в Республике Башкортостан*». Всего 5,5 % русских респондентов согласились с тем, что выбрали бы другую национальность, если бы была такая возможность, но никто среди них не дал ответа на вопросы «*Какую?*» и «*Почему?*».

Для оценки степени идентификации с представителем своей и иной этнической группы респондентам предлагалось отметить, насколько они ощущают себя представителями своей и соседней с ними этнической группы. Например, башкирам предлагалось ответить на вопрос: «*В какой мере Вы считаете себя представителем следующих национальностей: башкир, татар, русских, удмуртов?*» и т. д. В табл. 3.10–3.13 приведены результаты опроса.

Таблица 3.10

Этническая идентификация башкир, %

Вариант ответа	В какой мере Вы считаете себя			
	башкиром	татаринком	русским	удмуртом
Не считаю	25,0	21,2	84,6	98,1
Затрудняюсь ответить	1,9	5,8	—	—
Отчасти	53,9	44,2	13,5	1,9
Полностью	19,2	28,8	1,9	—

Таблица 3.11

Этническая идентификация татар, %

Вариант ответа	В какой мере Вы считаете себя			
	башкиром	татаринком	русским	удмуртом
Не считаю	65,2	2,2	76,1	91,4
Затрудняюсь ответить	6,5	4,3	6,5	4,3
Отчасти	21,8	19,6	13,1	4,3
Полностью	6,5	73,9	4,3	—

Таблица 3.12

Этническая идентификация русских, %

Вариант ответа	В какой мере Вы считаете себя			
	башкиром	татариним	русским	удмуртом
Не считаю	98,2	100,0	—	100,0
Затрудняюсь ответить	—	—	—	—
Отчасти	1,8	—	—	—
Полностью	—	—	100,0	—

Таблица 3.13

Этническая идентификация удмуртов, %

Вариант ответа	В какой мере Вы считаете себя			
	башкиром	татариним	русским	удмуртом
Не считаю	94,2	84,3	80,4	5,9
Затрудняюсь ответить	3,9	1,9	—	—
Отчасти	1,9	13,8	13,7	7,8
Полностью	—	—	5,9	86,3

При ответе на данный вопрос самую четкую (практически 100 %) этническую идентификацию продемонстрировали русские, лишь 1,8 % из них «отчасти» считают себя башкирами. Этническую идентификацию удмуртов (86,3 %) и татар (73,9 %) также можно охарактеризовать как четкую. Наличие амбивалентной этнической идентичности мы видим у башкир: не считают себя башкирами 25,0 % респондентов, полностью относят себя к башкирами только 19,2 %.

На наш взгляд, мы можем говорить о двойственной этнической идентичности башкир, так как 28,8 % из них полностью считают себя татарами. Большинство (53,9 %) респондентов-башкир считает себя отчасти башкирами, а 44,2 % башкир считают себя отчасти татарами. Очевидно, сказывается культурная и конфессиональная близость татарского и башкирского этносов, что приводит к размыванию этнических

границ между этими народами. Здесь мы можем отметить только то, что такого рода тенденции у респондентов-башкир более выражены, чем у татар.

Проанализировав данные блока этнической идентичности, мы приходим к выводу, что в целом русские, татары и удмурты продемонстрировали более выраженную, четкую и определенную этническую самоидентификацию по сравнению с башкирами.

3.2.3. Блок этнической толерантности

В этом блоке представлен анализ ответов на вопросы, помогающие оценить степень этнической и религиозной толерантности (терпимости) и интолерантности (нетерпимости). Эта проблема имеет особенное значение для поликультурного региона, каковым является Башкирия, поскольку здесь взаимодействуют не только разные культуры, но и разные конфессии.

В табл. 3.14 представлены данные, демонстрирующие отношение к религии как к фактору, объединяющему (интегрирующему) с одними народами и разделяющему (дифференцирующему) с другими.

Таблица 3.14

Представление о религии как интегрирующем и дифференцирующем факторе

Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга	Доля ответов в выборке, %			
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Не согласен	9,6	15,2	9,3	9,8
Не знаю	15,4	13,0	20,4	19,6
Согласен	75,0	71,8	70,3	70,6

Большинство опрошенных нами представителей всех четырех этнических групп считают, что религия выполняет интегрирующую роль и способствует взаимопониманию народов, принадлежащих к одной конфессии. На дифференцирующую (разделяющую) роль религии указывали чаще всего татары (15,2%). Возможно, они опасаются размывания этно-

культурных границ с соседним народом -- башкирами, исповедующими ту же религию.

Нас также интересовало, насколько фатальными считают наши респонденты этнические границы, насколько этническая принадлежность может разделять людей и осложнять их взаимопонимание. Данные по этому вопросу представлены в табл. 3.15.

Таблица 3.15

Отношение к национальности как к разделяющему признаку

Вариант ответа	Доля ответов в выборке, %			
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
<i>Национальная принадлежность всегда будет разъединять людей</i>				
Не согласен	23,1	34,8	33,4	37,2
Не знаю	28,8	17,4	16,7	15,8
Согласен	48,1	47,8	49,9	47,0
<i>Появление в семье человека другой национальности осложняет взаимопонимание</i>				
Не согласен	50,0	50,0	46,3	51,0
Не знаю	17,3	10,9	20,4	21,6
Согласен	32,7	39,1	33,3	27,4
<i>Я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности</i>				
Не согласен	48,1	52,1	29,6	45,1
Не знаю	7,7	4,3	7,4	9,8
Согласен	44,2	43,4	63,0	45,1

Полученные результаты показывают, что чуть менее половины респондентов (от 47 до 49,9 %) во всех четырех этнических группах полагают, что этническая принадлежность всегда будет разъединять людей. Чаще всего с таким утверждением соглашались русские, реже всего — удмурты. При этом чуть большая доля опрошенных во всех группах (от 46,3 до

51,0 %) не согласна с тем, что этническая принадлежность играет ключевую роль в разделении людей и осложняет взаимопонимание в семье (см. табл. 3.15).

Отвечая на вопрос: «Согласны Вы или нет с утверждением “Я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности”?» – наши респонденты разделились практически поровну (см. табл. 3.15). Больше всего предпочитают, чтобы их окружали люди их национальности, оказалось среди русских (63,0 %). У этих респондентов прослеживается тенденция к обособлению и дистанцированию по отношению к остальному массиву опрошенных.

Скорее всего, противоречивые на первый взгляд тенденции, отразившиеся в ответах наших респондентов на вопросы об их отношении к национальности как к разделительному признаку, свидетельствуют о процессах, связанных с желанием избежать этнокультурного смешения. С одной стороны, опрошенные признают, что национальность играет дифференцирующую (разделяющую) роль, и хотят, чтобы их окружали люди их национальности. С другой стороны, они демонстрируют приемлемость межэтнических браков. Исследование проводилось в исторически сформировавшемся поликультурном регионе, населяющие его народы имеют опыт многовекового сосуществования на одной территории, к тому же населенные пункты, исследуемые нами, остаются преимущественно однородными по этническому составу.

В табл. 3.16 представлены данные, отражающие мнения наших респондентов о том, насколько люди другой культуры могут сохранять и развивать культуру другого народа.

Табл. 3.16

Оценка проницаемости культурных границ

Думаю, что органично развивать и сохранять национальную культуру могут только люди этой национальности	Доля ответов в выборке, %			
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Не согласен	25,0	39,1	27,8	25,5
Не знаю	23,0	6,5	16,7	29,4
Согласен	51,9	54,4	55,5	45,1

Среди представителей всех четырех исследуемых нами этнических групп, населяющих северо-запад Башкирии, около половины респондентов (от 45,1 до 51,9 %) согласны с предложенным тезисом (см. табл. 3.16), т. е. склонны рассматривать культурные границы как непроницаемые. Нужно отметить, что, как и в предыдущем случае (см. табл. 3.15), мнения респондентов разделились: половина респондентов согласна с тем, что органично развивать и сохранять национальную культуру могут только люди этой национальности, другая половина не считает культурные границы фатальными и непроницаемыми.

Изучая этническую толерантность, мы попросили респондентов оценить следующее утверждение: *«Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов»*. Результаты представлены в табл. 3.17.

Таблица 3.17

Уровень этнической толерантности респондентов

Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов	Доля ответов в выборке, %				
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты	Всего
Согласен	15,4	30,4	24,2	29,4	24,8
Не знаю	1,9	2,1	9,3	1,9	3,8
Не согласен	82,7	67,5	66,5	68,7	71,4

Большинство респондентов толерантно относится к другим этносам, но все-таки около четверти опрошиваемых согласились с тем, что предпочли бы не общаться с представителями некоторых народов (см. табл. 3.17). Интересно, что самыми толерантными оказались башкиры, среди них лишь 15,4 % согласны с приведенным утверждением, а самый высокий процент интолерантно настроенных респондентов — среди опрошенных татар (30,4 %) и удмуртов (29,4 %).

Респондентам, которые согласились с утверждением: *«Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов»* — предлагалось ответить на вопрос: *«Каких и почему?»*. Нужно сразу отметить, что на этот вопрос

наши респонденты отвечали неохотно, но анализ качественных характеристик дал следующие результаты: респонденты-башкиры при ответе на этот вопрос чаще всего упоминали удмуртов (*упрямые, много пьют*). Респонденты-татары чаще всего упоминали башкир (*грубый язык*). Русские респонденты чаще всего упоминали чеченцев (*бандиты, из-за них погибло много наших парней*). Респонденты-удмурты чаще всего называли татар (*слишком наглые, злые, с ними неприятно общаться, мусульмане*) и башкир (*высокомерные, злые, мусульмане*).

Также мы попытались проанализировать этнические гетеростереотипы представителей четырех обследуемых нами групп, населяющих северо-запад Башкирии, и социальную дистанцию между этническими группами.

В табл. 3.18 представлены данные по валентности этнических стереотипов основных этнических групп республики (соотношение позитивных и негативных оценочных компонентов этнических гетеростереотипов).

Преобладание негативных гетеростереотипов указывает на действие психологической защиты с целью сохранения группы себя как целого, на сопротивление инокультурному влиянию, о неадекватности межгруппового восприятия. Преобладание позитивных гетеростереотипов при позитивной групповой самоидентификации свидетельствует о наличии положительного образа другой группы, об этнической толерантности, об адаптивности в иной культуре. Резкое преобладание позитивных гетеростереотипов при негативной самооценке ингруппы говорит о разрушении данной группы как самостоятельного субъекта межгруппового взаимодействия (Лебедева, 1993).

Из представленных в табл. 3.18 данных следует, что самый благоприятный баланс между позитивными и негативными этническими стереотипами в сознании всех опрошенных представителей этносов северо-запада Башкирии складывается для русских. Наибольшее количество негативных гетеростереотипов респонденты приписывают башкирам и татарам. Имеются и характерные особенности межгруппового (межэтнического) восприятия: так, наиболее толерантно (по сравнению с другими группами) башкиры относятся к рус-

ским и татарам (причем гетеростереотип русских и татар у башкир более позитивен, чем автостереотип), татары, в свою очередь, более толерантно относятся к русским и башкирам, русские — к удмуртам, а удмурты — к русским. Если анализировать «обратный» уклон, то выясняется, что наиболее негативно удмурты воспринимают татар, а затем башкир, русские же — башкир, а затем татар.

Таблица 3.18

Валентность этнических стереотипов, %

Оценочные компоненты	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
<i>Этнические стереотипы башкир</i>				
Позитивные	73,2	71,8	37,6	28,0
Нейтральные	7,3	9,4	12,5	20,0
Негативные	19,5	18,8	49,9	52,0
<i>Этнические стереотипы татар</i>				
Позитивные	76,3	94,7	39,6	33,3
Нейтральные	10,5	—	14,6	7,7
Негативные	13,2	5,3	45,8	59,0
<i>Этнические стереотипы русских</i>				
Позитивные	86,5	79,3	88,3	82,1
Нейтральные	8,1	6,9	9,9	10,3
Негативные	5,4	13,8	11,8	7,6
<i>Этнические стереотипы удмуртов</i>				
Позитивные	43,3	57,2	52,6	68,9
Нейтральные	26,7	21,4	15,8	17,8
Негативные	30,0	21,4	31,6	13,3

На наш взгляд, в этих образах социальной перцепции отражаются некая «статусная иерархия» и особенности отношения представителей разных этнических групп к более позитивно оцениваемым группам и менее позитивно оцениваемым

мым группам. Любопытным является то, что к русским в целом наиболее толерантное отношение показывают представители всех трех обследуемых групп, а русские, наоборот, настроены более негативно к представителям других этнических групп. Из анализа гетеростереотипов следует вывод, что самой менее позитивно оцениваемой группой в регионе являются удмурты, а наиболее позитивно оцениваемая группа — русские.

Следующим показателем межэтнических установок являются данные, полученные с помощью шкалы социальной дистанции Э. Богардуса (табл. 3.19–3.23).

Таблица 3.19

**Уровень социально-психологической близости
общего массива респондентов
с представителями исследуемых этнических групп, %**

Степень принятия представителей этнической группы	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Житель республики	31,9	32,4	38,9	35,7
Сосед	13,1	17,0	14,4	10,1
Близкий друг	12,3	16,0	13,4	19,1
Родственник через браки детей	42,7	34,6	33,3	35,1

Таблица 3.20

**Уровень социально-психологической близости башкир
с представителями исследуемых этнических групп, %**

Степень принятия представителей этнической группы	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Житель республики	34,8	8,6	55,8	28,6
Сосед	—	6,4	11,6	34,3
Близкий друг	7,4	17,0	16,3	8,5
Родственник через браки детей	57,8	68,0	16,3	28,6

Таблица 3.21

Уровень социально-психологической близости татар с представителями исследуемых этнических групп, %

Степень принятия представителей этнической группы	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Житель республики	39,5	15,2	38,8	35,5
Сосед	7,9	10,8	20,4	29,0
Близкий друг	15,9	8,8	20,4	19,4
Родственник через браки детей	36,7	65,2	20,4	16,1

Таблица 3.22

Уровень социально-психологической близости русских с представителями исследуемых этнических групп, %

Степень принятия представителей этнической группы	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Житель республики	55,8	38,8	5,6	55,5
Сосед	11,6	20,4	1,8	23,6
Близкий друг	16,3	20,4	9,3	7,8
Родственник через браки детей	16,3	20,4	83,3	13,1

Таблица 3.23

Уровень социально-психологической близости удмуртов с представителями исследуемых этнических групп, %

Степень принятия представителей этнической группы	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Житель республики	61,8	39,4	27,9	13,7
Сосед	8,8	18,2	9,3	3,9
Близкий друг	11,8	18,2	32,5	13,7
Родственник через браки детей	17,6	24,2	30,2	68,6

Результаты опроса общего массива респондентов показали, что наименьшая социальная дистанция в сознании опрошенных жителей северо-запада Башкирии наблюдается с башкирами, а наибольшая — с русскими (см. табл. 3.19). У башкир наименьшая социальная дистанция выявлена с татарами, а наибольшая — с русскими (см. табл. 3.20), у татар наименьшая социальная дистанция с башкирами, а наибольшая — с удмуртами и русскими (см. табл. 3.21). У удмуртов прослеживается наиболее близкая социальная дистанция с русскими, наименьшая — с башкирами (см. табл. 3.22), а у русских наименьшая социальная дистанция отмечается с татарами, а наибольшая — с удмуртами (см. табл. 3.23).

На наш взгляд, в данных, полученных с помощью шкалы социальной дистанции Богардуса, находят отражение как близость — отдаленность культур, так и вышеупомянутая иерархия статусов.

Итак, анализ данных, включенных в блок этнической толерантности, позволяет сделать следующий вывод: представители всех четырех этнических групп признают дифференцирующую (разделительную) роль этничности и религии и при этом сохраняют толерантное отношение к друг другу, о чем свидетельствуют преобладание позитивных гетеростереотипов и близкая социальная дистанция между представителями разных этнических групп.

3.2.4. Корреляционный анализ результатов исследования

С помощью корреляционного анализа мы попытались выяснить характер взаимосвязи между этнической идентичностью и толерантностью, а также факторы, сопряженные с этой взаимосвязью.

Для определения валентности этнической идентичности в нашем исследовании использовался метод этнических стереотипов Д. Катца и К. Брели и вопрос: «Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к своей нации?».

Нас интересовало, как валентность этнической идентичности связана с установками на межэтническое взаимодействие у представителей обследованных нами этнических групп — башкир, татар, русских и удмуртов.

При анализе корреляций выявлены значимые корреляционные связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью (позитивностью гетеростереотипов) у представителей всех четырех обследованных групп (табл. 3.24), что еще раз подтверждает взаимосвязь позитивной этнической идентичности и этнической толерантности. Согласно данным многочисленных кросс-культурных исследований (Левкович, Андрушак, 1995; Лебедева, 1997; Малхозова, 1999; Berry, Pleasants, 1984), позитивная этническая идентичность способствует формированию этнической толерантности. Негативные элементы в структуре этнической идентичности (негативные автостереотипы и негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью), а также опыт этнической дискриминации способствуют формированию этнической интолерантности (нетерпимости) (Лебедева, 1997).

Таблица 3.24

Корреляции между валентностью этнических автостереотипов и гетеростереотипов

Позитивные автостереотипы	Позитивные гетеростереотипы	Коэффициент корреляции
Башкиры	Татары	,64***
	Русские	,61***
	Удмурты	,31*
Татары	Башкиры	,32*
	Русские	,60***
	Удмурты	,57***
Русские	Башкиры	,53***
	Татары	,69***
	Удмурты	,26*
Удмурты	Башкиры	,37**
	Татары	,52***
	Русские	,51***

* $p < 0,05$.

** $p < 0,01$.

*** $p < 0,001$.

В табл. 3.25 представлены корреляции между валентностью чувств, связанных с этничностью, и социально-психологическими показателями межэтнического взаимодействия у представителей четырех обследованных нами этнических групп.

Таблица 3.25

Корреляции между валентностью чувств, связанных с этничностью, и социально-психологическими показателями межэтнического взаимодействия

Чувства, связанные с этничностью	Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Позитивные чувства, связанные с этничностью	Установки на внутриэтническую консолидацию	,32*	,48***	—	-,42**
	Позитивные автостереотипы	—	,33*	—	—
	Высокий ранг этничности	—	,27*	—	—

* $p < 0,05$.

** $p < 0,01$.

*** $p < 0,001$.

У башкир, татар и удмуртов позитивные чувства, связанные с этничностью, коррелируют с установками на внутриэтническую консолидацию. У татар позитивные чувства, связанные с этничностью, коррелируют также с позитивностью автостереотипов. У русских позитивные чувства, связанные с этничностью, коррелируют со значимостью этнической принадлежности. У удмуртов же позитивные чувства, связанные с этничностью, отрицательно коррелируют с установками на внутриэтническую консолидацию.

Далее нас интересовало, как значимость этнической принадлежности связана с другими показателями межэтнического взаимодействия (табл. 3.26).

Таблица 3.26

Корреляции между значимостью этнической принадлежности и другими показателями межэтнического взаимодействия

Значимость/незначимость этнической принадлежности	Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Незначимость этнической принадлежности	В большей степени считают себя русскими	,32*	—	—	—
	Четкость этнической идентичности	—	—	,33*	,30*
	Этническая толерантность	—	—	,30*	,29*
	Индивидуализм	—	—	,28*	—
	Гетеростереотипы башкир	—	—	—	,29*
	Уменьшение социальной дистанции с башкирами	—	—	—	,31*
	Уменьшение социальной дистанции с татарами	—	—	—	,32*
	Хорошее знание русского языка	—	—	—	,42**
Значимость этнической принадлежности	В большей степени считают себя татарами	,37**	—	—	—
	Чувствительность к оскорблениям по национальному признаку	,29*	—	—	—
	Уменьшение культурной дистанции с русскими	—	,37**	—	—
	Дифференциация по религиозному принципу	—	—	,30*	—
	Этническая интолерантность	—	—	—	,35*

* $p < 0,05$.** $p < 0,01$.

Из анализа корреляций следует, что незначимость этнической принадлежности у башкир связана с тем, что они в большей степени считают себя русскими, а значимость этнической принадлежности у них связана с тем, что они считают себя татарами и чувствительны к оскорблениям по национальному признаку («*Меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа*»). У русских незначимость этнической принадлежности связана с четкостью этнической идентичности, этнической толерантностью и индивидуализмом, а значимость этнической принадлежности у них коррелирует с осознанием межконфессиональных различий между народами. У удмуртов менее значимая этническая принадлежность, как и у русских, коррелирует с четкостью этнической идентичности, а также с позитивными гетеростереотипами башкир, уменьшением социальной дистанции с башкирами и татарами, хорошим знанием русского языка и этнической толерантностью. Значимость этнической принадлежности у удмуртов связана с нечеткой этнической идентичностью и этнической толерантностью. У татар значимость этнической принадлежности связана с уменьшением культурной дистанции с русскими.

У русских и удмуртов прослеживается взаимосвязь между этнической толерантностью и четкостью этнической принадлежности и незначимостью этнической принадлежности, а значимость этнической принадлежности взаимосвязана с дифференциацией по религиозному принципу (у русских) и этнической интолерантностью (у удмуртов).

Также мы рассмотрели, какие социально-психологические факторы могут быть связаны с межэтническими установками представителей всех четырех обследуемых групп на этническую толерантность — интолерантность (табл. 3.27).

Общая этническая интолерантность у башкир связана с негативными установками на межэтнические браки. У татар этническая интолерантность коррелирует с чувствительностью к оскорблениям по этническому признаку. У русских общая этническая интолерантность сопряжена с увеличением социальной дистанции с башкирами, а также, как и у татар, с чувствительностью к оскорблениям по этническому признаку.

Таблица 3.27

**Корреляции между установками
на этническую толерантность — интолерантность
и другими социально-психологическими показателями**

Установки на этническую толерантность — интолерантность	Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Общая этническая интолерантность	Негативные установки на межэтнические браки	,30*	—	—	—
	Увеличение социальной дистанции с башкирами	—	—	,34*	—
	Чувствительность к оскорблениям по национальному признаку	—	,36**	,30*	—
	Амбивалентность этнической идентичности	—	—	—	,53***

* $p < 0,05$.** $p < 0,01$.*** $p < 0,001$.

Анализ ответов респондентов на вопросы, оценивающие амбивалентность — четкость (или неопределенность — определенность) этнической идентичности и степень идентификации с представителями иноэтнических групп, позволил отнести башкир к группе, обладающей амбивалентной этнической идентичностью, а русских, татар и удмуртов — к категории этнических групп с четкой этнической идентичностью. В табл. 3.28 приведены коэффициенты корреляции одного из утверждений, оценивающих четкость — амбивалентность этнической идентичности («Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу»), с показателями этнической толерантности — интолерантности, а также установками на поддержание своей культуры.

Таблица 3.28

**Корреляции между четкостью — амбивалентностью
этнической идентичности и показателями
межэтнического взаимодействия**

Четкость — амбивалентность этнической идентичности	Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Четкая этническая идентичность	Этническая толерантность	—	,20*	,24*	,22*
	Уменьшение социальной дистанции с башкирами	—	,22*	—	—
	Установки на поддержание своей культуры	—	,30**	,30**	,32**
Амбивалентная этническая идентичность	Уменьшение социальной дистанции с татарами	,37**	—	—	—
	Увеличение социальной дистанции с русскими	,38**	—	—	—
	Установки на поддержание своей культуры	,25*	—	—	—

* $p < 0,05$.** $p < 0,01$.

Корреляционные связи, приведенные в табл. 3.28, позволяют отметить следующее. Четкая этническая идентичность у татар, русских и удмуртов сопряжена с этнической толерантностью. Четкость и уверенность в собственной этнической идентичности, возможно, уменьшает социальную дистанцию между татарами и башкирами. У представителей трех этих этносов прослеживается связь четкости их этнической идентичности с установками на поддержание культуры. Наличие ясной этнической идентичности у русских, удмуртов и татар, видимо, способствует их стремлению к поддержанию и сохранению собственной культуры.

Амбивалентная этническая идентичность башкир связана с противоположными тенденциями. В табл. 3.28 приводятся коэффициенты корреляции между амбивалентной этнической идентичностью башкир и показателями социальных дистанций с двумя соседними иноэтническими группами. Отрицательная связь позволяет утверждать, что амбивалентность этнической идентичности башкир связана с увеличением социальной дистанции с русскими. Положительная связь свидетельствует о том, что амбивалентная этническая идентичность у них в то же время сопряжена с уменьшением социальной дистанции с татарами.

При этом необходимо отметить, что амбивалентная этническая идентичность башкир, так же, как и четкая этническая идентичность татар, русских и удмуртов, сопряжена с установками на поддержание своей культуры. Установки на поддержание культуры детерминируются множеством факторов, и, видимо, амбивалентность — четкость этнической идентичности является одним из них.

В процессе социально-психологической адаптации к поликультурной среде группы вырабатывают так называемые стратегии межэтнического взаимодействия (Лебедева, Татарко, 2002). Мы выделили две таких стратегии: установки на дифференциацию по этническому признаку и установки на поддержание своей культуры. Посмотрим, с какими другими социально-психологическими установками межэтнического взаимодействия они связаны (табл. 3.29).

Установки на дифференциацию по этническому признаку у башкир коррелируют с негативными установками на межэтнические браки и двойственной этнической идентичностью. У татар, русских и удмуртов установки на дифференциацию по этническому признаку коррелируют со значимостью этнической принадлежности. Кроме этого, установки на дифференциацию по этническому признаку у удмуртов связаны с близкой социальной дистанцией с башкирами и чувствительностью к оскорблению по этническому признаку.

Установки на поддержание собственной культуры у башкир связаны с негативными установками на межэтнические браки, амбивалентностью этнической идентичности, значимостью этнической принадлежности и более выраженной рели-

Таблица 3.29

Корреляции между стратегиями межэтнического взаимодействия и другими социально-психологическими показателями

Стратегии межэтнического взаимодействия	Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Установки на дифференциацию по этническому признаку	Негативные установки на межэтнические браки	,29*	—	,32*	—
	Амбивалентность этнической идентичности	-,33*	—	—	—
	Значимость этнической принадлежности	—	,47***	,30*	,35**
	Уменьшение социальной дистанции с башкирами	—	—	—	,30*
	Чувствительность к оскорблениям по национальному признаку	—	—	—	,36**
Установки на поддержание своей культуры	Негативные установки на межэтнические браки	,32*	—	,32*	—
	Амбивалентность этнической идентичности	-,33*	—	—	—
	Значимость этнической принадлежности	,38**	,33*	—	—
	Выраженность религиозной идентичности	,40**	,33*	—	—
	Установки на этническую консолидацию	—	,33*	—	—
	Четкая этническая идентичность	—	-,32*	—	—
	Чувствительность к оскорблениям по национальному признаку	—	—	,38**	—

* $p < 0,05$.** $p < 0,01$.*** $p < 0,001$.

гиозной идентичностью. У татар установки на поддержание собственной культуры связаны с более выраженной религиозной идентичностью, установками на этническую консолидацию и четкой этнической идентичностью. У русских установки на поддержание собственной культуры коррелируют с чувствительностью к оскорблениям по национальному признаку, а у удмуртов — со значимостью этнической принадлежности.

Также мы исследовали, как уровень воспринимаемой дискриминации (чувствительности к национальным проблемам) связан с установками в сфере межэтнического взаимодействия (табл. 3.30).

Уровень воспринимаемой дискриминации у башкир и удмуртов связан со сближением с русскими (уменьшением социальной дистанции у башкир и культурной дистанции у удмуртов). Башкиры также сближаются и с татарами (демонстрируют свободное владение татарским языком и считают татарский язык своим родным языком). У татар и русских уровень воспринимаемой дискриминации, наоборот, коррелирует с отдалением от башкир (увеличением социальной дистанции), а у татар — еще и с увеличением культурной дистанции. У татар уровень воспринимаемой дискриминации связан также с четкостью этнической идентичности.

Интересно еще и то, что у башкир, татар и русских уровень воспринимаемой дискриминации связан с более выраженной религиозной идентичностью. У русских он коррелирует с дифференциацией по религиозному признаку, у удмуртов — с дифференциацией по религиозному и этническому признаку и коллективизмом.

При этом уровень воспринимаемой дискриминации у башкир, русских и удмуртов связан с установками на поддержание своей культуры.

Далее мы рассмотрели связь установок на межконфессиональные сходства — различия (дифференциация по религиозному критерию) с установками в сфере межэтнического взаимодействия (табл. 3.31).

Установки на межконфессиональные сходства — различия у башкир коррелируют с позитивными гетеростереотипами татар и дифференциацией по этническому признаку. У русских установки на межконфессиональные сходства —

Таблица 3.30

Корреляции между уровнем воспринимаемой дискриминации и другими социально-психологическими показателями

Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия		Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Уровень воспринимаемой дискриминации	Уменьшение социальной дистанции с русскими	,33*	—	—	—
	Уменьшение культурной дистанции с русскими	—	—	—	,28*
	Увеличение социальной дистанции с башкирами	—	-,33*	-,28*	—
	Увеличение культурной дистанции с башкирами	—	-,58***	—	—
	Увеличение социальной дистанции с татарами	—	—	-,41**	—
	Четкая этническая идентичность	—	,32*	—	—
	Выраженность религиозной идентичности	,43**	,33*	,33*	—
	Родным считают татарский язык	,34*	—	—	—
	Свободно владеют татарским языком	,32*	—	—	—
	Установки на поддержку собственной культуры	,27*	—	,38**	,41**
	Дифференциация по религиозному принципу	—	—	,45**	,44**
	Дифференциация по этническому признаку	—	—	—	,36**
	Коллективизм	—	—	—	,36**

* $p < 0,05$.** $p < 0,01$.*** $p < 0,001$.

различия связаны с дифференциацией по этническому признаку и установками на поддержание собственной культуры. У удмуртов установки на межконфессиональные сходства — различия коррелируют с четкостью этнической принадлежности и чувствительностью к оскорблениям по этническому признаку.

Таблица 3.31

**Корреляции между установками
на межконфессиональные различия и другими
показателями межэтнического взаимодействия**

Установка на межконфессиональные сходства — различия	Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Дифференциация по религиозному принципу	Позитивные гетеростереотипы татар	,29*	—	—	—
	Дифференциация по этническому признаку	,29*	—	,35*	—
	Установки на поддержание собственной культуры	—	—	,43**	—
	Четкость этнической принадлежности	—	—	—	,34*
	Чувствительность к оскорблениям по этническому принципу	—	—	—	,44**

* $p < 0,05$.

** $p < 0,01$.

Как следует из данных, приведенных в табл. 3.31, дифференциация по религиозному принципу взаимосвязана с дифференциацией по этническому признаку.

Одной из важных культурных характеристик являются установки на коллективизм — индивидуализм в сознании представителей разных этнических групп. Нами исследована связь этих установок с другими показателями этнической идентичности и межэтнического взаимодействия (табл. 3.32).

Таблица 3.32

Корреляции между установками на коллективизм — индивидуализм и другими социально-психологическими показателями межэтнического взаимодействия

Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия		Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Коллективизм	Этническая индифферентность	-0,32*	—	—	—
	Хорошее знание татарского языка	0,42**	—	—	—
	Позитивные чувства, связанные с этничностью	-0,28*	—	—	—
	Значимость этнической принадлежности	0,30*	—	0,34*	0,37**
	Уменьшение социальной дистанции с татарами	0,29*	—	—	—
	Уменьшение социальной дистанции с русскими	—	0,31*	0,27*	—
	Увеличение социальной дистанции с татарами	—	—	—	-0,39**
	Увеличение культурной дистанции с татарами	—	—	—	-0,32*
	Установки на внутригрупповую этническую консолидацию	—	-0,37**	0,34*	0,47***
Индивидуализм	Позитивные автостереотипы	0,30*	—	—	—
	Установки на внутригрупповую этническую консолидацию	-0,30*	—	—	—
	Уменьшение социальной дистанции с русскими	0,50***	—	—	—
	Позитивная этническая идентичность	0,30	—	—	—
	Этническая толерантность	—	0,39**	0,27*	—
	Значимость этнической принадлежности	—	-0,29*	0,37**	—

Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия		Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Индивидуализм	Ранг этничности	—	—	—	0,37**
	Увеличение социальной дистанции с татарами	—	—	—	-0,39**
	Увеличение культурной дистанции с татарами	—	—	—	-0,32*

* $p < 0,05$.** $p < 0,01$.*** $p < 0,001$.

Установки на коллективизм у башкир позитивно коррелируют с этнической индифферентностью. Коллективизм башкир связан с «расширением этничности» (хорошее владение татарским языком), но при этом он коррелирует с позитивными чувствами, связанными с этничностью, ростом значимости этнической принадлежности и уменьшением социальной дистанции с татарами. У татар коллективизм взаимосвязан с уменьшением социальной дистанции с русскими и отрицательно коррелирует с установками на внутригрупповую этническую консолидацию. Коллективизм у русских связан с установками на внутригрупповую этническую консолидацию и с ростом значимости этнической принадлежности. У удмуртов коллективизм взаимосвязан с увеличением социальной и культурной дистанции с татарами, с ростом значимости этнической принадлежности, при этом он отрицательно коррелирует с установками на внутригрупповую этническую консолидацию.

Установки на индивидуализм у башкир отрицательно коррелируют с установками на внутригрупповую этническую консолидацию (поддержанием обычаев, традиций и образа жизни своего народа). При этом установки на индивидуализм у башкир коррелируют с формированием более близкой социальной дистанции с русскими и с формированием позитивной этнической идентичности и позитивных автостереотипов. У татар установки на индивидуализм позитивно связаны с этнической толерантностью в сфере межэтническо-

го взаимодействия, но при этом они отрицательно взаимосвязаны с ростом этнической значимости. Установки на индивидуализм у русских коррелируют с этнической толерантностью и с ростом этнической значимости. Индивидуализм у удмуртов взаимосвязан с высоким рангом этнической принадлежности и с увеличением социальной и культурной дистанции с татарами.

Результаты корреляционного исследования позволяют прийти к следующим выводам:

- позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) взаимосвязаны в поликультурном регионе с этнической толерантностью; негативная этническая идентичность (негативные чувства, связанные с этничностью) взаимосвязана с этнической интолерантностью;

- четкость — амбивалентность этнической идентичности взаимосвязана с показателями этнической толерантности — интолерантности в межэтническом взаимодействии, а также с установкой на поддержание своей культуры;

- установки на дифференциацию по этническому признаку позитивно коррелируют со значимостью этнической принадлежности и негативными установками на межэтнические браки, отрицательно коррелируют с амбивалентной этнической идентичностью (у башкир);

- дифференциация по религиозному принципу связана с дифференциацией по этническому признаку.

Проводя наше исследование, мы столкнулись с наличием тенденций как толерантности, так и негативизма в отношениях между этническими группами. Подобная амбивалентность социально-психологических установок в межэтническом взаимодействии хорошо иллюстрируется данными факторного анализа, выполненного по методу главных компонент путем вращения корреляционной матрицы по типу «varimax». Обработка данных велась с помощью пакета программ Statistica 5. 1 (Statsoft).

3.2.5. РЕЗУЛЬТАТЫ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА

Факторный анализ ответов всего массива респондентов

При анализе психосемантического, или ментального, поля социально-психологических установок на межэтническое взаимодействие мы выделили 7 основных факторов (у всего массива опрошенных), описывающих 53,5 % общей дисперсии.

Первый фактор — вклад 3,24 (10 %) — получил название «Татаро-башкирская надэтническая общность». В него вошли следующие переменные:

- близкая социальная дистанция с татарами (0,82);
- близкая социальная дистанция с башкирами (0,73);
- близкая культурная дистанция с татарами (0,71);
- близкая культурная дистанция с башкирами (0,65).

Анализ переменных, вошедших в первый фактор, показал, что, вероятно, в этом регионе существует так называемая надэтническая (татаро-башкирская) общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку.

Второй фактор — вклад 2,44 (9,7 %) — получил название «Позитивная этническая идентичность и толерантность». В него вошли следующие переменные:

- позитивные гетеростереотипы русских (0,89);
- позитивные гетеростереотипы татар (0,87);
- позитивные гетеростереотипы башкир (0,67);
- позитивные гетеростереотипы удмуртов (0,54).

Анализируя переменные, вошедшие во второй фактор, мы отметили наличие позитивной этнической идентичности и этнической толерантности, выражающейся в позитивных этнических авто- и гетеростереотипах русских, татар, башкир и удмуртов.

Третий фактор — вклад 2,23 (8,9 %) — получил название «Удмурто-русская надэтническая общность». В него вошли следующие переменные:

- близкая социальная дистанция с удмуртами (0,75);
- близкая социальная дистанция с русскими (0,70);
- близкая культурная дистанция с удмуртами (0,74);
- близкая культурная дистанция с русскими (0,57).

Третий фактор, как и первый, указывает на существование социально-психологической общности, образованной не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку, но на этот раз удмурто-русской надэтнической общности.

Четвертый фактор — вклад 2,0 (8,0 %) — получил название «Значимость этничности». В него вошли следующие переменные:

— меня крайне задевает, когда я слышу что-либо о выдающихся достижениях моего народа (0,66);

— я испытываю глубокое чувство гордости, когда слышу что-либо о выдающихся достижениях моего народа (0,65);

— народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга (0,59);

— я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности (0,51);

— обычно я жертвую своими интересами ради интересов коллектива (0,43).

Наличие этого фактора свидетельствует, скорее всего, о нарушении связи между этнической идентичностью и этнической толерантностью, т. е. о так называемом синдроме названной этничности (Лебедева, 1997).

Пятый фактор — вклад 1,6 (6,4 %) — получил название «Четкость этнической идентичности». В него вошли следующие переменные:

— даже если бы я мог выбирать, то не выбрал бы другую национальность (0,80);

— мне ближе и понятней представители того народа, к которому я принадлежу (0,77).

Переменные, вошедшие в данный фактор, говорят о четкой, определенной и позитивной этнической идентичности респондентов.

Шестой фактор — вклад 1,33 (5,3 %) — получил название «Приемлемость межэтнических браков». В него вошли следующие переменные:

— если в семье появится человек другой национальности, то это осложнит взаимопонимание (0,76);

— честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов (-0,56).

Вошедшие в данный фактор переменные показывают, что установки респондентов на внутриэтнические браки связаны с этнической интолерантностью.

Седьмой фактор – вклад 1,30 (5,2 %) – получил название «Усталость от национальных проблем». В него вошли следующие переменные:

- негативные чувства, связанные с этнической идентичностью, – обида, ущемленность, униженность (0,57);
- национальная принадлежность всегда будет разъединять людей (0,40).

Переменные седьмого фактора демонстрируют, что негативная этническая идентичность связана с дифференциацией по этническому принципу.

Результаты факторного анализа ответов всего массива респондентов указывают на существование двух так называемых надэтнических общностей, образованных не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку – татаро-башкирской и русско-удмуртской. Выявлено также действие двух разнонаправленных тенденций – этнической толерантности и позитивной этнической идентичности (позитивных этнических авто- и гетеростереотипов, четкости, определенности этнической идентичности) и этнической интолерантности и негативной этнической идентичности (установки респондентов на внутриэтнические браки, дифференциация по этническому признаку, синдром навязанной этничности). Важно отметить, что толерантность тесно связана с позитивной этнической идентичностью, а интолерантность – с негативными компонентами этнической идентичности.

Рассмотрим более детально, что лежит в основе межэтнических установок у представителей отдельных этнических групп северо-запада Башкирии.

Факторный анализ ответов респондентов-башкир

В результате анализа выделено 7 факторов, описывающих 64,0 % общей дисперсии.

Первый фактор – вклад 3,5 (14,1 %) – получил название «Негативная этническая идентичность и этническая интолерантность».

В него вошли следующие переменные:

- негативные гетеростереотипы татар (-0,92);
- негативные гетеростереотипы русских (-0,90);
- негативные автостереотипы (-0,73);
- негативные гетеростереотипы удмуртов (-0,67);
- я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности (0,48);
- народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга (0,43).

Второй фактор. — вклад 2,26 (9,0 %) — получил название «Внутригрупповая этническая консолидация». В него вошли следующие переменные:

- увеличение культурной дистанции с русскими (-0,80);
- увеличение культурной дистанции с удмуртами (-0,79);
- я считаю, что судьба моего народа зависит от моих поступков (0,45).

Третий фактор — вклад 2,24 (8,9 %) — получил название «Этническая интолерантность». В него вошли следующие переменные:

- если в семье появится человек другой национальности, то это осложнит взаимопонимание (0,70);
- уменьшение культурной дистанции с башкирами (0,66);
- честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов (-0,66).

Четвертый фактор — вклад 2,16 (8,6 %) — получил название «Этническая толерантность». В него вошли следующие переменные:

- уменьшение социальной дистанции с русскими (0,80);
- уменьшение социальной дистанции с удмуртами (0,79);
- уменьшение социальной дистанции с башкирами (0,63).

Пятый фактор — вклад 2,14 (8,5 %) — получил название «Двойственная этническая идентичность». В него вошли следующие переменные:

- я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу (-0,68);
- если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность (-0,62);
- уменьшение культурной дистанции с татарами (0,64);
- уменьшение социальной дистанции с татарами (0,62).

Шестой фактор — вклад 2,14 (8,5 %) — получил название «Синдром навязанной этничности». В него вошли следующие переменные:

— меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа (0,81);

— я испытываю глубокое чувство гордости, когда слышу что-либо о выдающихся достижениях моего народа (0,78);

— я считаю, что судьба моего народа зависит от моих поступков (0,44);

— национальная принадлежность всегда будет разъединять людей (0,44).

Седьмой фактор — вклад 1,61 (6,4 %) — получил название «Негативные чувства, связанные с этничностью». В него вошла лишь одна переменная:

— негативные чувства, связанные с этничностью (0,76).

В ментальном поле представителей башкирской этнической группы более выражены негативная этническая идентичность и этническая интолерантность (негативные автостереотипы и негативные гетеростереотипы татар, русских и удмуртов; дифференциация по этническому и религиозному признаку, далекая культурная дистанция с русскими и удмуртами, установки на внутриэтнические браки, амбивалентная этническая идентичность, негативные чувства, связанные с этнической идентичностью).

Этническая толерантность выражена только одним фактором, в котором выделились переменные, говорящие об уменьшении социальной дистанции с русскими, удмуртами и самими башкирами.

О двойственности этнического самосознания башкир позволяет говорить пятый фактор, в который наряду с переменными, свидетельствующими об амбивалентной этнической идентичности респондентов («Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу»; «Если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность»), вошли такие переменные, как близкая культурная и социальная дистанция с татарами.

Факторный анализ ответов респондентов-татар

В результате факторного анализа выборки татар выделилось 7 основных факторов, описывающих 65,4 % общей дисперсии.

Первый фактор — вклад 4,01 (16 %) — получил название «Этническая толерантность». В него вошли следующие переменные:

- уменьшение социальной дистанции с русскими (0,86);
- уменьшение социальной дистанции с башкирами (0,79);
- уменьшение социальной дистанции с удмуртами (0,66);
- уменьшение культурной дистанции с русскими (0,74);
- уменьшение культурной дистанции с башкирами (0,73);
- уменьшение культурной дистанции с удмуртами (0,71).

Второй фактор — вклад 3,17 (12,6 %) — получил название «Позитивная этническая идентичность и толерантность». В него вошли следующие переменные:

- позитивные гетеростереотипы русских (0,86);
- позитивные гетеростереотипы удмуртов (0,82);
- позитивные гетеростереотипы башкир (0,72);
- позитивные автостереотипы (0,70).

Третий фактор — вклад 2,20 (8,8 %) — получил название «Внутригрупповая этническая и конфессиональная консолидация». В него вошли следующие переменные:

- коллективизм (0,74);
- народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга (0,67);
- я считаю, что судьба моего народа зависит от моих поступков (0,61);
- увеличение культурной дистанции с башкирами (-0,44).

Четвертый фактор — вклад 2,10 (8,4 %) — получил название «Амбивалентные чувства, связанные с этничностью». В него вошли такие переменные:

- увеличение культурной дистанции с татарами (-0,82);
- негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью (-0,78);
- если в семье появится человек другой национальности, то это осложнит взаимопонимание (0,40);

— я испытываю глубокое чувство гордости, когда слышу что-либо о выдающихся достижениях моего народа (0,32).

Пятый фактор — вклад 1,78 (7,1 %) — получил название «Амбивалентная этническая идентичность и избирательная интолерантность». В него вошли следующие переменные:

— если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность (-0,82);

— я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу (-0,65);

— честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов (-0,49).

Шестой фактор — вклад 1,6 (6,6 %) — получил название «Ущемленность этнических чувств». В него вошли следующие переменные:

— уменьшение культурной дистанции с татарами (0,84);

— меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа (-0,58).

Седьмой фактор — вклад 1,47 (5,9 %) — получил название «Этноцентризм». В него вошли следующие переменные:

— национальная принадлежность всегда будет разъединять людей (-0,79);

— я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности (0,49).

Факторный анализ ответов татар показывает, что в сознании представителей этого этноса присутствуют две разнонаправленные установки: на этническую толерантность и позитивную этническую идентичность (близкая социальная и культурная дистанция с русскими, башкирами и удмуртами; позитивные автостереотипы и гетеростереотипы русских, удмуртов и башкир). Об этом свидетельствуют два наиболее весомых фактора. Но вместе с этим обнаруживается тенденция амбивалентной этнической идентичности и этнической интолерантности (амбивалентные чувства, связанные с этничностью; амбивалентная этническая идентичность и интолерантность; ущемленность этнических чувств; этноцентризм). В четвертом факторе (мы назвали его «Амбивалентные чувства, связанные с этничностью») проявились абсолютно противоположные тенденции: увеличение культурной дистанции

с татарами и негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью, в сочетании с негативными установками на межэтнические браки и чувством гордости за выдающиеся достижения своего народа. Это может быть связано с неудовлетворенностью татар, проживающих в исследуемом регионе, своим этническим статусом. В третьем факторе, который мы условно назвали «Внутригрупповая этническая и конфессиональная консолидация», сочетаются, с одной стороны, коллективизм, осознание того, что судьба народа зависит от личных поступков, дифференциация по религиозному признаку («Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга»), а с другой — увеличение культурной дистанции с башкирами, которые тоже исповедуют ислам, но, по всей видимости, этот факт не способствует сближению народов. С учетом вышеизложенного мы можем говорить о наличии еще одной тенденции — отдалении татар от культурно и конфессионально близкого им башкирского этноса.

Факторный анализ ответов респондентов-русских

В результате анализа выделено 7 основных факторов, описывающих 64,8 % дисперсии.

Первый фактор — вклад 4,28 (17,1 %) — получил название «Интолерантность и внутригрупповая этническая консолидация». В него вошли следующие переменные:

- увеличение культурной дистанции с башкирами (-0,79);
- увеличение культурной дистанции с татарами (-0,77);
- увеличение социальной дистанции с башкирами (-0,74);
- увеличение культурной дистанции с удмуртами (-0,71);
- увеличение социальной дистанции с татарами (-0,68);
- увеличение социальной дистанции с удмуртами (-0,64);
- даже если бы я мог выбирать, то не выбрал бы другую национальность (0,54);

— я не чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того к которому я принадлежу (0,53).

Второй фактор — вклад 2,32 (9,3 %) — получил название «Негативная этническая идентичность и интолерантность». В него вошли следующие переменные:

- негативные гетеростереотипы татар (-0,87);
- негативные автостереотипы (-0,82);
- негативные гетеростереотипы башкир (-0,68).

Третий фактор — вклад 2,25 (9,0 %) — получил название «Значимость разделения по этническому и религиозному признаку». В него вошли следующие переменные:

- я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности (0,69);
- обычно я жертвую своими интересами ради интересов коллектива (0,65);
- народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга (0,64).

Четвертый фактор — вклад 1,93 (7,7 %) — получил название «Негативная этническая идентичность». В него вошли следующие переменные:

- увеличение культурной дистанции с русскими (-0,73);
- увеличение социальной дистанции с русскими (-0,63);
- национальная принадлежность всегда будет разъединять людей (0,67).

Пятый фактор — вклад 1,93 (7,7 %) — получил название «Внутригрупповая этническая консолидация». В него вошли следующие переменные:

- если в семье появится человек другой национальности, то это осложнит взаимопонимание (0,77);
- меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа (0,54);
- уменьшение социальной дистанции с русскими (0,51).

Шестой фактор — вклад 1,83 (7,3 %) — получил название «Этническая интолерантность». В него вошли следующие переменные:

- образование (0,67);
- честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов (-0,64);
- негативные гетеростереотипы удмуртов (0,53);
- я считаю, что судьба моего народа зависит от моих поступков (0,53).

Седьмой фактор — вклад 1,69 (6,7 %) — получил название «Амбивалентные чувства, связанные с этничностью». В него вошли следующие переменные:

— я испытываю глубокое чувство гордости, когда слышу что-либо о выдающихся достижениях моего народа (0,65);

— если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность (-0,63);

— я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу (-0,59).

Таким образом, в ментальном поле русских преобладают две ведущие тенденции. Во-первых, внутригрупповая этническая консолидация («Если бы я мог выбирать, то не выбрал бы другую национальность»; «Я не чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу»), уменьшение социальной дистанции с русскими («Меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа»; «Если в семье появится человек другой национальности, то это осложнит взаимопонимание») и как следствие — увеличение культурной и социальной дистанции с башкирами, татарами и удмуртами, а также рост значимости разделения по этническому и религиозному принципу («Я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности»; «Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга»). Во-вторых, негативная этническая идентичность (негативные автостереотипы; «Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга») и этническая интолерантность («Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов»).

В седьмом факторе, который мы назвали «Амбивалентные чувства, связанные с этничностью», выделились разнонаправленные переменные: с одной стороны, чувство гордости за выдающиеся достижения своего народа, а с другой — наличие негативной этнической идентичности, вплоть до смены этничности. Скорее всего, это свидетельствует о неудовлетворенности русских своим статусом в регионе и стремлении обособиться.

Факторный анализ ответов респондентов-удмуртов

В результате анализа ответов удмуртов выделено 7 основных факторов, описывающих 63,4 % дисперсии.

Первый фактор — вклад 3,78 (15,1 %) — получил название «Надэтническая региональная общность».

В него вошли следующие переменные:

- уменьшение социальной дистанции с татарами (0,83);
- уменьшение социальной дистанции с башкирами (0,81);
- уменьшение культурной дистанции с татарами (0,75);
- уменьшение культурной дистанции с русскими (0,74);
- уменьшение культурной дистанции с башкирами (0,70);
- уменьшение социальной дистанции с русскими (0,54).

Второй фактор — вклад 2,91 (11,6 %) — получил название «Позитивная этническая идентичность и толерантность».

В него вошли следующие переменные:

- позитивные гетеростереотипы русских (0,89);
- позитивные гетеростереотипы татар (0,83);
- позитивные автостереотипы (0,70);
- позитивные гетеростереотипы башкир (0,64).

Третий фактор — вклад 2,00 (8,0 %) — получил название «Негативная этническая идентичность». В него вошли следующие переменные:

- негативные чувства, связанные с этничностью (0,72);
- я не испытываю глубокого чувства гордости, когда слышу что-либо о выдающихся достижениях моего народа (-0,74);
- увеличение социальной дистанции с удмуртами (-0,42).

Четвертый фактор — вклад 1,92 (7,7 %) — получил название «Определенность этнической идентичности и этническая толерантность». В него вошли следующие переменные:

- честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов (0,82);
- если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность (0,74).

Пятый фактор — вклад 1,91 (7,6 %) — получил название «Амбивалентная этническая идентичность». В него вошли следующие переменные:

- я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности (0,72);
- я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу (-0,63).

Шестой фактор — вклад 1,72 (6,8 %) — получил название «Негативная этническая и конфессиональная идентичность».

В него вошли следующие переменные:

— обычно я жертвую своими интересами ради интересов коллектива (−0,78);

— меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа (−0,53);

— народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга (−0,46);

— если в семье появится человек другой национальности, то это осложнит взаимопонимание (0,42).

Седьмой фактор — вклад 1,65 (6,6 %) — получил название «Синдром навязанной этничности». В него вошли следующие переменные:

— национальная принадлежность всегда будет разъединять людей (0,72);

— меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа (0,50);

— уменьшение культурной дистанции с удмуртами (0,45).

В сознании удмуртов переплетаются две основные тенденции: во-первых, этническая толерантность на фоне позитивной и четкой этнической идентичности (позитивные автостереотипы и позитивные гетеростереотипы русских, татар и башкир; близкая культурная и социальная дистанция с татарами, башкирами и русскими; нежелание менять этническую принадлежность), во-вторых, негативная этническая идентичность (негативные чувства по поводу своей этничности; увеличение социальной дистанции с удмуртами; отсутствие чувства гордости за выдающиеся достижения своего народа) и негативная конфессиональная идентичность (отрицание наличия близости между народами на религиозной основе). Последнее может быть связано с тем, что большинство удмуртов, населяющих данный регион Башкирии, являются язычниками.

Результаты факторного анализа свидетельствуют о наличии определенных тенденций в сознании наших респондентов, принадлежащим к четырем этническим группам северо-запада Башкирии.

Первая тенденция — это этническая толерантность, выраженная главным образом в позитивных гетеростереоти-

пах, близкой социальной и культурной дистанции между этническими группами в сочетании с позитивной этнической идентичностью, нежеланием менять этническую принадлежность.

Вторая тенденция — это этническая интолерантность, выражающаяся в негативных гетеростереотипах, в дифференциации по этническому и религиозному признаку, а также в установках на внутриэтнические браки. Данная тенденция основывается, на наш взгляд, на негативных компонентах этнической идентичности, ее негативности и амбивалентности, которые проявились в той или иной степени во всех четырех этнических группах. Нужно также отметить, что при более детальном рассмотрении межэтнических установок отдельных этнических групп северо-запада Башкирии в целом общий фон оказался менее толерантным, чем при анализе результатов факторного анализа в целом по массиву.

3.3. ВЫВОДЫ

На основе различий в показателях этнической идентификации и установках на толерантность — интолерантность в межэтническом взаимодействии у представителей четырех обследованных нами этнических групп северо-запада Башкирии можно сделать следующие выводы.

1. Этническая идентичность не занимает ведущего места в структуре социальной идентичности у всех опрошенных нами респондентов. В современном мире при расширении диапазона групп, с которыми индивид может идентифицироваться (семейная, профессиональная, дружеская и т.п.), значимость этнической идентичности действительно снижается. Однако она может резко возрастать при наличии угрозы позитивному восприятию своей этнической общности и проблем в межэтнических отношениях. Вероятно, опрошенные нами представители этнических общностей воспринимают этнокультурную ситуацию в регионе как относительно благоприятную.

2. В случае возникновения угрозы позитивной этнической идентичности возможен выбор разных стратегий поведения с целью поддержания позитивной идентичности: снизить субъективную значимость своей этнической идентичности, ак-

центрировав внимание на микросоциальных группах (семья, рабочий коллектив) или иных макросоциальных общностях (государство, конфессия), ориентироваться на идентификацию с другой этнической общностью, обладающей более высоким социальным статусом (для удмуртов это русские, для башкир — татары), активизировать защитные механизмы внутригрупповой суггестии и внешнегрупповой контрсуггестии, что закономерно приведет к развитию этнической интолерантности. Причем любая из перечисленных стратегий может работать как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

3. Наличие значимых корреляционных связей между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью (позитивностью гетеростереотипов, позитивными чувствами, связанными с этничностью) у представителей всех четырех обследованных групп служит подтверждением социально-психологического закона о связи позитивной этнической идентичности и этнической толерантности (Лебедева, 1997).

4. Представителям разных этнических групп свойственна разная степень выраженности этнической самоидентификации. Так, русские, татары и удмурты продемонстрировали более выраженную, четкую и определенную этническую самоидентификацию по сравнению с башкирами.

5. Четкость этнической идентичности (определенность — неопределенность) связана с показателями этнической толерантности — интолерантности в межэтническом взаимодействии, а также с установкой на поддержание своей культуры.

6. Во всех обследуемых группах респонденты продемонстрировали две стратегии межэтнического взаимодействия: установки на дифференциацию по этническому признаку и установки на поддержание своей культуры. Установки на дифференциацию по этническому признаку коррелируют с негативными установками на межэтнические браки и двойственной этнической идентичностью (у башкир), со значимостью этнической принадлежности и чувствительностью к оскорблению по этническому признаку. Установки на поддержание собственной культуры связаны с негативными установками на межэтнические браки, амбивалентностью этнической идентичности (у башкир), значимостью этнической принадлежности и ростом религиозной идентичности, уста-

новками на этническую консолидацию и четкую этническую идентичность, чувствительностью к оскорблениям по национальному признаку, а у удмуртов — со значимостью этнической принадлежности.

7. Выявлены факторы, связанные с этнической толерантностью — интолерантностью. Установки на этническую толерантность позитивно коррелируют со значимостью этнической идентичности, установками на поддержание традиций, позитивными гетеростереотипами. Установки на этническую интолерантность связаны с негативными установками на межэтнические браки, с чувствительностью к оскорблениям по национальному признаку, амбивалентной этнической идентичностью и установками на дифференциацию по религиозному и этническому признаку.

8. Башкиры одновременно демонстрируют неопределенность этнической идентичности и сближение с татарами: язык, близкие социальная и культурная дистанции (по сравнению с русскими и удмуртами), этническая и религиозная консолидация. Это, на наш взгляд, свидетельствует о двойственной (башкиро-татарской) этнической идентичности башкир.

В целом можно говорить о благоприятном фоне этнического взаимодействия в исследуемом регионе. На это указывает ряд позитивных социально-психологических характеристик, которые свидетельствуют об общей толерантности представителей всех четырех обследуемых нами групп, населяющих северо-западную Башкирию. Основа такого толерантного межэтнического взаимодействия носит, безусловно, исторический характер, и на данном этапе можно констатировать, что, преодолев суровые испытания политическими и социально-экономическими изменениями и кризисами, происходившими в нашей стране в течение последних десятилетий, межэтническое взаимодействие не утратило своей толерантности.

Толерантная атмосфера в северо-западном регионе Башкирии еще раз подтверждает тезис о том, что основой этнической толерантности является социально-психологическая, или надэтническая, общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) принципу (Лебедева, 1997). Анализируя результаты нашего исследования,

мы выявили существование в регионе двух надэтнических общностей — татаро-башкирской и русско-удмуртской. В то же время полученные результаты (особенно факторный анализ) свидетельствуют о достаточно высоком уровне этнической интолерантности у представителей всех четырех этнических групп. Отметим, что природа этнической интолерантности в данном случае не означает враждебного отношения к соседствующим этносам, а, скорее, выражается в стремлении сохранить свою этнокультурную определенность, не допустить полной этнокультурной ассимиляции.

Что касается этнической идентичности башкир и татар, населяющих северо-запад Башкирии, то можно согласиться с мнением этнографов А. В. Черных и А. А. Плюхина, которые, изучая этническое самосознание тулвинских башкир и татар, отмечают его двойственность и многоуровневость. Эти исследователи предполагают, что развитие данной группы в перспективе (современная этнокультурная ситуация, по их мнению, будет сохраняться еще длительное время) может пойти по одному из трех вариантов. Первый вариант — консолидация, объединение на основе башкирского этнического самосознания с опорой на историческое прошлое и официальное башкирское самоопределение. Второй вариант — консолидация на основе татарского самосознания, главными факторами которой выступают язык и ориентация культурной и образовательной политики на Казань. Третий, наиболее интересный и приемлемый вариант, — сохранение и осознание себя отдельной этнокультурной общностью, отличной от других групп, — как татар, так и башкир. Однако приоритет этого направления требует проведения политики, направленной на сохранение самобытности группы во всех ее проявлениях: на уровне языка, материальной и духовной культуры.

В пользу последнего и самого верного, на наш взгляд, выхода из сложившейся ситуации, склоняется А. Р. Ганеева, которая пишет, что «тесное соседство, многовековые связи, этногенетическое и конфессиональное единство не могли не наложить отпечаток на культуру башкир и татар в данном регионе, создавая компоненты общности. Они очевидны в материальной и духовной культуре обоих народов» (Ганеева, 1992, с. 65). По ее мнению, это обстоятельство делает невоз-

возможным проведение четких этнокультурных границ между татарами и башкирами. Высокая частота межнациональных башкирско-татарских браков нередко вообще снимает вопрос об этнической принадлежности, который в глазах населения приобретает сугубо ретроспективно-историческое значение (там же).

Наше исследование, разумеется, не дает исчерпывающих и однозначных ответов на вопрос о том, при каких условиях существование представителей разных этнических групп в поликультурном регионе будет носить толерантный характер, однако определенные шаги на пути научного анализа этого вопроса сделаны. Многие полученные в ходе кросс-культурного исследования данные остались за рамками представленной работы, многое еще предстоит осмыслить и понять, однако ясно главное — без подлинно научного изучения проблем такого рода мы не можем надеяться на мирное и достойное существование нашей многонациональной страны и всех народов, ее населяющих.

ГЛАВА 4

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ — ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ¹

4.1. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ ИССЛЕДОВАНИЯ

События последнего десятилетия XX века, произошедшие в России, повлекли за собой качественные изменения в социальной структуре общества, динамике и характере развития системы общественных отношений. Стремительными темпами происходит социальная дифференциация, оформление новых социальных групп, слоев. Этот процесс отразился на психологической атмосфере общества, в том числе на психологии представителей различных этнических групп, проживающих в России. Причины межэтнической напряженности и конфликтов коренятся, с одной стороны, в нарушении традиций и обычаев народов, в стремлении к неоправданной унификации, а с другой — в политической конъюнктуре, в отношении к национальному вопросу как к предмету спекуляции в политической борьбе.

Указанные тенденции, характерные для России в целом, особенно актуальны для Северного Кавказа. Географическое, стратегическое и геополитическое положение этого региона, представляющего собой естественный мост между цивилизациями двух миров — Европы и Азии, бесконечные войны и вынужденные, насильственные миграции населения обусловили уникальную даже в условиях многонационального государства степень этнической мозаичности и этнокультурного многообразия.

Северный Кавказ — регион с естественной исторически сложившейся поликультурной средой обитания, и Карачаево-Черкесия является частью этого региона.

Культуры этносов Карачаево-Черкесии, как и других северокавказских народов, являются коллективистскими, тради-

---

¹ Исследование выполнено Ф. М. Малхозовой под руководством Н. М. Лебедевой.

ционалистскими, регламентированными. В 1990 г. Карачаево-Черкесия из автономной области Ставропольского края стала республикой Российской Федерации. Пик обострения ситуации в Карачаево-Черкесии пришелся на 1991 г. Несмотря на то, что к середине 1990-х гг. межэтническая напряженность в республике снизилась, ее мотивационная основа сохранилась в форме устойчивой аффективно-когнитивной структуры этнического самосознания: чувства ущемленности, возникшего у карачаевцев в результате репрессий; у ногайцев — на основе разделенности народа; у абазин — в связи с низким этносоциальным статусом. У последних ущемленность сочетается также со страхом этнокультурной ассимиляции.

Анализ основных особенностей межэтнического взаимодействия на Северном Кавказе в целом и в Карачаево-Черкесии в частности показывает, что в республике существуют основы для этнической толерантности в виде близости культурных традиций населяющих ее народов, развитости в них культурных механизмов регуляции конфликтов, межэтнической комплементарности. В то же время бурное этническое и религиозное возрождение, рост солидарности на этнической основе, этномобилизационные процессы могут способствовать росту этнической интолерантности, выражающейся в борьбе за статус, негативизме в адрес иноэтнических групп, этнических конфликтах и противостоянии.

Взаимный интерес, уважение, толерантность в отношениях между странами, народами и отдельными людьми становятся по истечении веков основой права и морали. И, действительно, толерантность приносит человечеству куда больше возможностей для развития, а личности — свободы и прав, чем национальный эгоизм, религиозная и этническая нетерпимость.

Толерантность как тип индивидуального и общественного отношения к социальным и культурным различиям, как терпимость к чужим мнениям, верованиям и формам поведения можно рассматривать в качестве одного из фундаментальных признаков цивилизованности, уровня политической культуры. Цель толерантности — объединение общества, достижение межнационального примирения политическими средствами, снятие негативных явлений и тенденций в сфере межнациональных отношений посредством восприятия «чу-

жих» культур, обычаев, своеобразия как достойных, ценностных явлений. В конечном итоге толерантность способствует сохранению и развитию этнического многообразия и вместе с тем политике компромисса, согласия, единства.

Тем не менее, несмотря на видимость общего признания в необходимости культивирования толерантности, в современном мире идут глубинные процессы, подрывающие международное сотрудничество, порождающие острые межэтнические и межцивилизационные конфликты. В чем причина усиления нетерпимости и есть ли путь преодоления или смягчения межцивилизационных противоречий? Не получив ответа на эти многогранные вопросы, трудно рассчитывать на выработку адекватного стратегического мышления, позволяющего определять ориентиры долгосрочной государственной политики.

В связи с этим особое значение приобретает познание психологических механизмов отражения этнокультурного взаимодействия в групповом сознании и роли социально-перцептивных образов как регуляторов внутригрупповой и внешнегрупповой активности этнических групп. Важно понимать социально-психологическую природу межгрупповых (межэтнических) процессов, происходящих в поликультурном обществе и способствующих или препятствующих толерантному межэтническому взаимодействию.

Цель исследования — выявление основных особенностей этнической толерантности в поликультурном регионе и факторов, влияющих на формирование толерантности — интолерантности в сфере социальной перцепции межгруппового взаимодействия.

Объект исследования — основные этнические группы Карачаево-Черкесии (абазины, карачаевцы, ногайцы, русские, черкесы).

Предмет исследования — социально-психологические особенности этнической толерантности в поликультурном регионе Карачаево-Черкесия.

Гипотезы исследования.

1. Основой этнической толерантности в поликультурном регионе Карачаево-Черкесия будет являться социально-психологическая общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку. Показателем

существования такой общности станет близость межэтнических установок и образов социальной перцепции у представителей разных этнических групп, основанная на их культурном сходстве.

2. Позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) будет способствовать формированию в поликультурном регионе этнической толерантности. Негативная этническая идентичность (негативные чувства, связанные с этничностью) и опыт этнической дискриминации будут способствовать формированию этнической интолерантности.

3. Выраженные установки на дифференциацию по этническому и религиозному признаку содействуют возникновению этнической интолерантности в поликультурном регионе. Отношение к группам с отличающейся культурой и религией является наиболее достоверным показателем уровня толерантности в поликультурном регионе.

Методы исследования. В процессе эмпирического исследования использовалась совокупность методов, в основном направленных на актуализацию социально-перцептивных образов межэтнического взаимодействия: метод этнических авто- и гетеростереотипов Д. Катца и К. Брели в модификации Н. М. Лебедевой (Katz, Braly, 1933), шкала социальной дистанции Е. Богардуса (Bogardus, 1959), преобразованная в шкалу социально-психологической близости, тест М. Куна, Т. Мак-Партланда «Кто Я?» (Kuhn, McPartland, 1954), вопросы из анкет этнопсихологических исследований Н. М. Лебедевой, Г. У. Солдатовой и др. Исследование проводилось в 1998–1999 гг.

Эмпирическую базу исследования составил опрос с помощью социально-психологической анкеты представителей пяти наиболее многочисленных этнических групп Карачаево-Черкесии: абазгов, карачаевцев, ногайцев, русских, черкесов (всего 447 человек). Опрос проводился в городе Черкесске и в селах Прикубанского, Усть-Джегутинского, Адыге-Хабльского районов.

4.2. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ — ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Первичный анализ результатов исследования с помощью методов описательной статистики выявил у представителей пяти наиболее крупных этнических групп Карачаево-Черкесии значительную культурную близость (по измерению «индивидуализм — коллективизм» и по ценностным ориентациям), которая может считаться естественной основой межэтнической толерантности в республике. Вместе с тем у русских жителей республики выявлена довольно выраженная культурная дистанция с «коренными» этносами Карачаево-Черкесии, проявляющаяся в наличии большего индивидуализма и модернизма, большей феминности и меньшей склонности к агрессивному поведению. Культурные различия и борьба за более высокий статус своей этнической группы могут, на наш взгляд, быть основой межэтнической интолерантности в Карачаево-Черкесии.

Преобладание позитивной этнической идентичности у представителей всех обследованных этнических групп республики является психологической основой этнической толерантности. Для представителей «коренных» этносов республики этническая принадлежность более значима, чем для русских; они чаще, чем русские, указывают на то, что этническая и религиозная принадлежность являются дифференцирующими факторами. Основой общереспубликанской идентичности для «коренных» этносов служит культурная близость (сходство обычаев и традиций), в то время как для русских такой основой выступает психологическая близость (сходство черт характера) и общность территории проживания. На основании вышеизложенного можно предположить, что русские в Карачаево-Черкесии являются проводниками межэтнической и межконфессиональной толерантности.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии внутренних связей между психологическими установками на *этническую толерантность — интолерантность* и другими переменными (*характеристиками этнической идентичности, коллективизмом — индивидуализмом, сходством или различием религии и др.*).

Согласно первой гипотезе исследования, основной этнической толерантности в поликультурном регионе Карачаево-Черкесия выступает социально-психологическая общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку. Показателем существования такой общности является сходство межэтнических установок и образов социальной перцепции, что иллюстрируется корреляциями показателей валентности этнических гетеростереотипов как всего массива респондентов, так и каждой этнической группы в отдельности (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Корреляция между валентностью гетеростереотипов у представителей разных этнических групп республики

Валентность гетеростереотипов	Валентность гетеростереотипов	Коэффициент корреляции
Черкесы	Русские	0,21***
	Карачаевцы	0,14**
	Абазины	0,33***
Русские	Ногайцы	0,20***
	Карачаевцы	0,24***

- * $p < 0,05$.
- ** $p < 0,01$.
- *** $p < 0,001$.

Данные табл. 4.1 говорят о том, что в поликультурном обществе существует социально-психологическая общность более высокого порядка, чем отдельная этническая группа. Наличие такой общности создает фундамент для этнической толерантности и групповой солидарности не по этническому, а по республиканскому признаку.

Согласно второй гипотезе, позитивная этническая идентичность способствует формированию этнической толерантности. Негативные элементы в структуре этнической идентичности (негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью) и опыт этнической дискриминации способствуют формированию этнической интолерантности (нетерпимости). Анализ матрицы корреляции подтвердил наличие значимых связей

между позитивной этнической идентичностью и толерантностью в авто- и гетеростереотипах (табл. 4.2).

Таблица 4.2

Корреляции между валентностью этнических автостереотипов и гетеростереотипов

Позитивные автостереотипы	Позитивные гетеростереотипы	Коэффициент корреляции
Карачаевцы	Черкесы	0,48***
	Абазины	0,32**
	Ногайцы	0,27*
	Русские	0,39***
Абазины	Черкесы	0,35**
	Русские	0,22*
Ногайцы	Абазины	0,26*
	Русские	0,30**

* $p < 0,05$.

** $p < 0,01$.

*** $p < 0,001$.

Нашла также подтверждение и обратная часть гипотезы — что негативные компоненты этнической идентичности и опыт этнической дискриминации способствуют формированию этнической интолерантности (табл. 4.3).

Согласно третьей гипотезе, значимость этнической и религиозной дифференциации может привести к формированию этнической интолерантности и наоборот. Результаты корреляционного анализа выявили переменные, связанные с этнической и религиозной дифференциацией (табл. 4.4).

Таким образом, религиозной интолерантности в поликультурном регионе способствуют негативное отношение к иноверцам, коллективизм и высокая значимость этнической принадлежности, а религиозной терпимости — позитивное отношение к иноверцам, индивидуализм и низкая значимость этнической принадлежности. Этнической дифференциации

Таблица 4.3

**Корреляции между эмоциональной компонентой
этнической идентичности
и этнической толерантностью — интолерантностью**

Компоненты этнической идентичности	Этническая толерантность	Коэффициент корреляции
Чувства, связанные с этничностью	«Национальность всегда будет разъединять людей».	-0,18***
Опыт этнической дискриминации	«Люди имеют право жить на любой территории».	-0,16**
	Негативная установка на межэтнические браки	-0,13**

* $p < 0,05$.** $p < 0,01$.*** $p < 0,001$.

Таблица 4.4

**Корреляции между установками на этническую
и религиозную дифференциацию и другими переменными**

Установки на дифференциацию	Другие переменные	Коэффициент корреляции
«Людам одной религии легче понять друг друга».	Гетеростереотипы русских	-0,12*
	Значимость этнической принадлежности	0,17***
	Коллективизм	0,20***
«Национальная принадлежность всегда будет разъединять людей».	Индивидуализм	0,29***
	Значимость этнической принадлежности	-0,24***
	Негативная установка на межэтнические браки	0,49***

* $p < 0,05$.** $p < 0,01$.*** $p < 0,001$.

способствуют индивидуализм и негативные установки на межэтнические браки.

В ходе корреляционного анализа выявились переменные, связанные с межгрупповой (межэтнической) толерантностью — интолерантностью (табл. 4.5).

Таблица 4.5

Корреляции между установками на этническую толерантность — интолерантностью и другими переменными

Установки на толерантность — интолерантность	Другие переменные	Коэффициент корреляции
«Люди имеют право жить на любой территории».	«Нужно стремиться поддерживать традиции и обычаи своего народа». Индивидуализм Опыт этнической дискриминации	0,15** 0,15** -0,16**
«Развивать и сохранять национальную культуру могут люди только этой национальности».	«Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга».	0,15**
«Коренные национальности должны иметь преимущество».	Значимость этнической принадлежности «Национальная принадлежность всегда будет разъединять людей».	-0,11* 0,21***
Установки на агрессию в ответ на агрессию	Гетеростереотипы русских Маскулинность	-0,18*** 0,35***

* $p < 0,05$.

** $p < 0,01$.

*** $p < 0,001$.

Как следует из данных табл. 4.5, этнической толерантности способствуют значимость этнической принадлежности; установки на поддержку и развитие традиций; позитивное от-

ношение к русским («некоренной» национальности); индивидуализм.

Этнической интолерантности, в свою очередь, способствуют установки на разделение по религиозному признаку; установки на разделение по этническому признаку; маскулинность.

Результаты факторного анализа по методу главных компонент путем вращения корреляционной матрицы по типу «varimax» показали наличие двух противоположных тенденций в сознании опрошенных нами респондентов всех пяти этнических групп Карачаево-Черкесии. Первая и самая мощная тенденция — это этническая толерантность, признание равенства народов республики вне зависимости от их национальной принадлежности на фоне позитивной этнической идентичности, осознания ее значимости и необходимости развивать и поддерживать обычаи и традиции каждого народа.

Вторая тенденция, менее выраженная, — это этническая интолерантность, так называемый национальный эгоизм, проявляющийся в убеждении, что «коренные» народы должны иметь преимущество в республике, что национальная принадлежность всегда будет разделять людей, что людям, исповедующим одну религию, легче понять друг друга. Данная тенденция основывается, на наш взгляд, на негативных компонентах этнической идентичности и опыте этнической дискриминации. Этническая интолерантность наиболее ярко проявляется в отношении групп с иной культурой и иной религией.

Факторный анализ ответов всего массива респондентов

При анализе психосемантического, или ментального, поля социально-психологических установок на межэтническое взаимодействие выделилось 9 основных факторов, описывающих 54,4 % общей дисперсии.

Первый фактор — вклад 2,43 (8,1 %) — получил название «Этничность не разделяет». В него вошли следующие переменные:

— современному человеку его национальность не должна быть безразлична;

- в своих поступках следует руководствоваться и национальными интересами;
- появление в семье человека другой национальности не осложнит взаимопонимание;
- народные обычаи и традиционный образ жизни устарели и не нужны современному человеку;
- приобщение моего народа к мировой цивилизации важнее возрождения национальных традиций.

Анализ переменных, вошедших в первый фактор, показал, что этническая принадлежность не воспринимается как очень значимая и разделяющая людей, и приобщение народа к мировой цивилизации считается важнее возрождения национальных традиций.

Второй фактор — вклад 2,18 (7,3 %) — получил название «Индивидуализм». В него вошли следующие переменные:

- коллективизм;
- значимость национальной принадлежности;
- индивидуализм;
- надо стремиться поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа;
- исповедующим одну и ту же религию легче понять друг друга;
- перед тем, как сделать что-то важное, я советуюсь с семьей и друзьями;
- обычно я жертвую своими интересами ради интересов своего коллектива;
- считаю, что интересы народа должны быть важнее проблем и интересов отдельной личности.

В данном факторе проявилась ориентация на преобладание индивидуалистических тенденций над коллективистскими, на примат личности над группой.

Третий фактор — вклад 1,93 (6,5 %) — получил название «Этническая интолерантность». В него вошли следующие переменные:

- негативные гетеростереотипы черкесов;
- негативные гетеростереотипы русских;
- негативные гетеростереотипы абазин;
- негативные гетеростереотипы карачаевцев;

- негативные гетеростереотипы ногайцев;
- индивидуализм;
- для современного человека его национальная принадлежность должна быть безразлична.

Анализ переменных, вошедших в третий фактор, указывает на наличие этнической интолерантности, выражающейся в негативных этнических гетеростереотипах карачаевцев, черкесов, абазин, русских и ногайцев и в социально-психологических установках на национальную обособленность и национальный эгоизм, а также на наличие индивидуалистических тенденций в этническом сознании.

Четвертый фактор — вклад 1,88 (6,3 %) — получил название «Этническая идентичность и толерантность». В него вошли следующие переменные:

- индивидуализм;
- коллективизм;
- важность национальной принадлежности;
- надо стремиться поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа;
- исповедующим одну и ту же религию легче понять друг друга;
- появление в семье человека другой национальности осложнит взаимопонимание;
- принадлежность к разным национальностям не разъединяет людей;
- представители «коренных» национальностей должны иметь определенные преимущества, так как они живут на своей территории;
- религиозность.

В этом факторе отражаются такие тенденции в сознании респондентов, как значимость этнической и религиозной идентичности, убежденность в том, что это не разъединяет людей, и ориентация на равенство вне зависимости от этничности и религии.

Пятый фактор — вклад 1,51 (5,0 %) — получил название «Национальная гордость и готовность к отпору». В него вошли следующие переменные:

- негативные чувства, связанные с этничностью (обида, ущемленность, униженность);

- позитивные гетеростереотипы черкесов;
- позитивные гетеростереотипы абазин;
- индивидуализм;
- интересы народа не должны быть важнее интересов отдельной личности;
- в жизни приходилось сталкиваться с негативным отношением к себе на национальной основе;
- склонность отвечать агрессией на агрессию.

Анализ переменных, вошедших в этот фактор, указывает на связь между национальной ущемленностью (негативные чувства, связанные с собственной этничностью, и переживания этнической дискриминации в прошлом) и склонностью к агрессии.

Шестой фактор — вклад 1,45 (4,9 %) — получил название «Коллективизм и толерантность». В него вошли следующие переменные:

- коллективизм;
- с другими народами объединяет общность территории;
- руководствуются скорее личными интересами, чем национальными;
- не отвечают агрессией на агрессию.

Переменные, вошедшие в данный фактор, говорят о том, что коллективизм в поликультурном регионе связан с установкой на толерантность, неагрессивность, на объединение не по этническому, а по территориальному признаку.

Седьмой фактор — вклад 1,33 (4,5) — получил название «Индивидуализм и чувство личного достоинства». В него вошли следующие переменные:

- с другими народами объединяет общность территории;
- позитивная этническая идентичность;
- важно получить признание заслуг за хорошо сделанную работу;
- индивидуализм;
- развивать и сохранять национальную культуру могут люди не только этой национальности;
- народные обычаи и традиционный образ жизни устарели и не нужны современному человеку;
- склонность отвечать агрессией на агрессию.

Восьмой фактор — вклад 1,26 (4,2 %) — получил назва-

ние «Национальная гордость». В него вошли следующие переменные:

- негативные гетеростереотипы карачаевцев;
- негативные гетеростереотипы ногайцев;
- значимость этнической принадлежности;
- люди имеют право жить на любой территории вне зависимости от своей национальной принадлежности;
- приобщение моего народа к мировой цивилизации важнее возрождения национальных традиций;
- склонность отвечать агрессией на агрессию.

Этот фактор свидетельствует о наличии тенденций избирательной интолерантности по отношению к определенным этническим группам, в основе которой лежат национальная гордость и сознание национальной исключительности.

Девятый фактор — вклад 0,19 (4,0 %) — получил название «Ущемленность и национальный эгоизм». В него вошли следующие переменные:

- принадлежность к своей нации вызывает негативные чувства (0,23);
- в поступках руководствуются национальными интересами (0,26);
- развивать и сохранять национальную культуру могут люди только этой национальности (0,40);
- представители «коренных» национальностей должны иметь определенные преимущества, так как они живут на своей территории.

Анализ переменных показывает, что негативные чувства, связанные с этничностью, порождают тенденции национального эгоизма.

Итак, факторный анализ ответов всего массива респондентов позволил выявить наличие двух разнонаправленных тенденций — этнической толерантности (общность по территориальному признаку, убежденность, что национальная и религиозная принадлежность не разделяют людей, позитивная этническая идентичность, неагрессивность) и этнической интолерантности, или национального эгоизма (негативные гетеростереотипы отдельных этнических групп, убежденность в том, что «коренные» народы должны иметь определенные пре-

имущества, опыт этнической дискриминации, негативная этническая идентичность, установки на агрессию). Важно отметить, что толерантность тесно связана с позитивной этнической идентичностью, а интолерантность — с негативными компонентами этнической идентичности и наличием в прошлом ущемленности по этническому признаку.

Рассмотрим более детально, что лежит в основе межэтнических установок у представителей отдельных этнических групп Карачаево-Черкесии.

Факторный анализ ответов респондентов-черкесов

В результате анализа ответов выделено 5 факторов, описывающих 42,9 % общей дисперсии.

Первый фактор — вклад 2,95 (11,4 %) — получил название «Значимость этничности». В него вошли следующие переменные:

- в своих поступках следует руководствоваться национальными интересами;
- исповедующим одну и ту же религию легче понять друг друга;
- современному человеку его национальная принадлежность не должна быть безразлична;
- появление в семье человека другой национальности осложнит взаимопонимание;
- приобщение моего народа к мировой цивилизации не важнее возрождения национальных традиций.

Второй фактор — вклад 2,39 (9,2 %) — получил название «Коллективизм и традиционность». В него вошли следующие переменные:

- коллективизм;
- надо поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа;
- исповедующим одну и ту же религию легче понять друг друга;
- жертвуют своими интересами ради коллектива;
- представители «коренных» национальностей не должны иметь какие-либо преимущества;

— приобщение моего народа к мировой цивилизации не важнее возрождения национальных традиций.

Третий фактор — вклад 2,20 (8,5 %) — получил название «Индивидуализм и этническая интолерантность». В него вошли следующие переменные:

- индивидуализм;
- негативные гетеростереотипы абазин;
- негативные гетеростереотипы ногайцев;
- современному человеку его национальная принадлежность не безразлична;
- национальная принадлежность не разъединяет людей;
- люди не имеют права жить на любой территории, независимо от своей национальной принадлежности;
- представители коренных национальностей не должны иметь какие-либо преимущества;
- склонность к сглаживанию конфликтов.

Четвертый фактор — вклад 2,92 (7,4 %) — получил название «Национальная исключительность». В него вошли следующие переменные:

- индивидуализм;
- коллективизм;
- негативные гетеростереотипы русских;
- позитивные гетеростереотипы абазин;
- исповедующим одну и ту же религию не легче понять друг друга;
- развивать и сохранять свою культуру могут люди только этой национальности;
- народные обычаи и традиционный образ жизни устарели и не нужны современному человеку.

Пятый фактор — вклад 1,66 (6,4 %) — получил название «Позитивная этническая идентичность и толерантность». В него вошли следующие переменные:

- позитивные автостереотипы черкесов;
- позитивные гетеростереотипы карачаевцев;
- перед тем, как сделать что-то важное, я советуюсь с семьей и друзьями;
- народные обычаи и традиционный образ жизни не устарели и нужны современному человеку;
- родители и дети не отдаляются друг от друга.

В ментальном поле представителей черкесской этнической группы представлены разнонаправленные тенденции: этническая толерантность (позитивные гетеростереотипы ногайцев, абазин и карачаевцев; мнение, что этническая и религиозная принадлежность не разделяют людей и что «коренные» народы не должны иметь преимуществ в республике, склонность к сглаживанию конфликтов и др.) и этническая интолерантность (негативные гетеростереотипы русских, мнение, что люди не могут жить на любой территории вне зависимости от национальной принадлежности, что развивать и сохранять культуру могут только люди этой национальности и др.).

Характерным для этой группы является также наличие прямо противоположных тенденций: значимости этнической идентичности и тенденции к возрождению традиций наряду с мнением, что современному человеку его национальность безразлична, а традиции устарели и не нужны современному человеку. На наш взгляд, подобная двойственность в отношении к своей этнической идентичности является причиной амбивалентных установок в сфере межэтнических отношений, т. е. сочетания этнической толерантности — этнической интолерантности. Особенно интолерантность заметна в отношении русских, что подтверждается данными корреляционного анализа: выявлена негативная корреляция между гетеростереотипами русских и мнением, что люди могут жить на любой территории вне зависимости от национальной принадлежности ($k = -0,18$), т. е. чем негативнее отношение к русским, тем сильнее убежденность в том, что им не место в республике.

Факторный анализ ответов респондентов-карачаевцев

В результате факторного анализа выделено 5 факторов, описывающих 42,8 % общей дисперсии.

Первый фактор — вклад 3,57 (11,9) — получил название «Интернационализм». В него вошли следующие переменные:

- среднее знание родного языка;
- среднее знание родного языка детьми;

- не уверены, что надо поддерживать обычаи и традиции своего народа;
- исповедующим одну и ту же религию не легче понять друг друга;
- современному человеку его национальность должна быть безразлична;
- интересы народа должны быть важнее интересов отдельной личности;
- народные обычаи устарели и не нужны современному человеку;
- представители коренных национальностей не должны иметь какие-либо преимущества.

Второй фактор – вклад 3,10 (10,3 %) – получил название «Позитивная этническая идентичность и толерантность». В него вошли следующие переменные:

- позитивные гетеростереотипы черкесов;
- позитивные гетеростереотипы русских;
- позитивные автостереотипы;
- позитивные гетеростереотипы абазин;
- позитивные гетеростереотипы ногайцев;
- в своих поступках следует руководствоваться скорее личными интересами, чем национальными;
- национальная принадлежность не разъединяет людей;
- представители коренных национальностей не должны иметь какие-либо преимущества.

Третий фактор – вклад 2,41 (8,0 %) – получил название «Этничность не разъединяет». В него вошли следующие переменные:

- коллективизм;
- этническая принадлежность вызывает чувство обиды и ущемленности;
- современному человеку его национальная принадлежность не безразлична;
- появление в семье человека другой национальности не осложнит взаимопонимание;
- национальная принадлежность не разъединяет людей;
- приобщение моего народа к мировой цивилизации важнее возрождения национальных традиций.

Четвертый фактор — вклад 1,96 (6,6 %) — получил название «Значимость этничности и толерантность». В него вошли следующие переменные:

- индивидуализм;
- современному человеку его национальная принадлежность не безразлична;
- появление в семье человека другой национальности не осложнит взаимопонимание;
- интересы народа важнее проблем отдельной личности;
- национальная принадлежность не разъединяет людей;
- народные обычаи и традиции не устарели и нужны современному человеку;
- склонность к сглаживанию конфликтов;
- нерелигиозность.

Пятый фактор — вклад 1,78 (6,0 %) — получил название «Национальный эгоизм и готовность к агрессии». В него вошли следующие переменные:

- индивидуализм;
- интересы народа должны быть важнее интересов отдельной личности;
- люди не имеют права жить на любой территории независимо от своей национальной принадлежности;
- в жизни не приходилось сталкиваться с негативным отношением к себе на национальной основе;
- склонность отвечать агрессией на агрессию;
- религиозность.

Таким образом, в сознании карачаевцев также присутствуют две разнонаправленные тенденции. Одна, более сильная, — это тенденция этнической толерантности (признание равенства людей независимо от национальности, позитивные авто- и гетеростереотипы, сочетание значимости этничности и важности традиций вместе с уверенностью, что национальность и религия не разъединяют). Данная тенденция действует на фоне слабовыраженной значимости этнической идентичности, среднего знания родного языка и наличия в этнической идентичности негативных компонентов (обида, ущемленности). Мы предполагаем, что эта тенденция в основном является следствием еще советского интернационализма и готовности давать социально желательные ответы, а отнюдь не этнической

толерантностью, которая зиждется на фундаменте ясной и осознанной позитивной этнической идентичности, хотя, как показывает второй фактор, такой вариант также присутствует в ментальном поле карачаевцев. Наряду с этим в пятом факторе проявилась абсолютно противоположная тенденция этнического эгоизма и интолерантности в сочетании с выраженной религиозностью и установками на агрессию. Судя по убеждению, что «коренные» национальности должны иметь преимущества, и религиозности, интолерантность прежде всего может быть направлена в сторону инокультурных и иноконфессиональных групп, т. е. русских.

Факторный анализ ответов респондентов-абазин

В результате анализа выделено 5 основных факторов, описывающих 45,1 % дисперсии.

Первый фактор — вклад 2,92 (11,7 %) — получил название «Отказ от этничности». В него вошли следующие переменные:

- негативные автостереотипы абазин;
- не надо поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа;
- следует руководствоваться личными интересами, а не национальными;
- национальная принадлежность разъединяет людей;
- исповедующим одну и ту же религию не легче понять друг друга;
- обычно я не жертвую своими интересами ради интересов коллектива;
- появление в семье человека другой национальности осложнит взаимопонимание;
- люди имеют право жить на любой территории независимо от своей национальной принадлежности;
- склонность к сглаживанию конфликтов.

Второй фактор — вклад 2,38 (9,6 %) — получил название «Личность превышает национальность». В него вошли следующие переменные:

- негативные гетеростереотипы черкесов;

- негативные гетеростереотипы ногайцев;
- не надо поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа;
- появление в семье человека другой национальности не осложнит взаимопонимание;
- национальная принадлежность не разъединяет людей;
- люди имеют право жить на любой территории независимо от своей национальной принадлежности;
- индивидуализм;
- склонность к сглаживанию конфликтов.

Третий фактор – вклад 2,20 (8,8 %) – получил название «Этническая обособленность и интолерантность». В него вошли следующие переменные:

- негативные гетеростереотипы русских;
- негативные гетеростереотипы ногайцев;
- исповедующим одну и ту же религию легче понять друг друга;
- появление в семье человека другой национальности осложнит взаимопонимание;
- развивать национальную культуру могут только люди этой национальности;
- приобщение моего народа к мировой цивилизации важнее возрождения национальных традиций.

Четвертый фактор – вклад 2,00 (8,0 %) – получил название «Этническая интолерантность и традиционализм». В него вошли следующие переменные:

- негативные гетеростереотипы черкесов;
- негативные гетеростереотипы русских;
- негативные гетеростереотипы ногайцев;
- современному человеку его национальная принадлежность не безразлична;
- народные обычаи и традиции не устарели и нужны современному человеку;
- нерелигиозность.

Пятый фактор – вклад 1,75 (7,0 %) – получил название «Значимость этничности». В него вошли следующие переменные:

- негативные гетеростереотипы карачаевцев;

- следует руководствоваться национальными интересами;
- современному человеку его национальная принадлежность не безразлична;
- люди не имеют права жить на любой территории, независимо от своей национальной принадлежности;
- родители и дети отдаляются друг от друга.

Факторный анализ ответов абазин показывает, что в сознании представителей этого народа проблема этничности занимает важное место и носит несколько болезненный оттенок. В первом факторе обнаруживается негативная этническая идентичность и отрицание значимости этнической идентичности. Эта тенденция является наиболее сильной и в других факторах, дополняясь явной этнической интолерантностью в адрес практически всех этнических групп республики. Нам кажется, что это вызвано происходящей в течение многих лет ассимиляцией абазин в силу их меньшей численности. В то же время указанная тенденция пересекается с другой — осознанием значимости этничности, обычаев и традиций в жизни человека и желанием развивать и сохранять свою культуру.

Факторный анализ ответов респондентов-ногайцев

При анализе ответов ногайцев выделено 5 основных факторов, описывающих 47,2 % дисперсии.

Первый фактор — вклад 3,02 (12,1 %) — получил название «Этничность важна, и она не разъединяет». В него вошли следующие переменные:

- современному человеку его национальная принадлежность не безразлична;
- появление в семье человека другой национальности не осложнит взаимопонимание;
- национальная принадлежность не разъединяет людей;
- народные обычаи и традиции не устарели и нужны современному человеку;
- представители коренных национальностей не должны иметь преимуществ;

— приобщение моего народа к мировой цивилизации не важнее возрождения национальных традиций.

Второй фактор — вклад 2,76 (11,1 %) — получил название «Близость культур». В него вошли следующие переменные:

- позитивные гетеростереотипы черкесов;
- позитивные гетеростереотипы абазин;
- надо поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа;
- исповедующим одну и ту же религию легче понять друг друга;
- появление в семье человека другой национальности не осложнит взаимопонимание;
- национальная принадлежность не разъединяет людей;
- развивать и сохранять культуру могут люди только этой национальности;
- религиозность.

Третий фактор — вклад 2,45 (9,8 %) — получил название «Коллективизм и миролюбивость». В него вошли следующие переменные:

- исповедующим одну и ту же религию легче понять друг друга;
- коллективизм;
- интересы народа важнее интересов отдельной личности;
- приходилось сталкиваться с негативным отношением к себе на национальной основе;
- склонность к сглаживанию конфликтов.

Четвертый фактор — вклад 1,90 (7,6 %) — получил название «Толерантность». В него вошли следующие переменные:

- позитивные гетеростереотипы русских;
- позитивные гетеростереотипы карачаевцев;
- люди имеют право жить на любой территории независимо от своей национальной принадлежности;
- представители коренных национальностей не должны иметь какие-либо преимущества;
- нерелигиозность.

Пятый фактор — вклад 1,65 (6,6 %) — получил назва-

ние «Модернизм и толерантность». В него вошли следующие переменные:

- не надо поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа;
- появление в семье человека другой национальности не осложнит взаимопонимание;
- маскулинность;
- приобщение моего народа к мировой цивилизации важнее возрождения национальных традиций;
- не приходилось сталкиваться с негативным отношением к себе на национальной основе;

В сознании ногайцев переплетаются три основные тенденции. Первая — признание важности этничности и того, что она не разъединяет людей, а также этническая толерантность. Эта тенденция связана с нерелигиозностью. Вторая тенденция — это стремление обособиться на основе близости культуры и общей религии. Третья — отказ от традиций и стремление к приобщению к мировой цивилизации на фоне индивидуализма и маскулинности.

Факторный анализ ответов русских респондентов

В результате анализа ответов выделено 5 основных факторов, описывающих 42,2 % общей дисперсии.

Первый фактор — вклад 3,93 (13,1 %) — получил название «Отрицание важности этничности». В него вошли следующие переменные:

- индивидуализм;
- национальная принадлежность не важна;
- национальная принадлежность вызывает положительные чувства;
- позитивные гетеростереотипы черкесов;
- национальная принадлежность разъединяет людей;
- не приходилось сталкиваться с негативным отношением к себе на национальной почве.

Второй фактор — вклад 2,59 (8,7 %) — получил название «Этничность разделяет людей». В него вошли следующие переменные:

- негативные гетеростереотипы черкесов;
- исповедующим одну и ту же религию легче понять друг друга;
- современному человеку его национальная принадлежность безразлична;
- коллективизм;
- появление в семье человека другой национальности осложнит взаимопонимание;
- интересы народа важнее интересов отдельной личности;
- национальная принадлежность разъединяет людей;
- люди имеют право жить на любой территории независимо от своей национальной принадлежности;
- развивать и сохранять культуру могут люди только этой национальности.

Третий фактор — вклад 2,31 (7,7 %) — получил название «Достоинство и толерантность». В него вошли следующие переменные:

- позитивные гетеростереотипы черкесов;
- позитивные гетеростереотипы карачаевцев;
- позитивные гетеростереотипы абазин;
- позитивные гетеростереотипы ногайцев;
- современному человеку его национальная принадлежность должна быть безразлична;
- люди имеют право жить на любой территории независимо от своей национальной принадлежности;
- приходилось сталкиваться с негативным отношением к себе на национальной основе;
- склонность отвечать агрессией на агрессию.

Четвертый фактор — вклад 2,07 (6,9 %) — получил название «Этничность и интолерантность». В него вошли следующие переменные:

- негативные гетеростереотипы абазин;
- негативные гетеростереотипы карачаевцев;
- надо поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа;
- исповедующим одну и ту же религию легче понять друг друга;
- появление в семье человека другой национальности не осложнит взаимопонимание;

- национальная принадлежность не разъединяет людей;
- коллективизм;
- развивать и сохранять культуру могут люди только этой национальности;
- приходилось сталкиваться с негативным отношением к себе на национальной основе.

Пятый фактор — вклад 1,73 (5,8 %) — получил название «Общность не на основе этничности». В него вошли следующие переменные:

- коллективизм;
- роднит с другими народами природа, географическое пространство;
- негативные гетеростереотипы черкесов;
- негативные гетеростереотипы абазин;
- исповедующим одну и ту же религию не легче понять друг друга;
- национальная принадлежность не разъединяет людей;
- развивать и сохранять культуру могут не только люди этой национальности;
- родители и дети отдаляются друг от друга.

В ментальном поле русских преобладают отрицание важности этничности, приписывание ей разъединяющей роли, этническая толерантность и общность не по этническому признаку. Наряду с этим присутствует и тенденция этнической интолерантности, основанная на опыте этнической дискриминации.

4.3. ВЫВОДЫ

Результаты эмпирического социально-психологического исследования этнической толерантности у представителей пяти наиболее многочисленных этнических групп Карачаево-Черкесии позволили сформулировать следующие выводы.

1. Основой этнической толерантности в Карачаево-Черкесии служит выявленная в исследовании социально-психологическая общность, образованная не по этническому, а по региональному признаку. Показателем существования такой общности является близость межэтнических установок и обра-

зов социальной перцепции межэтнического взаимодействия. У пяти наиболее крупных этнических групп Карачаево-Черкесии имеется значительная культурная близость (по измерению «индивидуализм — коллективизм» и по ценностным ориентациям), которая может являться естественной основой межэтнической толерантности в республике.

2. Позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) способствует формированию этнической толерантности в поликультурном регионе. Согласно данным нашего исследования, у представителей всех обследованных этнических групп преобладают позитивные компоненты этнической идентичности, имеющие значимую корреляционную связь с позитивной валентностью этнических гетеростереотипов всех этнических групп Карачаево-Черкесии. Негативная этническая идентичность (негативные чувства, связанные с этничностью) и опыт этнической дискриминации способствуют появлению этнической интолерантности, установок на национальный эгоизм и разделение по этническому и религиозному признаку.

3. Выявлены факторы, влияющие на этническую толерантность и на этническую интолерантность (нетерпимость). Установки на этническую толерантность позитивно коррелируют со значимостью этнической идентичности, установками на поддержание традиций, позитивным отношением к инокультурным группам (русским), индивидуализмом. Установки на этническую интолерантность связаны с разностью религий, с убеждением в незыблемости этнических границ, маскулинностью и установками на агрессию.

4. Обнаружены факторы, влияющие на проявление дифференциации (разделения) по религиозному признаку: значимость этнической принадлежности, коллективизм и негативное отношение к группам, исповедующим другую религию. Религиозной толерантности способствуют невыраженность этнической идентичности, индивидуализм и позитивное отношение к группам иноверцев.

5. Отмечен ряд культурных и социально-психологических различий между коренными народами республики и русским населением. Основой общереспубликанской идентичности для «коренных» этносов является культурная близость

(сходство обычаев и традиций), в то время как для русских такой основой выступает психологическая близость (сходство черт характера) и общность территории проживания. Для представителей «коренных» этносов республики этническая принадлежность более значима, чем для русских; они чаще, чем русские, указывали на то, что этническая и религиозная принадлежность являются дифференцирующими факторами. У русских жителей республики существует довольно выраженная культурная дистанция с «коренными» этносами Карачаево-Черкесии, проявляющаяся в наличии большего индивидуализма и модернизма, большей феминности и меньшей склонности к агрессивному поведению. Культурные различия и борьба за более высокий статус своей этнической группы в республике могут, на наш взгляд, быть основой межэтнической интолерантности в Карачаево-Черкесии.

6. Наличие групп с иной культурой и религией выступает, с одной стороны, провоцирующим, а с другой — стабилизирующим фактором, а отношение к инокультурным группам является показателем подлинной этнической и религиозной толерантности в поликультурном регионе.

7. Основываясь на данных исследования и на принципе этнической комплементарности (дополнительности), следует высказать предположение, что у русских в Карачаево-Черкесии особая роль: служить проводниками межэтнической и межконфессиональной толерантности, отстаивая принцип равенства и общности людей вне зависимости от их национальной принадлежности.

Подводя итог нашей работе, отметим, что социально-психологическое исследование проблем этнической толерантности — интолерантности в поликультурном регионе на примере Карачаево-Черкесии выявило чрезвычайную сложность и неоднозначность процессов этнического и религиозного возрождения, которые имеют сегодня место в России. Как показало проведенное нами исследование, в основе этнической толерантности лежит позитивная этническая идентичность, но в то же время выраженная значимость этнической идентичности может стимулировать дифференциацию по этническому и религиозному признаку и этническую интолерантность. Та-

ким образом, происходящая в настоящее время у народов России этническая и религиозная дифференциация может стать как основой этнической толерантности, так и привести к этнической и религиозной интолерантности (нетерпимости).

Результаты исследования социально-психологических факторов этнической толерантности — интолерантности в Карачаево-Черкесии позволяют дать ряд рекомендаций по политическому регулированию межэтнических отношений в поликультурных регионах России:

- для предотвращения борьбы за политическое и экономическое доминирование на этнической основе целесообразен переход от этнического принципа при выделении административно-территориальных единиц к региональному;

- для достижения этнической толерантности при поддержке национально-культурного возрождения необходимо стремиться к формированию позитивной этнической идентичности у представителей всех этнических групп и к предотвращению этнической дискриминации;

- для достижения в поликультурных регионах стабильности желательно учитывать принцип комплементарности традиционалистски ориентированных и модернизированных этносов, создавать равные условия для культурного развития всех этнических групп, предотвращая тем самым вынужденные миграции по этническому признаку.

Дальнейшие перспективы исследования психологических особенностей этнической толерантности в поликультурном регионе видятся в более глубоком постижении психологических механизмов регуляции межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия, в осознании роли политических способов воздействия на массовое сознание, в выработке психологических основ противодействия политическим манипуляциям в сфере межэтнических отношений.

ГЛАВА 5

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ — ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

5.1. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ ИССЛЕДОВАНИЯ

В этом обобщающем сравнительном исследовании мы пытались ответить на вопросы, стоявшие перед нами в самом начале работы над проектом.

Цель исследования — выявление основных особенностей этнической толерантности в поликультурных регионах России и факторов, влияющих на формирование толерантности — интолерантности в сфере социальной перцепции межгруппового взаимодействия.

Объектами исследования явились:

- представители групп русских, татар и чувашей г. Самары и Самарской области;
- представители башкирского, татарского, русского и удмуртского населения северо-запада Башкортостана;
- представители пяти основных этносов Карачаево-Черкесии (абазины, карачаевцы, ногайцы, русские, черкесы).

Предмет исследования — социально-психологические факторы этнической толерантности — интолерантности в поликультурных регионах России.

Гипотезы эмпирического исследования этнической толерантности — интолерантности

1. Основой этнической толерантности в поликультурных регионах России является социально-психологическая общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку. Показатель существования такой общности — близость культурных ценностей, межкультурных установок и образов социальной перцепции у представителей разных этнических групп. Такая общность должна быть характерна для поликультурных регионов с длитель-

ной историей совместного проживания (Поволжье, Башкортостан, Карачаево-Черкесия и др.).

2. Позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) будет способствовать формированию этнической толерантности в поликультурном регионе, а негативная этническая идентичность (негативные чувства, связанные с этничностью) и опыт этнической дискриминации — формированию этнической интолерантности.

3. Такие характеристики этнической идентичности, как четкость (определенность) и неопределенность (двойственность), будут влиять на степень этнической толерантности — интолерантности в межкультурном взаимодействии.

4. Статусные различия (различия в численности и социальном доминировании) окажут воздействие на этническую толерантность — интолерантность. Для представителей групп меньшинств этническая и религиозная принадлежность будет более значима и чаще будет выступать в качестве дифференцирующего фактора, чем для представителей доминирующей в численном или культурном отношении группы.

5. Опыт этнической дискриминации (реальной и воспринимаемой), а также уровень религиозности будут являться факторами, способствующими росту этнической интолерантности в поликультурных регионах у представителей групп с далекой культурной дистанцией, принадлежащих к разным конфессиям.

6. Поликультурные регионы России представляют собой социальные системы с разной степенью сбалансированности межгруппового взаимодействия. В регионах с длительной историей сосуществования разных этнических культур (стабильных, сбалансированных системах) процессы интеграции будут преобладать над процессами дифференциации. Процессы дифференциации и интеграции являются социально-психологическими механизмами поиска системой стабильности, необходимыми условиями которой выступают как сохранение культурного многообразия, так и достижение приемлемого для всех баланса межгруппового взаимодействия (т. е. межэтнического мира).

Методика исследования

Основной метод исследования — кросс-культурный анализ результатов исследований, выполненных в ходе проекта в трех регионах России.

В исследовании принимали участие 1000 респондентов, проживающих в следующих регионах России: Республике Башкортостан, Поволжье (город Самара и Самарская область), на Северном Кавказе (Карачаево-Черкесия). Этнический состав выборки по регионам представлен в табл. 5.1. Возраст респондентов варьировал от 22 до 63 лет. Образование — среднее, среднее специальное и высшее. Опрос проводился в Карачаево-Черкесии — в 1999–2000 гг., в Башкирии и Поволжье — в 2000–2002 гг.

Таблица 5.1

Этнический и количественный состав выборки

Регион	Этническая группа	Количество респондентов	Итого по региону
Республика Башкортостан	Башкиры	102	316
	Татары	76	
	Русские	84	
	Удмурты	54	
Поволжье (Самара и Самарская область)	Чуваши	35	237
	Русские	110	
	Татары	92	
Северный Кавказ (Карачаево-Черкесия)	Черкесы	90	447
	Карачаевцы	90	
	Абазины	87	
	Ногайцы	87	
	Русские	93	
	<i>Всего</i>		

5.2. РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В табл. 5.2 представлены результаты корреляционного анализа показателей валентности этнической идентичности (автостереотипов и чувств, связанных с этничностью) и этнической толерантности — интолерантности.

Из данных табл. 5.2 следует, что **позитивность** этнических автостереотипов и чувств, связанных с этничностью, положительно коррелирует с такими показателями, как:

- позитивные гетеростереотипы культурно близких народов (у татар Башкирии, карачаевцев, ногайцев, абазин);
- позитивные гетеростереотипы культурно далеких народов (у татар Башкирии, башкир, карачаевцев, черкесов, абазин, ногайцев);
- отрицание разделения по этническому признаку (русские Башкирии, башкиры,);
- общая этническая толерантность (башкиры).

При этом главным критерием подлинной этнической толерантности является отношение к культурно далеким народам, и именно позитивная этническая идентичность лежит в основе этнической толерантности по отношению к культурно далеким народам (у башкир — к русским и удмуртам Башкирии, у татар Башкирии — к удмуртам, у карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев — к русским Карачаево-Черкесии). Наличие таких групп, безусловно, является, с одной стороны, провоцирующим, а с другой — стабилизирующим фактором, а отношение к этим группам — показатель подлинной и требующей усилий толерантности.

Таким образом, можно констатировать, что этническая толерантность — интолерантность в межкультурном взаимодействии в поликультурных регионах России взаимосвязана с валентностью этнической идентичности контактирующих групп: чем позитивнее их этническая идентичность, тем более они склонны к толерантным установкам в межкультурном взаимодействии, к сближению с представителями инокультурных групп, к снижению значимости этнической принадлежности во взаимодействии.

Таблица 5.2

**Корреляции между валентностью этнической идентичности
и этнической толерантностью — интолерантностью**

Валентность этнической идентичности	Показатель этнической толерантности — интолерантности	Коэффициент корреляции	Этническая группа
Позитивная этническая идентичность (чувства, связанные с этничностью, ауто-стереотипы)	<i>Позитивный гетеростереотип культурно близких народов</i>		
	Башкиры	,3**	Татары Башкирии
	Абазины	,32**	Карачаевцы
	Ногайцы	,27*	Ногайцы
	Черкесы	,3**	Карачаевцы
		,5***	Карачаевцы
		,35**	Абазины
	<i>Позитивный гетеростереотип культурно далеких народов</i>		
	Удмурты	,35**	Татары Башкирии
	Русские Башкирии	,4***	Башкиры
	Удмурты	,26***	Башкиры
	Русские Карачаево-Черкесии	,4***	Карачаевцы
		,35**	Черкесы
		,22*	Абазины
		,30**	Ногайцы
Общая этническая толерантность	,23*	Башкиры	
Отрицание разделения по этническому признаку	,24**	Русские Башкирии	
Отрицание разделения по этническому признаку	,58***	Башкиры	

* $p < 0,05$.** $p < 0,01$.*** $p < 0,001$.

Далее нас интересовало, имеется ли взаимосвязь между степенью четкости — амбивалентности этнической идентичности и этнической толерантностью — интолерантностью в межкультурном взаимодействии. Данную гипотезу мы проверяли на результатах исследований в Республике Башкортостан.

Результаты корреляции показателей четкости этнической идентификации с показателями этнической толерантности — интолерантности представлены в табл. 5.3.

Таблица 5.3

Корреляции между четкостью — амбивалентностью этнической идентичности и этнической толерантностью — интолерантностью

Четкость — амбивалентность этнической идентичности	Показатель этнической толерантности — интолерантности	r	N	Этническая группа
Четкая этническая идентичность	Позитивный гетеростереотип удмуртов	,36*	—	Русские Башкирии
	Позитивный гетеростереотип удмуртов	,4**	—	Татары Башкирии
	Уменьшение социальной дистанции с башкирами	,22*	9,9*	Татары Башкирии
Амбивалентная этническая идентичность	Увеличение социальной дистанции с татарами	-,37**	11,9*	Башкиры
	Увеличение социальной дистанции с удмуртами	-,34*	9,8**	Башкиры
	Увеличение социальной дистанции с русскими	-,38**	—	Башкиры
	Установка на разделение по этническому признаку	,3***	—	Удмурты

* $p < 0,05$.

** $p < 0,01$.

*** $p < 0,001$.

Как мы видим, четкость этнической идентичности позитивно коррелирует с такими показателями этнической толерантности — интолерантности, как:

- позитивные гетеростереотипы культурно далеких групп (у русских и татар Башкирии);
- уменьшение социальной дистанции с культурно близкими группами (у татар Башкирии).

Амбивалентность этнической идентичности в свою очередь позитивно коррелирует со следующими показателями этнической интолерантности:

- увеличение социальной дистанции с культурно далекими народами (у башкир);
- увеличение социальной дистанции с культурно близкими народами (у башкир);
- установка на разделение по этническому признаку (удмурты).

Данные, представленные в табл. 5.3, свидетельствуют, что четкость (определенность) этнической идентичности позитивно связана с этнической толерантностью, а ее неопределенность (амбивалентность) — с этнической интолерантностью.

Таким образом, согласно данным нашего исследования, в поликультурных регионах России такие характеристики этнической идентичности, как ее позитивность и четкость, взаимосвязаны с показателями этнической толерантности, а негативность и амбивалентность — с показателями этнической интолерантности.

Затем посредством корреляционного анализа были выявлены факторы, влияющие на степень этнической интолерантности в межкультурном взаимодействии. Результаты анализа представлены в табл. 5.4.

Согласно полученным данным, уровень воспринимаемой дискриминации положительно коррелирует с показателем общей этнической интолерантности (у карачаевцев, черкесов, татар, башкир и русских Башкирии), а уровень религиозности связан с показателем общей этнической интолерантности (у карачаевцев, черкесов, абазин, ногайцев, башкир, татар и русских Башкирии).

Факторы, связанные с этнической интолерантностью и влияющие на нее, были прокоррелированы с другими вопро-

сами с целью выявления основных стратегий межэтнического взаимодействия, реализуемых этническими группами в процессе адаптации к условиям поликультурности (табл. 5.5, 5.6).

Таблица 5.4

Факторы, взаимосвязанные с интолерантностью и оказывающие на нее влияние

Фактор, связанный с интолерантностью (или влияющий на интолерантность)	Показатель этнической интолерантности	Коэффициент корреляции	Этническая группа
Чувствительность к оскорблениям по этническому признаку	Общая этническая интолерантность	0,3**	Карачаевцы
		0,35***	Черкесы
		0,37***	Татары Башкирии
		0,3**	Башкиры
		0,3***	Русские Башкирии
Уровень религиозности	Общая этническая интолерантность	0,27*	Карачаевцы
		0,22*	Черкесы
		0,23	Абазины
		0,21*	Ногайцы
		0,3**	Татары Башкирии
		0,32***	Русские Башкирии
		0,3*	Башкиры

* $p < 0,05$.

** $p < 0,01$.

*** $p < 0,001$.

Согласно данным табл. 5.5, уровень воспринимаемой дискриминации (чувствительность к оскорблениям по этническому признаку) способствует реализации перечисленных ниже стратегий межкультурного взаимодействия.

Таблица 5.5

**Выбор стратегий групповой адаптации
и межкультурного взаимодействия в зависимости
от уровня воспринимаемой дискриминации**

Фактор	Стратегия	Коэффициент корреляции	Этническая группа
Уровень воспринимаемой дискриминации	Увеличение социальной дистанции с русскими	0,33**	Карачаевцы
	Увеличение социальной дистанции с русскими	0,35**	Черкесы
	Увеличение социальной дистанции с татарами	0,32**	Русские Башкирии
	Увеличение социальной дистанции с башкирами	0,29*	Русские Башкирии
	Увеличение социальной дистанции с русскими	-0,3*	Башкиры
	Увеличение социальной дистанции с башкирами	-0,24*	Татары Башкирии
	Установка на поддержание своей культуры	0,24*	Башкиры
	Установка на поддержание своей культуры	0,46***	Удмурты
	Установка на поддержание своей культуры	0,3***	Русские Башкирии
	Дифференциация по этническому и религиозному признаку	0,3*	Удмурты
	Дифференциация по этническому и религиозному признаку	0,3***	Русские Башкирии
	Дифференциация по этническому и религиозному признаку	0,32**	Русские Карачаево-Черкесии

Окончание табл. 5.5

Фактор	Стратегия	Коэффициент корреляции	Этническая группа
Уровень восприимчивой дискриминации	Дифференциация по этническому и религиозному признаку	0,35**	Карачаевцы
	Дифференциация по этническому и религиозному признаку	0,34**	Черкесы
	Дифференциация по этническому и религиозному признаку	0,30**	Абазины
	Дифференциация по этническому и религиозному признаку	0,32**	Ногайцы

* $p < 0,05$.

** $p < 0,01$.

*** $p < 0,001$.

Таблица 5.6

Стратегии групповой адаптации и межкультурного взаимодействия в зависимости от уровня религиозности

Фактор	Стратегия	Коэффициент корреляции	Этническая группа
Уровень религиозности	Увеличение социальной дистанции с русскими	0,2*	Карачаевцы
	Увеличение социальной дистанции с русскими	0,3*	Черкесы
	Увеличение социальной дистанции с черкесами	0,26*	Русские Карачаево-Черкесии
	Увеличение социальной дистанции с карачаевцами	0,35**	
	Увеличение социальной дистанции с ногайцами	0,36*	Татары Башкирии
	Увеличение социальной дистанции с русскими	0,2*	
	Увеличение социальной дистанции с башкирами	0,35**	Русские Башкирии

Фактор	Стратегия	Коэффициент корреляции	Этническая группа
Уровень религиозности	Увеличение социальной дистанции с русскими	0,51**	Удмурты Башкирии
	Увеличение социальной дистанции с русскими	0,3*	Чуваши
	Установка на поддержание своей культуры	0,14**	Русские Башкирии
	Установка на поддержание своей культуры	0,3**	Башкиры
	Установка на поддержание своей культуры	0,44***	Татары Башкирии
	Установка на поддержание своей культуры	0,3**	Удмурты
	Установка на поддержание своей культуры	0,24**	Татары Поволжья
	Дифференциация по этническому и религиозному признаку	0,22*	Карачаевцы
	Дифференциация по этническому и религиозному признаку	0,3*	Черкесы
	Дифференциация по этническому и религиозному признаку	0,23*	Удмурты
Дифференциация по религиозному признаку	0,24**	Татары Поволжья	

* $p < 0,05$.** $p < 0,01$.*** $p < 0,001$.

1. Манипулирование социальной дистанцией:

— увеличение социальной дистанции с культурно далекими народами (у карачаевцев, черкесов, русских Башкирии, башкир);

– увеличение социальной дистанции с культурно близкими народами (татары Башкирии);

2. Установка на поддержание своей культуры (башкиры, удмурты, русские Башкирии).

3. Установка на разделение по этническому и конфессиональному признаку (удмурты, русские Башкирии, абазины, карачаевцы, черкесы, ногайцы, русские Карачаево-Черкесии).

Уровень религиозности также значимо связан с активизацией различных стратегий межкультурного взаимодействия (см. табл. 5.6).

1. Манипулирование социальной дистанцией:

– увеличение социальной дистанции с культурно далекими народами (карачаевцы, черкесы, русские Карачаево-Черкесии, татары и русские Башкирии);

– уменьшение социальной дистанции с культурно близкими народами (удмурты Башкирии, чувашаи).

2. Установка на поддержание своей культуры (у русских Башкирии, башкир, удмуртов, татар Башкирии, татар Поволжья).

3. Установка на разделение:

– по этническому и конфессиональному признаку (у карачаевцев, черкесов, удмуртов Башкирии);

– по религиозному признаку (татары Поволжья).

Таким образом, уровень воспринимаемой дискриминации и уровень религиозности напрямую связаны с тенденциями увеличения социальной дистанции с культурно далекими народами, уменьшения социальной дистанции с культурно близкими народами, активизацией установок на поддержание своей культуры и с установками на дифференциацию по культурному и конфессиональному признаку. Это свидетельствует о процессах этнической и конфессиональной консолидации в поликультурных регионах под влиянием накопленного опыта взаимных этнических обид и предубеждений, а также о религиозном возрождении, которое на данном этапе тоже больше способствует процессам дифференциации, чем интеграции.

Посмотрим, отражаются ли данные тенденции на результатах факторного анализа, и выясним, какие факторы являются определяющими для социально-перцептивных межэтни-

ческих оценок. Результаты факторного анализа сравнительно по регионам приведены в табл. 5.7–5.9.

В сознании опрошенных нами представителей всех пяти этнических групп, проживающих в Карачаево-Черкесии, наличествуют две противоположные тенденции (см. табл. 5.7).

Первая и самая мощная тенденция — это этническая толерантность, признание равенства народов республики вне зависимости от их национальной принадлежности на фоне позитивной этнической идентичности, осознания ее значимости и необходимости развивать и поддерживать обычаи и традиции каждого народа.

Вторая тенденция, менее выраженная, — это этническая интолерантность, так называемый национальный эгоизм, проявляющийся в следующих установках: «коренные народы должны иметь преимущество в республике»; «национальная принадлежность всегда будет разделять людей»; «людям, исповедующим одну религию, легче понять друг друга». Данная тенденция основывается, на наш взгляд, на негативных компонентах этнической идентичности и опыте этнической дискриминации. Этническая интолерантность ярче всего проявляется по отношению к инокультурным группам (группам с иной культурой и религией).

Важно отметить, что толерантность тесно связана с позитивной этнической идентичностью, а интолерантность — с негативными компонентами этнической идентичности и наличием в прошлом ущемленности по этническому признаку.

Показательно, что в сознании представителей этнических групп республики преобладает установка на защиту значимости этничности и уверенность в том, что последняя не разделяет людей, а в сознании русских ведущая тенденция — отрицание важности этничности, приписывание ей разъединяющей роли.

Факторный анализ всего массива данных по Республике Башкортостан показывает наличие тенденции разделения этнических групп на две общности по признаку сходства культур: башкиро-татарскую и русско-удмуртскую (см. табл. 5.8). Наряду с этим выделяются две разнонаправленные тенденции: более выраженной — этнической толерантности и четкости этнической идентичности и менее выраженной — этнической интолерантности и негативной этнической идентично-

Таблица 5.7

Факторы, выделенные при анализе ответов респондентов Карачаево-Черкесии

Весь массив	Черкесы	Карачаевцы	Абазинцы	Ногайцы	Русские
Этничность не разделяет	Значимость этничности	Интернационализм	Отказ от этничности	Этничность важна и не разделяет	Отрицание важности этничности
Индивидуализм	Коллективизм и традиционализм	Позитивная этническая идентичность и толерантность	Личность превышает национальности	Близость культур	Этничность разделяет людей
Этническая интолерантность	Индивидуализм и этническая интолерантность	Этничность не разделяет	Этническая обособленность и интолерантность	Коллективизм и миролюбие	Достоинство и толерантность
Этническая толерантность	Национальная исключительность	Значимость этничности и толерантность	Этническая интолерантность и традиционализм	Этническая толерантность	Этничность и интолерантность
Национальная гордость и готовность к отпору	Позитивная идентичность и толерантность	Национальный эгоизм и готовность к агрессии	Значимость этничности	Модернизация и толерантность	Общность не на основе этничности
Ущемленность и национальный эгоизм	—	—	—	—	—

Таблица 5.8

Факторы, выделенные при анализе ответов респондентов, проживающих в Республике Башкортостан

Весь массив	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Башкиро-татарская общность	Негативная этническая идентичность	Надэтническая (региональная) общность	Внутриэтническая консолидация	Надэтническая (региональная) общность
Позитивная идентичность и толерантность	Внутриэтническая консолидация	Позитивная идентичность и толерантность	Негативная этническая идентичность	Позитивная идентичность и толерантность
Значимость этничности	Этническая интолерантность	Позитивная этническая идентичность	Негативная идентичность и интолерантность	Негативная этническая идентичность
Русско-удмуртская общность	Этническая толерантность	Неопределенность идентичности и интолерантность	Бегство от этничности	Этническая и религиозная дифференциация
Четкость этнической идентичности	Двойственность этнической идентичности	Коллективизм	Значимость этнической и религиозной дифференциации	Четкость этнической идентичности и толерантность
Этническая интолерантность	«Синдром навязанной этничности»	Этническая интолерантность	Этническая интолерантность	Ущемленная этничность
Негативная этническая идентичность	Негативная этническая идентичность	Этнонационализм	Ущемленность по этническому признаку	Двойственность этнической идентичности

Таблица 5.9

Факторы, выделенные при анализе ответов респондентов, проживающих в Поволжье (Самаре и Самарской области)

Весь массив	Русские	Татары	Чуваши
Этноцилизм, установка на модернизацию	Бегство от этничности	Этническая толерантность	Этнокультурная ассимиляция
Распад традиций и интолерантность	Негативная этническая идентичность и интолерантность	Негативная этническая идентичность	Межэтническая интеграция
Установка на поддержание своей культуры	Позитивный образ татар	Негативный образ русских	Этническая интолерантность
Внутриэтническая консолидация	Интолерантность к чувашам	Негативная этническая идентичность и интолерантность	Негативная этническая идентичность и интолерантность
Отказ от религии	Негативная этническая идентичность	Позитивная этническая идентичность	—

сти. У татар и удмуртов важнейшей тенденцией межэтнического восприятия является признание существования надэтнической (региональной) общности, у башкир и русских — негативная этническая идентичность и потребность во внутриаэтнической консолидации. У башкир и удмуртов важным фактором, определяющим межэтническое восприятие, служит двойственность этнической идентичности. Так же, как и у представителей этнических групп Карачаево-Черкесии, позитивная этническая идентичность входит у них в один фактор с этнической толерантностью, а негативная этническая идентичность — с этнической интолерантностью.

Приоритетным у всего массива опрошенных русских, татар и чувашей Поволжья является фактор, описывающий тенденцию «этнического нигилизма», т. е. минимизацию респондентами феномена этничности наряду с выраженной установкой на модернизацию (см. табл. 5.9).

Исследование показало, что позиция меньшинства в большей мере способствует стремлению к внешнему проявлению толерантности, позиция доминирующего этноса характеризуется меньшим стремлением сблизиться с меньшинствами в силу этнокультурной самодостаточности, превалирования в межэтнической коммуникации родного языка и освоения его другими этническими группами данного региона, а также демографического фактора.

Особенность взаимодействия исследуемых народов выявилась при анализе содержания факторов, подтверждающих предположение о наличии в восприятии татар «защитных» компонентов, в частности — механизма социально-перцептивного «отдаления». Данный механизм реализуется в негативном образе русских в восприятии татар (отсутствующем в восприятии чувашей). В перцептивной сфере русских в свою очередь отмечается позитивный образ татар наряду с интолерантностью по отношению к чувашам.

Важнейшей отличительной особенностью русско-татарского взаимодействия является стремление татар к сохранению этнической самобытности в контакте с этническим большинством, сопровождающееся активизацией механизмов социально-психологической защиты от воздействия доминирующей культуры. У русских активизация механизма консолидации

по этническому признаку не нашла своего проявления ни в одном из факторов. У чувашей доминирует ярко выраженное стремление к этнокультурной ассимиляции и межэтнической интеграции.

Следует отметить, что этническая интолерантность во взаимном восприятии представителей всех трех групп стойко соседствует с негативной этнической идентичностью самих респондентов.

Любопытно сравнить межрегиональные отличия факторных структур: например, на Северном Кавказе, где русские не являются традиционно доминирующим этносом, заметно культурное влияние менталитета народов Северного Кавказа на установки русских в сфере межэтнического взаимодействия: появляются элементы «национального достоинства», а народы Карачаево-Черкесии, в свою очередь, демонстрируют установки на интернационализм и на примат личности над этничностью. У респондентов, проживающих в северо-западной части Республики Башкортостан, также отмечаются попытки культурной интеграции на более высоком, чем этническая принадлежность, уровне: культуры «группируются» в некие общности по признаку культурной и конфессиональной близости. В Самарской области картина несколько иная: здесь этничность играет еще меньшую роль, и мы встречаемся с этнокультурной ассимиляцией одной из групп, тенденциями этнонигилизма у этнического большинства (русских) и установками на защиту своей культурной и конфессиональной определенности у татар.

Важно то, что в сознании представителей всех обследованных нами этнических групп обнаруживаются тенденции межэтнической интеграции и дифференциации, которые находят свое выражение в установках на этническую толерантность и интолерантность. На наш взгляд, в этих процессах отражается внутренняя логика этнических и социально-психологических процессов: сохранение этнической и культурной индивидуальности, развитие культур посредством культурных взаимодействий, с одной стороны, и сохранение и развитие надэтнических межкультурных образований как основы стабильного и мирного сосуществования на одной территории — с другой.

5.3. ВЫВОДЫ

1. Результаты кросс-культурного и сравнительно-регионального исследования социально-психологических факторов этнической толерантности — интолерантности в трех поликультурных регионах России: в Республике Башкортостан, Поволжье (Самаре и Самарской обл.) на Северном Кавказе (Карачаево-Черкесия) свидетельствуют, что в каждом из этих регионов существует надэтническая социально-психологическая общность, показателями которой являются близость межэтнических установок и образов социальной перцепции межгруппового взаимодействия, сходство культурных ценностей и установок, обусловленные длительным совместным проживанием и неизбежными культурными взаимовлияниями. Эти внутрирегиональные сходства и межрегиональные отличия особенно видны при сравнении факторов, влияющих на межгрупповое восприятие.

2. Наше исследование показало, что такие характеристики этнической идентичности, как *валентность* (позитивность — негативность) и *четкость* (определенность — неопределенность) связаны с показателями этнической толерантности — интолерантности в межкультурном взаимодействии. При этом установлено, что позитивность этнической идентичности (этнических автостереотипов и чувств, относящихся к собственной этнической принадлежности) связана с этнической толерантностью, а негативность — с интолерантностью.

3. В Республике Башкортостан выявлена неоднозначная взаимосвязь между показателями четкости этнической идентичности и этнической толерантностью — интолерантностью. Обнаружено, что и определенность, и неопределенность этнической идентичности могут быть связаны как с этнической толерантностью, так и с этнической интолерантностью.

4. На проявление этнической толерантности и интолерантности влияет, по нашему мнению, не степень четкости этнической идентичности сама по себе, а ее сочетание с валентностью этнической идентичности. Так, сочетание позитивности и четкости этнической идентичности с большой долей вероятности способствует этнической толерантности в межкуль-

турном взаимодействии. Неопределенность этнической идентичности вкупе с ее позитивностью допускает наличие как этнической толерантности, так и этнической интолерантности. Последнее, по нашему предположению, обусловлено различной природой неопределенности этнической идентичности в исследуемых поликультурных регионах: в Республике Башкортостан она имеет естественную «неоформленность» в силу низкой значимости этнической категоризации и близости взаимодействующих культур. Сочетание позитивности и амбивалентности этнической идентичности предполагает реализацию тех стратегий межкультурного взаимодействия, которые нацелены на более четкое позиционирование себя в этнокультурном пространстве посредством манипуляции социальной дистанцией, активизацией установок на поддержание своей культуры и на разделение по этническому и конфессиональному признакам. Все эти стратегии выполняют роль культурных маркеров, способствующих росту четкости и определенности этнической идентичности.

5. На проявление этнической интолерантности в поликультурных регионах России оказывают влияние следующие факторы: уровень воспринимаемой дискриминации и уровень религиозности.

Чем выше уровень воспринимаемой дискриминации, тем выраженнее этническая интолерантность. Уровень воспринимаемой дискриминации может выступать отражением как объективного ущемления прав некоторых этнических групп, так и субъективного восприятия статуса своей этнической группы как более низкого по сравнению со статусом других групп, но в любом случае человек эту ситуацию переживает как объективную реальность.

Высокий уровень религиозности также может способствовать проявлению общей этнической интолерантности. Здесь следует иметь в виду, что рост религиозности порой выполняет функцию межгрупповой дифференциации, поиска более четкой культурной определенности, и это не следует понимать так, что религия и конфессиональная идентичность представляют угрозу этнической толерантности, поскольку в нормативной системе каждой религии наряду с догматами, отстаивающими право на «истинность» и четкое отделение от других

конфессий, есть догматы, призывающие к миру и терпимости, и настоящая вера несовместима с человеконенавистничеством.

6. Факторы, вызывающие этническую интолерантность, способствуют активизации различных стратегий в межкультурном взаимодействии:

- манипулированию социальной дистанцией с контактирующими группами;
- установке на поддержание своей культуры;
- разделению по этническому и /или религиозному признаку.

7. Наличие групп с разными культурами и религиями является, с одной стороны, провоцирующим, а с другой — стабилизирующим фактором, а отношение к инокультурным группам служит показателем подлинной этнической и религиозной толерантности в поликультурном регионе, требующей личностных усилий и преодоления значимости разделения по этническому и конфессиональному признакам.

8. Исследование показало, что для представителей групп меньшинств этническая и религиозная принадлежность более значимы и чаще выступают в качестве дифференцирующих факторов, чем для представителей доминирующей в численном или культурном отношении группы.

9. Специфика межэтнического взаимодействия в поликультурном регионе требует, на наш взгляд, перехода на более высокий уровень анализа — системный. Рассматривая поликультурный регион как социальную систему, элементом которой выступает каждая этническая группа, можно понять суть процессов интеграции и дифференциации этих групп как этапов развития системы. С этой точки зрения поликультурные регионы, где в течение длительного периода совместно сосуществуют различные этнические группы (Поволжье, Башкирия, Карачаево-Черкесия и др.), представляют собой достаточно сбалансированные системы, в которых интегративные процессы превалируют над процессами дифференциации и большей частью существуют так называемые надэтнические общности регионального типа, несущие в себе некий сплав культурных характеристик населяющих их этнических групп (знание языков, элементов традиционных культур, обычаев и норм поведения). Для таких регионов характерен высокий

уровень базовой этнической толерантности и отсутствие серьезных межэтнических конфликтов.

10. Таким образом, стратегии межкультурного взаимодействия, выявленные в нашем исследовании, нацелены на сохранение или обретение позитивной и четкой этнической идентичности как основы этнической толерантности (на индивидуальном и групповом уровнях), а также на сбалансирование системы межгруппового взаимодействия (на уровне социальной системы — поликультурного региона). Если брать глубже, то эти стратегии следует рассматривать в качестве социально-психологических механизмов сохранения этнических культур, что способствует обретению личностного смысла индивидами, и сохранения этнического многообразия, что способствует выживанию социальной системы, ибо основа последнего — мир и межкультурная терпимость.

ГЛАВА 6

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

«Поскольку человек творит ценности, тем самым он действительно признает их, и этим восстанавливается единство мотива и цели, действительного свершения и его содержательного смысла. Этим путем живое сознание становится культурным, а культурное воплощается в живом» (Бахтин, 1986, с. 108). В культурно-исторической психологии Л. С. Выготского провозглашается объективное существование первичных форм аффективно-смысловых образований человеческой сознания вне индивида в виде артефактов человеческой культуры. Они предворяют индивидуальные образования, то есть существуют до и вне развивающегося индивида и представляют собой идеальную форму (Выготский, 1996), которая станет реальной лишь при усвоении ее индивидом в процессе культурного социогенеза психики, поведения и сознания. Как отмечает В. П. Зинченко, аффективно-смысловые образования, объективированные в идеальной форме (культуре), не утрачивают своей субъективности, они имеют надиндивидуальное объект-субъектное существование (см.: Зинченко, 1996, с. 22). В свою очередь реальная, индивидуальная форма аффективно-смысловых образований не менее объективна, она не есть нечто внутреннее индивида, а находится в субъект-объектном пространстве между Я и Миром.

Культура — идеальная форма — открыта для человека с момента его рождения. В случае принятия субъект овладевает идеальной формой, присваивая ее себе. Вот только тогда она становится его собственной субъективной реальной формой. Идеальная форма имеет своих вполне реальных носителей, являющихся посредниками-медиаторами развития реальной формы, будь то знак, слово, символ, миф, жест, движение, ритуал и др. К ним можно отнести различные схемы поведения, традиции, социокультурные нормы и т. п., в которых, по мнению П. Н. Леонтьева, опредмечены существующие и явля-

ющиеся продуктом совместной деятельности человечества значения (см.: Асмолов, 2001, с. 299–300). По мнению А. Г. Асмолова, система этих значений составляет основу культурных образцов поведения и познания человека, определяющих его социотипическое поведение как члена социальной группы. К этим образцам можно отнести этнические стереотипы, этнический характер, этническое самосознание, выражающие функционально-ролевые качества личности в этносоциальном пространстве (см.: там же, с. 297–304). Они есть продукт определенных исторических условий и культурных влияний (см.: Кон, 1968, с. 227). В результате усвоения типичных для данной группы образцов поведения и познания человек обретает свою культуру (культуру поведения — потребности, аффекты, общение, действия, духовную культуру — культуру мысли, культуру слова) (см.: Шкуратов, 1997).

В связи с заявленной проблемой возникает вопрос о возможности существования в образцах типичного для социальной группы поведения и познания предпосылок толерантности. Цель данного исследования заключалась в выявлении онтологии толерантности — ее природных предпосылок — на материале финно-угорских народов Поволжья.

Большое влияние в прошлом на систему социальной организации, семейного и общественного быта и все другие формы жизнедеятельности финно-угорского народа оказали общинные формы землепользования, сложная система семейно-родовых и аграрных культов. Общинная (коллективная) жизнедеятельность способствовала возникновению зависимости человека от группы, где трудолюбие, скромность и открытость являлись теми качествами, которые обеспечивали оптимальность коллективного существования в больших общинах.

Кроме того, в каждой культуре *implicite* существует модель совершенного человека. Она создает своеобразный идеал, вбирающий в себя все необходимые и лучшие черты, которыми стремится обладать культурное общество; идеал, заключающий в себе цель, задачи воспитания и самовоспитания. Он строг, компактен, понятен и ребенку, и взрослому. Так, стержнем характера совершенного человека в удмуртской культуре являются трудолюбие, миролюбие, ум, доброта, глубокая любовь к малой родине, уважение к старшим, кротость,

тихость, скромность (Владыкин, Христолюбова, 1991). Культура, как отмечает М. Мид (1988), фактически создает тип личности с необходимыми для оптимального функционирования этноса чертами.

Задачей нашего эмпирического исследования (проведенного совместно с аспиранткой УдГУ Е. Н. Молчановой) явилось изучение этнотипических особенностей личности в удмуртской общности. Предполагалось, что их генез осуществляется в результате усвоения культурных образцов поведения. Неслучайно в качестве объекта наблюдения были выбраны женщины. Женщина-мать всегда стремится видеть в своих детях себя, тонко воплощая в них свое внутреннее содержание. В начале исследования был проведен контент-анализ образа удмуртской женщины XIX – XX вв. на материале этнографической литературы с использованием категорий, предложенных В. Н. Панферовым (2000). Результаты контент-анализа представлены в табл. 6.1. С учетом частоты встречаемости категорий (подкатегорий), объема их упоминаний был составлен этнопсихологический портрет женщины-удмуртки.

Как показало контент-аналитическое исследование, в прошлом ей приписывались такие качества, как трудолюбие, выносливость, работоспособность. Это еще раз подтверждает то, что основной ценностью традиционного удмуртского общества признается труд. Работница — главная социальная роль женщины. Она ткет и шьет, вышивает и прядет, ухаживает за домашними животными и работает в поле и огороде. Удмуртская женщина всю свою жизнь проводила в работе, у нее не было времени постигать грамоту. Но при этом, подбирая узоры на одежде или распевая лиричные песни, она проявляла смекалку и изобретательность. Отмечается, что удмуртка религиозна и суеверна, осторожна во всех своих делах и поступках. В отношениях с другими она немногословна и покорна, особенно со старшими по возрасту. Несмотря на то, что жизнь ее тяжела, удмуртская женщина вынослива и терпелива. Ее эмоциональная сдержанность выражается в скромности и тихости, нередко ей приписывается печальный образ.

Удмурты всегда жили большими семьями, что считалось нормой, а дети являлись главной ценностью семьи. В них женщина стремилась воспитать самые лучшие качества своего народа.

Таблица 6.1

**Результаты контент-анализа образа удмуртской
женщины XIX века**

Категории, подкатегории	Частота упоминания	Средний удельный вес встречаемости, %
<i>Общий стиль поведения</i>		
Соблюдающая религиозные традиции	62	10,89
Покорная	27	0,89
Терпеливая	9	0,79
Осторожная	8	1,45
Конформная	5	0,57
<i>Общий стиль деятельности</i>		
Трудолюбивая	54	3,8
Выносливая	4	0,7
Работоспособная	5	0,6
<i>Отношение к людям</i>		
Уважающая старших	16	2,67
Верная	4	1,84
Осторожная	8	1,45
Необщительная	5	0,82
<i>Особенности эмоциональных свойств</i>		
Печальная	4	0,71
Скромная	4	0,52

Образ современной женщины-удмуртки изучался с помощью метода открытых вопросов. В исследовании участвовали 70 женщин удмуртской и 70 — русской национальности в возрасте от 30 до 60 лет с высшим и среднеспециальным образованием. В ходе опроса учитывалось, что степень истинности приписываемых характеристик зависит от параметров реальных этнических взаимоотношений: культурной дистанции, продолжительности отношений, степени их благоприят-

ности и т. д. Чем более далекой воспринимается соседняя этническая культура, тем сильнее проявляется тенденция к негативному ее восприятию и оцениванию (см.: Лебедева, 1998, с. 258). Продолжительные и тесные контакты между этническими группами вероятнее всего будут служить критерием объективности характеристик стереотипизированных образов (Campbell, 1967). Реальный характер взаимоотношений (сотрудничество или соперничество, доминирование или подчинение и т. п.) определяют конкретные параметры стереотипов, степень их благоприятности и, в конечном счете, меру их объективности (см.: Стефаненко, 1999, с. 246). «Норма» (оптимальность и гармоничность) взаимоотношений является критерием адекватности приписывания характеристик друг другу. К тому же согласованность авто- и гетеростереотипов активно взаимодействующих между собой народов дает полное основание полагать, что в стереотипах отражаются реальные черты стереотипизируемых групп (см.: Allport, 1954, p. 318).

При построении модели исследования были учтены рассмотренные детерминанты, снижающие степень искажения объективных характеристик в стереотипизированном образе этнических субъектов. С учетом того, что в социальной психологии стереотипизация рассматривается как процесс, сопровождающийся межгрупповой перцепцией, принимались во внимание особенности ее механизмов (идентификация, рефлексия), эффекты, возникающие в ходе ее функционирования, перцептивные способности субъектов восприятия (см.: Андреева, 1996, с. 129–133). Уточнялись также переменные, с помощью которых субъект восприятия описывает самого себя, других, отношение между субъектом и объектом восприятия, культурный, социальный и ситуационный контекст процесса межгрупповой перцепции. Как известно, стереотип как модель поведения не всегда совпадает с реальным поведением этнических субъектов, поэтому принималось во внимание, что в изучаемой социокультурной общности выработаны определенные нормы подчинения запретительным и регулирующим стандартам. Как правило, стереотип и реальное поведение представителей социокультурной общности имеют тенденцию к совпадению. Соотнося между собой рассматриваемые фак-

торы, можно, по крайней мере, приблизиться к точности межгрупповой перцепции.

Полученные результаты обрабатывались с помощью контент-анализа с использованием тех же категорий (табл. 6.2).

Таблица 6.2

Этнические стереотипы удмуртской женщины

Автостереотип женщины-удмуртки	Гетеростереотип женщины-удмуртки	Общие черты
<i>Общий стиль поведения</i>		
Скромная (42) Добрая (27) Застенчивая (20) Замкнутая (18) Верная (9) Скрытная (8)	Добрая (25) Скромная (19) Замкнутая (17) Скрытная (10) Застенчивая (5) —	Скромная Добрая Застенчивая Замкнутая Скрытная —
<i>Общий стиль деятельности</i>		
Трудолюбивая (47) Исполнительная (22) Хозяйственная (13) Аккуратная (9) Чистоплотная (7) Целеустремленная (5)	Трудолюбивая (35) Хозяйственная (19) Исполнительная (8) — — —	Трудолюбивая Исполнительная Хозяйственная — — —
<i>Отношение к окружающим</i>		
Терпеливая (19) Гостеприимная (18) Доброжелательная (12) Тактичная (7) Уступчивая (6) Молчаливая (6) Обидчивая (6)	Гостеприимная (13) Коммуникабельная (11) Обидчивая (5) Терпеливая (4) — — —	Терпеливая Гостеприимная Обидчивая — — — —
<i>Отношение к себе</i>		
Неуверенная (11)	—	—
<i>Особенности эмоциональных свойств</i>		
Сдержанная (16) Веселая (9)	Веселая (12) Сдержанная (5)	Сдержанная Веселая

Примечание. В скобках указано число респондентов, отметивших наличие у женщины-удмуртки данного качества.

Как следует из табл. 6.2, в стереотипизированном образе женщины-удмуртки, включающем в себя автостереотип (*Мы*) и гетеростереотип (*Они*), общий стиль поведения представлен такими характеристиками, как скромная, добрая, застенчивая, замкнутая, скрытная; общий стиль деятельности отличаются трудолюбие, исполнительность, хозяйственность; в отношениях с окружающими удмуртка проявляет терпеливость, гостеприимность, обидчивость; преобладающие эмоциональные качества — сдержанность и веселость. Согласованность авто- и гетеростереотипов позволяет полагать, что эти черты могут рассматриваться как объективные характеристики, реально отличающие этносоциальную группу (см.: Allport, 1954, р. 318).

При сопоставлении данных контент-анализа этнографической литературы и открытых вопросов явно обнаруживается их согласованность.

В дальнейшем в исследовании применялась методика «Психосемантический анализ стереотипов этнического характера» (Пибоди и др., 1993). Данная методика использовалась авторами для изучения межэтнического восприятия по единой системе, представляющей собой специальный набор чаще всего употребляющихся в естественном языке определений 32 личностных черт. Каждое свойство личности описывается в двух шкалах, которые компенсируют друг друга благодаря противоположному сцеплению оценочного и описательного компонентов значения. Например, предпочитаемый полюс на шкале «веселый — угрюмый» лежит слева, а в компенсирующей ее шкале «легкомысленный — серьезный» — справа. Обе шкалы апеллируют к одному свойству личности, но в одном случае один полюс этого качества предстает «социально желательным», адекватным («веселый»), а в другом — противоположным («серьезный»). Такое использование четырехполюсной модели личностной черты позволяет в одних случаях «очистить» результаты субъективных суждений от артефакта социальной желательности, а в других — от дескриптивного фактора (характерологического представления) путем измерения лишь эмотивного, оценочного компонента. Каждая биполярная характеристика оценивалась по семибалльной шкале от -3 до 3.

В качестве стимульных объектов были предложены: *русская женщина в прошлом*; *русская женщина в настоящем*; *удмуртская женщина в прошлом*; *удмуртская женщина в настоящем*; *Я сама*. При анализе будут рассматриваться только те черты, балльная оценка которых отклонялась от среднего (0) значения более чем на 1,0. Результаты исследования приведены в табл. 6.3, 6.4.

Анализ данных, представленных в табл. 6.3, показывает, что представительницы удмуртского народа оценивают женщину-удмуртку в прошлом скорее как откровенную (-1,19), чем бестактную (-0,66), скорее придирчивую (-1,16), чем избирательную (-0,28), скорее мягкую (-1,03), чем мягкотелую (-0,31), скорее приятную (-1,40), чем глупую (-0,71). Удмуртка в настоящем явно выраженных черт не имеет. При этом стимульному объекту *Я сама* были приписаны откровенность (-1,09) и приятность (-1,20).

Русские женщины оценивают удмуртку в прошлом скорее как застенчивую (1,65), чем неуверенную (-0,02), скорее как избирательную (-1,12), чем прощающую (0,08), скорее как осторожную (-1,12), чем робкую (-0,22), скорее сотрудничающую (-1,17), чем независимую (0,20). Удмуртка в настоящем также не получала высоких оценок.

При сопоставлении высоких оценок в обеих таблицах (6.3 и 6.4) общей семантической зоны не обнаружено, хотя такие характеристики, как откровенность, застенчивость, избирательность, осторожность, мягкость, сотрудничество, приятность, по отдельности включенные в авто- и гетеростереотипы, имеют одинаковую валентность.

Усредненные матрицы оценок были обработаны с помощью факторного анализа с целью размещения объектов оценивания в семантическом пространстве личностных качеств. Выделенные структуры, лежащие в основе матрицы данных, интерпретируются как категориальные структуры сознания испытуемого. Являясь структурами осознания мира, «несущими конструкциями», каркасом картины мира субъекта, они могут не осознаваться как таковые, т. е. быть недоступными самонаблюдению и интроспекции. Факторный анализ позволяет выделить пучки взаимосвязанных признаков, конструкторов и таким образом уменьшить исходный базис признаков

Средние значения оценок стимульных объектов удмуртскими женщинами

Шкала	Русская женщина в прошлом	Русская женщина в настоящем	Удмуртская женщина в прошлом	Удмуртская женщина в настоящем	Я сама
+ критичный – легковерный –	-0,72	0,41	-0,75	-0,25	0,00
- недоверчивый – доверчивый +	0,00	0,03	0,59	0,38	0,69
- агрессивный – миролюбивый +	0,31	0,72	0,41	0,34	0,13
+ боевитый – пассивный –	-0,56	0,00	-0,34	0,22	-0,34
+ веселый – угрюмый –	0,19	0,31	-0,44	0,56	-0,16
- легкомысленный – серьезный +	-0,09	0,16	-0,41	0,22	0,03
- бестактный – тактичный +	-0,06	0,03	-0,66	0,13	-0,12
+ открытый – лицемерный –	-0,72	-0,44	-1,19	-0,91	-1,09
+ гибкий – негибкий –	-0,75	-0,47	-0,91	-0,62	-0,53
- переменчивый – упорный +	0,25	1,09	-0,25	0,69	0,75
- возбужденный – спокойный +	0,44	0,81	0,19	0,63	0,25
+ активный – инертный –	-0,16	0,69	-0,53	0,56	0,19
+ скромный – претенциозный –	-0,19	-0,31	-0,16	0,25	0,00
- скупой – щедрый +	0,25	0,16	-0,09	0,19	-0,09
- самоуверенный – застенчивый +	0,16	0,13	0,13	0,31	0,25
+ уверенный – неуверенный –	0,34	0,06	0,22	0,34	0,00
+ принципиальный – приспособленный –	0,44	0,91	-0,22	0,34	0,00

Окончание табл. 6.3

Шкала	Русская женщина в прошлом	Русская женщина в настоящем	Удмуртская женщина в прошлом	Удмуртская женщина в настоящем	Я сама
- непрактичный – практичный +	0,28	0,53	0,19	0,59	0,13
- придиричивый – прощающий +	-0,75	0,03	-1,16	-0,34	-0,22
+ избирательный – неразборчивый –	-0,06	0,06	-0,28	0,06	-0,06
+ осторожный – бесшабашный –	-0,06	0,06	-0,28	0,06	-0,06
- робкий – смелый +	0,19	0,13	-0,44	0,00	-0,31
- мягкотелый – твердый +	0,00	0,09	-0,31	0,28	0,34
+ мягкий – жесткий –	-0,56	-0,19	-1,03	-0,06	0,28
+ сотрудничающий – несотрудничающий –	0,00	0,06	-0,16	0,00	-0,34
- зависимый – независимый +	-0,31	-0,19	-0,62	0,03	-0,44
- заторможенный – раскрепощенный +	0,00	1,03	-0,59	0,16	0,63
+ организованный – импульсивный –	-0,03	0,59	-0,37	0,16	0,19
+ восторженный – озабоченный –	-0,03	0,59	-0,37	0,16	0,19
- ленивый – трудолюбивый +	-0,06	-0,16	0,16	0,31	-0,03
- глупый – умный +	-0,30	0,01	-0,71	-0,38	0,06
+ приятный – неприятный –	-1,60	0,40	-1,40	-0,60	-1,20
Количество сильно выраженных адаптивных черт в сравнении с другими группами	1,00	2,00	3,00	0,00	2,00
Количество сильно выраженных дезадаптивных черт в сравнении с другими группами	0,00	0,00	1,00	0,00	0,00

Таблица 6.4

Средние значения оценок стимульных объектов русскими женщинами

Шкала	Русская женщина в прошлом	Русская женщина в настоящем	Удмуртская женщина в прошлом	Удмуртская женщина в настоящем	Я сама
+ критичный – легковерный –	-0,60	0,38	-0,75	-0,12	0,21
- недоверчивый – доверчивый +	0,10	-0,03	0,08	0,10	-0,07
- агрессивный – миролюбивый +	-0,27	0,43	-0,30	0,35	0,15
+ боевитый – пассивный –	-0,55	0,03	-0,10	-0,22	-0,83
+ веселый – угрюмый –	-0,35	-0,10	-0,27	0,10	-0,72
- легкомысленный – серьезный +	-0,57	0,05	-0,57	-0,30	-0,37
- бестактный – тактичный +	-0,55	-0,20	-0,92	-0,42	-0,40
+ откровенный – лицемерный –	-0,85	-0,02	-0,97	-0,52	-0,87
+ гибкий – негибкий –	-0,45	0,18	-0,65	-0,47	-0,55
- переменчивый – упорный +	-0,02	0,73	-0,18	0,38	0,55
- возбужденный – спокойный +	-0,15	0,25	-0,12	0,08	0,20
+ активный – инертный –	-0,27	0,40	-0,35	0,35	0,05
+ скромный – претенциозный –	0,10	-0,22	0,25	-0,05	-0,50
- скупой – щедрый +	-0,20	-0,07	0,08	0,18	-0,37
- самоуверенный – застенчивый +	0,03	0,13	1,65	0,20	-0,10
+ уверенный – неуверенный –	-0,52	-0,10	-0,02	0,08	-0,20
+ принципиальный – приспособленный –	-0,60	0,65	0,03	0,55	0,68

Окончание табл. 6.4

Шкала	Русская женщина в прошлом	Русская женщина в настоящем	Удмуртская женщина в прошлом	Удмуртская женщина в настоящем	Я сама
- непрактичный – практичный +	0,35	0,63	0,13	0,23	0,05
- придиричивый – прощающий +	0,35	0,58	0,08	0,43	0,73
+ избирательный – неразборчивый –	-1,35	0,08	-1,12	-0,22	-0,70
+ осторожный – бесшабашный –	-1,35	0,08	-1,12	-0,22	-0,70
- робкий – смелый +	0,33	-0,07	-0,22	0,00	-0,25
- мякотелый – твердый +	-0,20	-0,02	-0,40	-0,17	-0,25
+ мягкий – жесткий –	-0,30	-0,42	-0,42	-0,62	-0,47
+ сотрудничающий – несотрудничающий –	-1,17	-0,45	-1,17	-0,65	-0,60
- зависимый – независимый +	-0,07	-0,25	0,20	0,33	0,08
- заторможенный – раскрепощенный +	-1,02	-0,17	-0,72	-0,32	-0,77
+ организованный – импульсивный –	-0,50	0,93	-0,55	0,48	0,63
+ восторженный – озабоченный –	-0,15	0,65	-0,17	0,38	0,45
- ленивый – трудолюбивый +	0,23	0,20	0,25	0,60	0,03
- глупый – умный +	-0,35	-0,05	-0,55	-0,10	-0,45
+ приятный – неприятный –	-0,07	-0,17	-0,39	-0,16	-0,33
Количество сильно выраженных адаптивных черт в сравнении с другими группами	3,00	0,00	4,00	0,00	0,00
Количество сильно выраженных дезадаптивных черт в сравнении с другими группами	1,00	0,00	0,00	0,00	0,00

описания, сводя их к неким категориям-факторам, которые выступают координатными осями семантического пространства (см.: Петренко, 1997).

В результате факторного анализа были выделены четыре значимых фактора. Первый фактор – униполярный (доля объяснимой дисперсии 41,52 %) – представлен следующими шкалами:

легкомысленный – серьезный	0,961
переменчивый – упорный	0,916
бестактный – тактичный	0,909
активный – инертный	0,899
избирательный – неразборчивый	0,873
возбужденный – спокойный	0,853
заторможенный – раскрепощенный	0,846
агрессивный – миролюбивый	0,798
принципиальный – приспособленный	0,795
мягкотелый – твердый	0,791
организованный – импульсивный	0,775
сотрудничающий – несотрудничающий	0,748
осторожный – бесшабашный	0,739
критичный – легковерный	0,729
глупый – умный	0,724
веселый – угрюмый	0,694
восторженный – озабоченный	0,663
непрактичный – практичный	0,655
откровенный – лицемерный	0,564

Максимальные отрицательные баллы на этом полюсе получили следующие стимульные объекты: *удмуртка в прошлом* (авто- и гетеростереотип) и *русская в прошлом* (автостереотип). Наивысшие положительные баллы получили такие объекты оценивания: *русская в настоящем* (авто- и гетеростереотип) и *удмуртка в настоящем* (автостереотип). Анализ шкал, образовавших полюса первого фактора, и стимульных объектов, получивших полярные оценки, позволяет интерпретировать этот явно оценочный фактор как «легкомысленная – серьезная» (рис. 6.1).

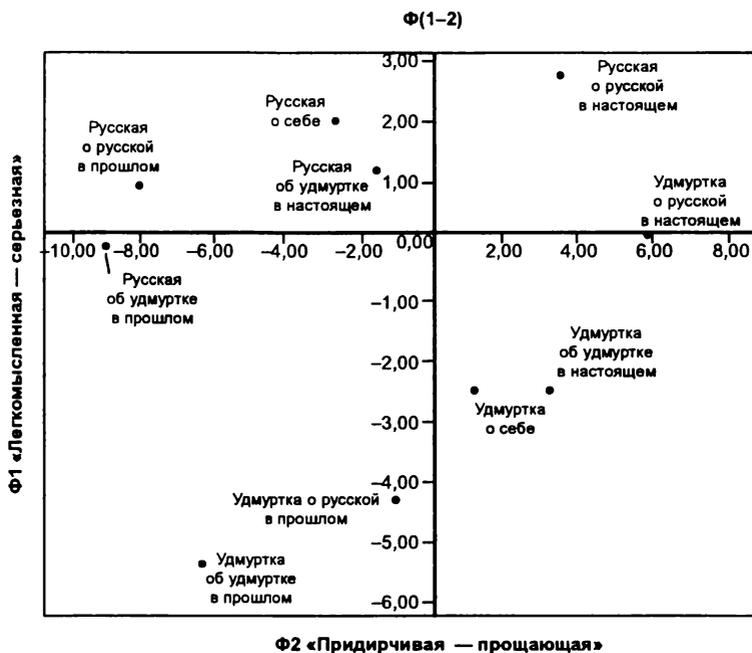

Рис. 6.1. Размещение этнических объектов в семантическом пространстве (Ф1, Ф2) личностных качеств

Второй фактор (вклад в общую дисперсию 20,58 %) включил следующие шкалы:

придирчивый — прощающий	0,976
приятный — неприятный	0,803
зависимый — независимый	0,793
гибкий — негибкий	0,747
уверенный — неуверенный	-0,732
недоверчивый — доверчивый	-0,679
откровенный — лицемерный	0,616
сотрудничающий — несотрудничающий	-0,578
критичный — легковерный	0,545
осторожный — бесшабашный	-0,477

На этом полюсе максимальные отрицательные баллы по данному фактору получили стимульные объекты: *удмуртка*

в прошлом (автостереотип), *русская в прошлом* (гетеростереотип). Положительные баллы у объектов оценивания *русская в настоящем*, *Я сама* (автостереотип русских), *удмуртка в настоящем* (гетеростереотип).

Анализ смыслового инварианта шкал, образовавших полюса второго фактора, позволяет интерпретировать его как фактор «придиричивая — прощающая» (см. рис. 6.1).

Размещение этнических объектов в семантическом пространстве факторов 1 и 2 (см. рис. 6.1) показывает, что авто- и гетеростереотипы *удмуртки в прошлом* совпадают: она скорее легкомысленная и придиричивая, чем серьезная и прощающая. В то же время автостереотип *удмуртки в настоящем* и образ *Я сама* разместились в плоскости «серьезная и придиричивая», хотя *удмуртка в настоящем* с позиций русских попала в полуплоскость «прощающая».

Третий фактор — однополюсный (вклад в общую дисперсию 11,92 %) образовали шкалы:

скромный — претенциозный	0,832
боевитый — пассивный	0,688
скупой — щедрый	0,675
веселый — угрюмый	0,628
самоуверенный — застенчивый	0,595
глупый — умный	0,507

На этом полюсе максимальные отрицательные баллы получили объекты оценивания: *Я сама* (автостереотип русских), *удмуртка в прошлом* и *Я сама* (автостереотип удмурток). Полярным объектом стала *удмуртка в прошлом* (гетеростереотип). Анализ шкал, образовавших полюса третьего фактора, позволяет интерпретировать его как фактор «скромная — претенциозная» (рис. 6.2).

Четвертый фактор — однополюсной (вклад в общую дисперсию 7,98 %) представлен следующим образом:

мягкий — жесткий	0,838
мякотелый — твердый	0,510
недоверчивый — доверчивый	0,501

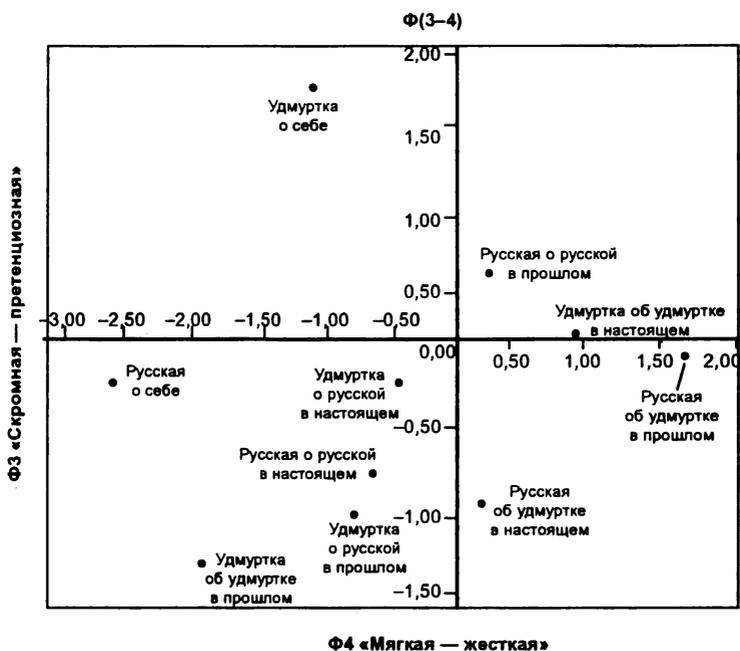

Рис. 6.2. Размещение этнических объектов в семантическом пространстве (Ф3, Ф4) личностных качеств

При оценке этнических объектов полярными оказались со знаком минус — *удмуртка в настоящем* (гетеростереотип), *удмуртка в прошлом* (автостереотип), *русская в прошлом* (гетеростереотип), со знаком плюс — образ *Я сама* удмуртки. Анализ шкал, образовавших полюса четвертого фактора, позволяет интерпретировать его как фактор «мягкая — жесткая» (см. рис. 6.2).

Объект оценивания — *удмуртка в прошлом* (автостереотип) разместился в плоскости «мягкая и скромная», при этом образ *Я сама* (удмуртка о себе) расположился в плоскости «скромная, но жесткая» (см. рис. 6.2).

Итак, анализ семантического пространства, полученного при факторно-аналитической обработке данных, показал, что автостереотип женщины-удмуртки в прошлом наделяется как адаптивными качествами (*мягкая и скромная*), так и дезадап-

тивными (*легкомысленная и придирчивая*). При этом последние включаются в гетеростереотип женщин русской национальности. Объяснить данный факт можно тем, что навязанные социально нежелательные стереотипы достаточно жестко укрепляются в обществе, и их проявление прослеживается до сих пор. Удмуртка в настоящем с позиций представительниц народа характеризуется *серьезностью и придирчивостью*. При этом русскими респондентками она воспринимается в большей степени как *прощающая*. Можно отметить трансформацию стереотипа удмуртки в плане изменения ее социального поведения в настоящее время. Образ *Я сама* наряду со *скромностью* включает черты, сближающие женщину-удмуртку с русской. Такие характеристики, как *серьезная и жесткая*, стали необходимыми для женщины в современных условиях жизнедеятельности.

Результаты комплексного исследования легли в основу совокупного образа удмуртской женщины. Проведенная процедура позволяет рассматривать его составляющие как функционально-ролевые качества личности, выражаемые этническим характером и проявляющиеся в этнотипическом поведении. Можно отметить, что этнотипические характеристики личности удмуртки в большей степени представлены толерантными чертами. Общий стиль поведения представительницы удмуртского народа характеризует ее как *покорную, скромную, конформную*. В работе она *трудолюбива и исполнительна*. Обладающая адаптивными качествами удмуртская женщина отличается высокой способностью к самоконтролю (*терпеливая, осторожная, серьезная*). *Скромность* ее говорит об эмоциональной сдержанности, высокой нормативности поведения.

Таким образом, можно допустить, что *толерантность есть социотипическая характеристика удмуртского народа, заложенная в культурных образцах типичного для данной общности поведения, которые личность усваивает в процессе своей социализации*.

Еще одно исследование позволило нам подойти к вопросу об онтологии толерантности, причины которой могут быть заложены не только в образцах культуры, но и в самой природе человека, в его этнической индивидуальности.

Проблема природных предпосылок этнотипических стилей активности исследуется в аспекте изучения этнической индивидуальности человека (Хотинец, 1999, 2000, 2001). По мнению Л. Я. Дорфмана (1993), человеку присущи формы активности (поведение, деятельность), обусловленные как внешними, так и внутренними источниками одновременно. Проблема заключается в том, чтобы, признав в равной степени значимость этих форм, определить роль и место, вклад и сферу влияния каждой из них как некое интегральное, вобравшее в себя все формы активности, целое. Интегральная индивидуальность человека реализует себя через различные формы активности, имеющие как внутренние источники детерминации, так и внешние.

Проиллюстрируем исследование, в котором участвовали выпускники профессиональных колледжей Удмуртии — 30 человек удмуртской национальности и 30 человек русской национальности в возрасте от 18 лет до 21 года (Хотинец, 2002). Целью исследования явилась проверка гипотезы, согласно которой этнотипические особенности поведения обусловлены как внешними, так и внутренними факторами. Задачи исследования включали в себя выявление основных характеристик свойств нервной системы испытуемых в условиях констатирующего эксперимента с регистрацией показателей электроэнцефалограммы, электрокардиограммы, кожно-гальванической реакции по специально разработанной программе; выявление формально-динамических свойств испытуемых с помощью опросника ОФДСИ В. М. Русалова; определение степени выраженности показателей изучаемых свойств, тенденций и закономерностей во взаимосвязях между ними как в пространстве одного уровня, так и в межуровневых границах индивидуальности испытуемых различных этногрупп.

С помощью *t*-критерия Стьюдента и с учетом нормальности распределения всех показателей значимые различия между свойствами нервной системы у испытуемых различных этногрупп нами не обнаружены, что подтверждает генотипическую обусловленность указанных свойств. При этом, однако, найдены значимые различия между формально-динамическими свойствами испытуемых (табл. 6.5).

Таблица 6.5

**Достоверность различий между показателями
формально-динамических свойств
в удмуртской и русской выборках**

Показатель	Средние значения		t	p
	Удмурты	Русские		
Эргичность психомоторная	30,23	31,43	-0,700	—
Эргичность интеллектуальная	25,43	26,83	-1,135	—
Эргичность коммуникативная	33,30	36,77	-2,516	≤0,05
Пластичность психомоторная	32,77	32,17	0,444	—
Пластичность интеллектуальная	28,17	27,93	0,208	—
Пластичность коммуникативная	30,13	32,43	-1,857	—
Скорость психомоторная	33,60	34,33	-0,472	—
Скорость интеллектуальная	28,70	30,67	-1,751	—
Скорость коммуникативная	30,03	32,80	-2,697	≤0,01
Эмоциональность психомоторная	30,50	27,93	2,268	≤0,05
Эмоциональность интеллектуальная	32,57	30,87	1,139	—
Эмоциональность коммуникативная	31,17	28,20	1,821	—
Индекс психомоторной активности	96,60	97,93	-0,351	—
Индекс интеллектуальной активности	83,63	85,43	-0,691	—
Индекс коммуникативной активности	93,47	102,00	-3,211	≤0,01
Индекс общей активности	273,70	285,37	-1,717	—
Индекс общей эмоциональности	94,24	87,00	2,098	≤0,05
Индекс общей адаптивности	179,47	198,37	-0,580	—

Данные, приведенные в табл. 6.5, отчетливо демонстрируют, что у удмуртов в сравнении с русскими обнаруживаются сле-

дующие «стилевые характеристики поведения» (Русалов, 1997, с. 5): заниженная эргичность ($p \leq 0,05$) и заниженная скорость ($p \leq 0,01$) в коммуникативной сфере и, как следствие, — заниженная коммуникативная активность ($p \leq 0,01$). При этом завышены показатели эмоциональности в психомоторной сфере ($p \leq 0,05$) и индекса общей эмоциональности ($p \leq 0,05$).

Учитывая нормативные данные методики, отметим, что все групповые показатели были выражены в норме. Между тем у 9 представителей удмуртского этноса, как установлено посредством кластерного анализа, эти показатели одновременно имели крайнюю выраженность. Позволим себе высказать предположение, что представители удмуртской национальности отличаются от русских *заниженной контактностью, некоторой отгороженностью, замедленностью речевой активности и вербализации*. Это подтверждается тем, что в ходе эксперимента испытуемые-удмурты предпочитали отвечать кратко, не задавать конкретизирующих вопросов, использовать минимизированные высказывания, выдерживать паузы, в разговор включались без желания. Следовательно, можно допустить наличие интровертированной тенденции в проявлении формально-динамических свойств у испытуемых удмуртской национальности. Завышенный показатель общей эмоциональности характеризует удмуртов как *эмоционально чувствительных, сенситивных, тревожных*.

Рассмотрим результаты факторного анализа показателей формально-динамических свойств в обеих выборках (табл. 6.6, 6.7). Согласно утверждению В. М. Русалова (см.: 1997, с. 9–10), разработанная им модель структуры формально-динамических свойств индивидуальности состоит из относительно независимых латентных переменных, обладающих разной степенью индивидуальной выраженности, или интенсивности. Однако в силу иерархичности функциональных блоков (их включенности друг в друга) данная модель допускает существование связей между свойствами внутри одного и того же типа взаимодействия, а также между гомологичными формально-динамическими свойствами во всех типах взаимодействия человека со средой.

По результатам анализа факторного отображения показателей формально-динамических свойств удмуртов первый фак-

тор получил название «Эмоциональность» в силу высоких факторных весов эмотивных свойств; второй — «Активные свойства в психомоторной и интеллектуальной сферах», в который вошли такие переменные, как эргичность, пластичность, скорость; третий — «Активные свойства в коммуникативной сфере», представленные эргичностью и пластичностью, четвертый — «Пластичность», он характеризует две поведенческие сферы: психомоторную и интеллектуальную (см. табл. 6.6).

Таблица 6.6

Факторное отображение показателей формально-динамических свойств в удмуртской выборке

Показатель	Фактор			
	1	2	3	4
Эргичность психомоторная	,194	,754	-,050	,349
Эргичность интеллектуальная	-,219	,838	-,004	,036
Эргичность коммуникативная	,290	,104	,852	-,161
Пластичность психомоторная	-,472	,567	,055	,474
Пластичность интеллектуальная	,167	,132	-,016	,908
Пластичность коммуникативная	-,208	-,136	,851	,128
Скорость психомоторная	,141	,695	,441	,322
Скорость интеллектуальная	,370	,751	-,172	-,162
Скорость коммуникативная	,621	,337	,333	,178
Эмоциональность психомоторная	-, 829	-,207	-,164	,011
Эмоциональность интеллектуальная	-, 864	,052	-,023	-,264
Эмоциональность коммуникативная	-, 874	,043	,096	,024
Expl. Var	3,204	2,846	1,828	1,447
Prp. Totl	,267	,237	,152	,121

На основе данных, помещенных в табл. 6.7, первый фактор назван нами «Активные свойства в психомоторной и интеллектуальной сферах», в него вошли, как и в соответствующий фактор в удмуртской выборке, эргичность, пластичность, скорость; второй — «Эмоциональность» в трех сферах; третий — «Пластичность», он отражает специфику интеллектуальной и коммуникативной сфер; четвертый — «Активные свойства в коммуникативной сфере», в него вошли такие переменные, как эргичность и скорость.

Таблица 6.7

**Факторное отображение показателей
формально-динамических свойств в русской выборке**

Показатель	Фактор			
	1	2	3	4
Эргичность психомоторная	,675	-,210	-,078	-,125
Эргичность интеллектуальная	,770	,086	-,309	,202
Эргичность коммуникативная	,120	,014	-,031	,931
Пластичность психомоторная	,796	,044	,048	,070
Пластичность интеллектуальная	,380	,102	,720	-,184
Пластичность коммуникативная	-,287	,115	,868	,130
Скорость психомоторная	,763	-,031	,008	,358
Скорость интеллектуальная	,662	-,228	,478	,235
Скорость коммуникативная	,407	-,199	,299	,623
Эмоциональность психомоторная	-,190	,905	-,071	,055
Эмоциональность интеллектуальная	,073	,913	-,027	-,039
Эмоциональность коммуникативная	,026	,910	,239	-,084
Expl. Var	3,151	2,650	1,758	1,561
Prp. Totl	,263	,221	,147	,130

Сравнение факторных отображений показателей формально-динамических свойств в обеих выборках показывает, что фактор 2 в удмуртской выборке полностью совпадает с фактором 1 в русской. Фактор 1 в удмуртской выборке по эмоциональным свойствам совпадает с фактором 2 в русской. Тем самым указанные факторы отражают устойчивые, «надкультурные» (универсальные) черты поведения, имеющие общую природную обусловленность. Факторы же «Пластичность» и «Активные свойства в коммуникативной сфере» (факторы 3 и 4) при совпадении описательных характеристик имеют различное содержание.

Мы допускаем, что факторы, включающие в себя активные свойства в коммуникативной сфере, и достоверные различия в выраженности этих свойств у испытуемых разных выборок заявляют о существовании этнотипического стиля коммуникативной активности, являющегося опосредующим звеном в образовании полиморфных связей между свойствами этнической индивидуальности. Этнотипический стиль коммуникативной активности удмуртов условно был назван чувствительным-низкодинамичным, аналогичный показатель в русской выборке получил название высокодинамичного.

Корреляционный анализ позволил обнаружить полиморфные связи между нейродинамическими и психодинамическими свойствами испытуемых обеих групп, установить особенности интеграции подсистем этих свойств и таким образом подтвердить наличие этнотипического стиля активности у представителей различных этнических групп. При овладении стилем образуется особая система паттернов поведения индивидов, благодаря которой компенсируется и преодолевается отрицательное (дезадаптивное) влияние каких-либо индивидуальных свойств. Так, в удмуртской выборке показатели подвижности нервных процессов находятся в обратной линейной зависимости ($p \leq 0,05$) от показателей пластичности и в прямой ($p \leq 0,05$) — от показателей эмоциональности в интеллектуальной сфере. Вероятно, именно таким образом осуществляется приспособительная функция подвижности нервной системы. С помощью такого вида связи формально-динамические свойства компенсируют друг друга: низкая интеллектуальная пластичность компенсируется высокой чувствитель-

ностью в интеллектуальной деятельности. Это означает, что «расширение» этапа принятия решения компенсируется более чувствительным «акцептором» результата действия.

Кроме того, корреляционные связи между показателями формально-динамических свойств в обеих выборках свидетельствуют о том, что стиль, выполняя компенсаторную функцию, помогает преодолевать отрицательное влияние дезадаптивных индивидуальных свойств в других поведенческих сферах. Так, в удмуртской выборке, с одной стороны, обнаружены обратные связи ($p < 0,05$) между показателями эмоциональности в поведенческой сфере, получившими высокие значения по t -критерию Стьюдента, и показателями активностных свойств в коммуникативной сфере, имеющими заниженные значения. С другой стороны, показатели высокой чувствительности в поведении напрямую связаны ($p < 0,05$) с пластичностью в психомоторной сфере, что, по нашему мнению, обеспечивает активность индивидов в физической (предметной) деятельности, способствующей их успешной адаптации к окружающей действительности.

Результаты исследования показали, что этнотипический стиль коммуникативной активности удмуртов, названный сенситивным-низкодинамичным, имеет внутреннюю и внешнюю детерминацию. В результате усвоения типичных для группы образцов поведения в зависимости от устойчивой системы биологических и психобиологических свойств изменяется характер взаимосвязей между ними, образуя особую их системную организацию, обуславливающую этнотипические поведенческие проявления. Этнотипический стиль коммуникативной активности опосредует разноуровневые связи в структуре этнической индивидуальности человека и к тому же выступает в качестве условия адаптации индивида к этнокультурному миру. Следовательно, этнотипические особенности поведения, с одной стороны, есть результат природных преобразований этнокультурного индивида, а с другой, в своих функциональных проявлениях, они есть следствие приспособления его к этнокультурному миру. Таким образом, полученные данные позволяют предположить, что выявленные «толерантные» поведенческие паттерны удмуртов есть особенности их этнической индивидуальности.

Итак, мы допускаем, что толерантность может быть объективирована в идеальной форме (культуре) в образцах типичного для данной культурной общности поведения, и в то же время она не утрачивает своей субъективности, представляя себя в реальной форме — этнической индивидуальности человека. Этническая функция культуры служит важнейшей цели — психологической защите (см.: Садохин, Грушевицкая, 2000) этнической индивидуальности в плане согласования соответствующих ей способов взаимоотношений с миром.

В заключение отметим, что человек не представляет собой автономную систему с совокупностью отдельных индивидуально-психологических свойств, качеств, способностей. Социальная действительность, являясь фундаментальной предпосылкой становления человека, не может быть абсолютным содержанием ни внутреннего, ни внешнего его мира. Последний обнаруживает в себе, прежде всего, культурно-ценностный потенциал и предстает перед человеком в определенных формах культурного универсума. Включенный в многообразные связи и отношения с культурным миром человек лишь только в них обретает свой подлинный облик как личность, свое подлинное личностное назначение и измерение (см.: Слободчиков, Исаев, 1998).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной монографии впервые соединены социально-психологический и индивидуально-личностный уровни исследования психологических факторов, взаимосвязанных с этнической толерантностью — интолерантностью. Проведенные исследования показали, что в истории и менталитете народов России заложены мощные основы для толерантного межэтнического взаимодействия в виде сходства культурных ценностей и установок, длительного опыта взаимных межкультурных заимствований, в результате которых представители многих народов с близкой культурной дистанцией даже затрудняются определить, какова же их этническая принадлежность.

Наряду с этим в последнее десятилетие столь же мощно заявила о себе другая тенденция — этнического и конфессионального самоопределения. Она проявляется в установках на этническую и конфессиональную дифференциацию, в росте значимости этнической и религиозной принадлежности.

Ни одну из этих тенденций не стоит сбрасывать со счетов и классифицировать в оценочных терминах по принципу «плохо» или «хорошо». Обе они отражают диалектику полнокровной жизни, реальных социальных и этнических процессов, наблюдающихся в современной России.

За тенденцией интеграции стоит общая история, естественное желание мирного сосуществования и уважение права на жизнь любого человека, вне зависимости от его национальности и вероисповедания.

Тенденция дифференциации реализует право личности развиваться, если она того желает, в рамках своей культуры, которая, возможно, наилучшим образом соответствует психофизиологическим характеристикам индивида, приспособлена к ним. В рамках этнической культуры происходит социализация личности, усвоение моральных норм и правил, духовный рост и развитие.

Цель процессов дифференциации состоит не в «разбегании» групп, а в создании эффективных групповых границ, и оценивать эти процессы следует с точки зрения долговремен-

ной перспективы. Межгрупповая дифференциация отражает стремление представителей этнических групп к обретению уверенности в своей групповой идентичности, или, говоря другими словами, к повышению позитивности и четкости этнической идентичности. Как было показано на обширном эмпирическом материале нашего исследования, позитивная и четкая этническая идентичность в конечном итоге ведет к толерантности в межэтническом взаимодействии.

Процессу обретения представителями этнической группы позитивной и четкой идентичности могут также способствовать специальные программы образования и тренинги межкультурного взаимодействия. Цель подобных программ и тренингов — повышение роста этнокультурной компетентности и способности правильно понимать представителей иных культур и конфессий и эффективно общаться с ними.

Разумеется, помимо социально-психологических факторов росту этнической и конфессиональной толерантности в поликультурных регионах России будут способствовать экономическое развитие регионов и разумная, взвешенная политика на федеральном и региональном уровнях.

Конечная задача наших совместных усилий — сохранение всех российских народов, их культуры и религии как способов групповой адаптации человечества к природным и историческим реалиям и на базе этого — совместное освоение современного мирового опыта модернизации с целью обеспечения всем народам России достойной жизни.

Психологической основой этой деятельности должна стать позитивная и четкая гражданская, общероссийская идентичность, формирование которой позволит снизить болезненность процессов дифференциации и станет мощным двигателем культурной интеграции народов России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К ГЛАВЕ 1

- Агеев В. С.* Межгрупповое взаимодействие (социально-психологические проблемы). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А.* Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.
- Ведерникова Т. И.* Формирование этнически смешанного населения Степного Заволжья (Самарской губернии) в середине XVII — середине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
- Кун М., Мак-Партланд Т.* Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная этнопсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 180–187.
- Лебедева Н. М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
- Лебедева Н. М.* Социально-психологическая аккультурация этнических групп: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1997.
- Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ-С, 1999.
- Лебедева Н. М., Малхозова Ф. М.* Социально-психологическое исследование этнической толерантности в Карачаево-Черкесии // Идентичность и толерантность / Под ред. Н. М. Лебедевой. М., 2002. С. 152–168.
- Национальный состав населения СССР.* По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 34.
- Оффе К.* Этнополитика в восточноевропейском переходном процессе // Полис. 1996. № 2. С. 27–46.
- Савва М. В.* Социокультурные факторы этнополитической стабильности // Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности. СПб., 1994. С. 66–84.
- Савва М. В.* Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). Краснодар: Изд-во Кубанск. ун-та, 1997.
- Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
- Социальная и культурная дистанция* / Под ред. Л. М. Дробижевой; Ин-т социологии РАН. М., 1998.
- Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М.: Академический проект, 1999.
- Хагба Б. А.* Факторы этнополитической стабилизации на Кавказе // Соц.-полит. журн. 1995. № 3.
- Allport G.* The nature of prejudice. N. Y.: Doubleday, 1954.
- Barth F.* Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Boundaries» / Eds. by H. Vermeulen, C. Govers. Amsterdam: Het Spinhuis, 1994. P. 11–32.
- Berger C., Calabrese R.* Some explorations in initial interactions and beyond // Human communication research. 1975. № 1. P. 99–112.
- Berry J. W.* Multicultural policy in Canada: A social psychological analysis // Canadian J. of Behavioural Science. 1984. № 16. P. 353–370.

Berry J. W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society // Intern. J. of Intercultural Relations. 1979. № 3. P. 99–112.

Berry J. W., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey // Canadian J. of Behavioural Science. 1996. Vol. 27, № 3. P. 301–320.

Berry J. W., Pleasants M. Ethnic tolerance in plural societies. Paper given at the Intern. Conf. on Authoritarianism and Dogmatism. Potsdam, 1984.

Berry J. W. et al. Multiculturalism and ethnic attitudes in Canada. Ottawa: Supply and Services Canada, 1977.

Berry J. W. et al. Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge, 1992.

Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in contact: Studies in cross-cultural interaction / Ed. by S. Bochner. Oxford, 1982. P. 5–44.

Bond M. Finding universal dimensions of individual variation in multicultural studies of values: The Rokeach and Chinese value surveys // J. of Personality and Soc. Psychology. 1988. Vol. 55. P. 1009–1015.

Bond M. Chinese values and health: A cross-cultural examination // Psychology and health. 1991. № 5. P. 137–152.

Brewer M., Campbell D. T. Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence. N. Y., 1976.

Deschamps J., Doise W. Crossed category membership in intergroup relations // Differentiation between social groups / Ed. by H. Tajfel. L.: Academic, 1978.

Dijker A. Emotional reactions to ethnic minorities // European J. of Soc. Psychology. 1987. Vol. 17. P. 305–325.

Doise W., Sinclair A. The categorization process in intergroup relations // European J. of Soc. Psychology. 1973. № 3. P. 145–157.

Dollard et al. Frustration and aggression. NH: Yale University Press, 1939.

Esses V. et al. Values, stereotypes and emotions as determinants of intergroup attitudes // Affect, cognition and stereotyping: Interactive process in group perception / Eds. by D. M. Mascie, D. L. Hamilton. N. Y.: Academic, 1993. P. 137–166.

Furnham A., Bochner S. Culture Shock. L.; N. Y., 1986.

Gaertner et al. The contact hypothesis: The role of common ingroup identity on reducing of intergroup bias // Small Group research. 1994. Vol. 25. P. 224–249.

Gudykunst W., Shapiro R. Communication in everyday interpersonal and intergroup encounters // Intern. J. of Intercultural Relations. 1996. Vol. 20. P. 19–45.

Gudykunst W., Ting-Toomey S. Culture and interpersonal communication. Beverly Hills, CA: Sage, 1988.

Gudykunst W. et al. Uncertainty reduction in Japanese – North American dyads // Communication Research reports. 1986. №. 3. P. 39–46.

Gudykunst W. et al. The influence of individualism-collectivism on communication in ingroup and outgroup relationships // J. of Cross-Cultural Psychology. 1992. Vol. 23. P. 196–213.

- Hett J.* The development of an instrument to measure global-mindedness // Diss. Abstr. Intern. 1991. Vol. 52. P. 2099A.
- Hinkle S., Brown R.* Intergroup comparison and social identity // Social identity theory: Constructive and critical advances / Eds. by D. Abrams, M. Hogg. N. Y., 1990. P. 48-70.
- Hofstede G.* Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values. Beverly Hills: Sage, 1984.
- Horowitz D. L.* Ethnic groups in conflict. Berkley; Los Angeles; L., 1985.
- Islam M., Hewstone M.* Dimensions of contact as predictors of intergroup anxiety, perceived outgroup variability, and out group attitude // Personality and Soc. Psychology Bull. 1993. Vol. 19. P. 700-710.
- Kalin R., Berry J.* The social ecology of ethnic attitudes in Canada // Canadian J. of behavioral Science. 1982. Vol. 14. P. 97-109.
- Kim S., Smith R.* Revenge and conflict escalation // Negotiation J. 1993. № 9. P. 37-43.
- Landis D., Boucher J.* Themes and models of conflict // Ethnic conflicts: Intern. perspectives / Eds. by J. Boucher et al. Beverly Hills, CA: Sage, 1987. P. 18-31.
- Le Vine R., Campbell D. T.* Ethnocentrism: Theories of conflict, attitudes and group behavior. N. Y.: Wiley, 1972.
- Leung K.* Theoretical advances in Justice behavior: Some cross-cultural inputs // The cross-cultural challenge to social psychology / Ed. by M. Bond. Newbury Park, CA: Sage, 1988. P. 218-229.
- Lewis R. et al.* Modernization, Population Change and Nationality in Soviet Central Asia and Kazakhstan // Canadian Slavonic Papers. 1975. № 2-3.
- Lilli W., Rehm J.* Judgmental processes as bases of intergroup conflict // The social psychology of intergroup conflict / Eds. by W. Strobe et al. N. Y.: Springer-Verlag, 1988.
- Moghaddam F.* Managing cultural diversity: North American experiences and suggestions for the German unification process. // Intern. J. of Intercultural Relations. 1993. Vol. 28. P. 727-741.
- Moghaddam F., Taylor D.* The meaning of multiculturalism for visible minority immigrant women // Canadian J. of Behavioral Science. 1987. Vol. 19. P. 121-136.
- Norm violation and intergroup relations* / Eds. by R. DeRidder, R. Tripathi. Oxford: Clarendon, 1992.
- Riemann R. et al.* Personality and attitudes toward current political topics // Personality and Individual Differences. 1993. Vol. 15. P. 313-321.
- Sagiv L., Schwartz S.* Value priorities and readiness for out-group social contact // J. of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. P. 437-448.
- Schwartz S.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology / Ed. by M. Zanna. 1992. Vol. 25. P. 1-65.
- Scott W.* Psychological and social correlates of international images // Intern. behavior: A social-psychological analysis / Ed. by H. Kelman. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1965.
- Sherif M.* Group conflict and cooperation: Their social psychology. L.: Routledge and Kegan Paul, 1966.

- Smith M.* Nationalism, ethnocentrism and new world order // J. of Humanistic Psychology. 1992. Vol. 32.
- Social identity theory: Constructive and critical advances* / Eds. by D. Abrams, M. Hogg. N. Y., 1990.
- Spence-Brown R.* Japanese exchange student overseas // J. of Asian Pacific Communication. 1993. № 4. P. 193–207.
- Standor C. et al.* Affective and cognitive determinants of prejudice // Social Cognition. 1991. № 9. P. 359–380.
- Staub E.* The evolution of caring and nonaggressive persons and societies // J. of Social Issues. 1988. Vol. 44. P. 81–100.
- Staub E.* Moral exclusion, personal goal theory and extreme destructiveness // Ibid. 1990. Vol. 46. P. 47–64.
- Stephan W., Stephan C.* Intergroup anxiety // Ibid. 1985. Vol. 41. P. 157–176.
- Tajfel H.* Social categorization, social identity and social comparison // *Tajfel H.* Differentiation between social groups. L.: Academic, 1978. P. 61–76.
- Thalhofer N.* Intergroup differentiation and reduction of intergroup conflict // Small Group Research. 1993. Vol. 24. P. 28–43.
- Triandis H.* Collectivism vs. individualism // Cross-cultural studies of personality, attitudes, and cognition / Eds. by G. Verma, C. Bagley. L.: Macmillan, 1988. P. 60–95.
- Triandis H.* Culture and social behaviour. N. Y. etc.: McGraw-Hill, 1994.
- Triandis H.* Individualism – Collectivism. Boulder, CO: Westview, 1995.
- Turner J. et al.* Social categorization, interpersonal attraction and group formation // British J. of Social Psychology. 1983.
- Wetherell M.* Cross-cultural studies of minimal groups // Social identity and intergroup relations / Ed. by H. Tajfel. Cambridge, 1982. P. 207–238.
- Wheeler L. et al.* Collectivism-individualism in everyday social life: The middle kingdom and the melting pot // J. of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. P. 79–86.
- Wish M. et al.* Perceived dimensions of interpersonal relations // Ibid. 1976. Vol. 33. P. 409–420.

К ГЛАВЕ 2

- Агеев В. С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Ананьев Б. Г.* О психологических эффектах социализации // Человек и общество. Проблемы социализации индивида / Под ред. Б. Г. Ананьева, Л. И. Спиридонова. Вып. 9. Л., 1971. С. 144–150.
- Андреева Г. М.* Социальная психология: Учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Арутюнов С. А.* Этнические процессы и язык // Расы и народы. Вып. 15. 1985. С. 30–56.
- Арутюнов С. А.* Адаптивное значение культурного полиморфизма // Этнограф. обозрение. 1993. № 4. С. 41–56.
- Батищев Г. С.* Философско-аксиологические идеи в концепции человека С. Л. Рубинштейна // Философ. науки. 1989. № 7. С. 29.

- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
- Большой энциклопедический словарь*: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 2. С. 726.
- Ведерникова Т. И.* Формирование этнически смешанного населения Степного Заволжья (Самарской губернии) в середине XVII – середине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
- Грякалов А. А. М. М. Бахтин и проблема понимания* // Бахтинский сборник. Вып. 1. М., 1990. С. 76–83.
- Еремин С. Н., Ларченко С. Г.* Межкультурные взаимодействия в социальном развитии коренного населения Севера // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. С. 80–94.
- Исхаков Д. М.* Татары (Популярный очерк этнической истории и демографии) // Татары. Набережные Челны, 1993.
- Козлов В. И.* Проблемы фиксации этнических процессов. М.: Наука, 1973.
- Краткая философская энциклопедия*. М.: Прогресс-энциклопедия, 1994. С. 457.
- Краткий психологический словарь* / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. С. 357.
- Лебедева Н. М.* Особенности социальной перцепции в процессе этнокультурной адаптации этнопереселенческих групп. Дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.
- Лебедева Н. М.* Психологические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 100–125.
- Лебедева Н. М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
- Лебедева Н. М.* Социально-психологическая аккультурация этнических групп: Дис. ... д-ра психолог. наук. М., 1997.
- Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Старый сад, 1998.
- Лебедева Н. М.* Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психол. журн. 2000. Т. 21, № 3. С. 73–87.
- Львина Е. Д.* Общее и особенное в этническом самосознании жителей Самары и Самарской области (на материале исследования русских, мордвы, татар и чувашей): Автореф. дис. ... канд. психолог. наук. Самара, 2000.
- Национальные отношения в Самаре: Отчет социологического исследования* / Жидкова С. К., Кандауров С. П., Курятников В. Н. и др. Самара, 1996.
- Национальный состав населения Куйбышевской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.).* Госкомстат РСФСР; Куйбышевск. обл. упр. статистики. Куйбышев, 1990.
- Панеш Э. Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (На примере Западного Кавказа). СПб.: Европейский дом, 1996.
- Савва М. В.* Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). Краснодар, 1997.
- Скворцов Н. Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997.
- Социальная психология* / Под ред. Г. П. Предвечного. М., 1975.

- Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М.: Академический проект, 1999.
- Стрелков В. И.* Духовность и творчество // Человек как философская проблема: Восток – Запад. М., 1991. С. 197–209.
- Тишков В. А.* О толерантности // Толерантность и согласие / ИЭА РАН. М., 1997. С. 17–39.
- Толковый словарь русского языка:* В 4 т. / Сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин и др.; Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994.
- Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М.: Наука, 1966.
- Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981.
- Этносоциальные проблемы города.* М.: Наука, 1986.
- Berry J. W., Kalin R.* Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey // Canadian J. of Behavioural Science. 1995. Vol. 27, № 3. P. 301–320.
- Berry J. W., Pleasants M.* Ethnic tolerance in plural societies. Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism. Potsdam; N. J.: Wiley, 1984.
- Eriksen T. H.* Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. London; Boulder, 1993.
- Herskovitz M.* Man and his Work. N. Y., 1949.
- Katz D., Braly K.* Racial stereotypes in one hundred college students // J. of Abnormal and Social Psychology. 1933. № 28. P. 280–290.
- Kuhn M., McPartland T.* An Empirical Investigation of Self-attitudes // American Sociological Rev. 1954. № 1. P. 68–76.
- Evers K.* On the Nature of Tolerance: Paper prepared for the International Conference on Democracy and Tolerance. Seoul, Korea, 27–29 Sept. 1994. P. 18.
- Nudler O.* On conflicts and metaphors: Toward an extended rationality // Conflict: Human needs theory / Eds. by J. Burton. L.: Macmillan, 1990. P. 177–201 (Conflict ser. Vol. 2).
- Schwartz S. H.* Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology / Ed. by M. P. Zanna. Orlando, FL: Academic, 1992. Vol. 25. P. 1–65.
- Schwartz S. H., Bardi A.* Influences of Adaptation to Communist Rule on Value Priorities in Eastern Europe // Political Psychology. 1997. Vol. 18. P. 385–410.
- Triandis H. C.* Culture and social behavior. N. Y. etc.: McGraw-Hill, 1994.

К ГЛАВЕ 3

- Арутюнян Ю. В., Дробужева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А.* Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.
- Габдрафиков И. М.* Этнокультурные результаты миграционных процессов в северо-западной Башкирии // Этнологические исследования в Башкортостане. Уфа, 1994. С. 22–28.

Ганеева А. Р. Проблема этнокультурного взаимодействия башкир и татар в северо-западной Башкирии (состояние изученности) // *Этнос и его подразделения*. М., 1992. Ч. 2. С. 58–69.

Губогло М. Н., Сафин Ф. Г. Принудительный лингвизм. М., 2000. С. 103.

Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х годов. М., 1996.

Исхаков Д. М. Из этнической истории татар восточных районов ТАССР до начала XX в. // *К вопросу этнической истории татарского народа*. Казань, 1985.

Исхаков Д. М. Этническое развитие волго-уральских татар в XV–XX вв.: Дис. ... д-ра ист. наук в виде науч. докл. М., 2000. С. 23–24.

Коростелев А. Д. Динамика этнического состава сельских поселений Башкортостана (к проблеме татаро-башкирской межэтнической напряженности) // *Конфликтная этничность и этнические конфликты*. М., 1994. С. 67–92.

Коростелев А. Д. Компьютерный подход к исследованию динамики этнической идентичности населения сельских поселений Башкортостана // *Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века*. Вып. 7 / ИВ РАН. М., 1999. С. 148–165.

Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М., 1992.

Кузеев Р. Г., Ганеева А. Р. Северо-западные башкиры: состояние изученности, задачи исследования // *Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах*. Уфа, 1989. С. 170–176.

Кульшарипов М. М. Вопросы национального самосознания у западных башкир // *Проблемы изучения родного языка башкирскими детьми в северо-западных районах БССР: Материалы республ. науч.-практ. конф.* Уфа, 1990. С. 16.

Кун М., Мак-Партланд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // *Современная зарубежная этнопсихология*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 180–187.

Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.

Лебедева Н. М. Социально-психологическая аккультурация этнических групп: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1997.

Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ-С, 1999.

Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Кросс-культурный анализ социально-психологических факторов этнической толерантности и типичные стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // *Этническая толерантность в поликультурных регионах России*. М., 2002.

Левкович В. П., Андрущак И. Б. Этноцентризм как социально-психологический феномен // *Психолог. журн.* 1995. № 2. С. 70–81.

Малхозова Ф. М. Социально-психологические особенности этнической толерантности в поликультурном регионе. Дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.

Раднов М. И. Численность тюркского крестьянства Уфимской губернии в начале XX в. // *Этнограф. обозрение*. 1996. № 6. С. 121–131.

Роднов М. И. Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа. 1997. С. 119–120.

Роднов М. И. Этническая толерантность в крестьянской среде Южного Урала в начале XX в. (на примере Уфимской губернии) // Толерантность и ненасилие в современной цивилизации: Тез. конгр. Екатеринбург, 2002.

Савва М. В. Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). Краснодар: Изд-во Кубанск. ун-та, 1997.

Савва М. В. Межнациональные отношения на юге России: особенности и динамика // Межнациональные отношения и становление гражданского общества на юге России. Краснодар, 2002. С. 55–60.

Сафин Ф. Г. Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии. М., 2000.

Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 5. Бирский уезд: Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1897 г. Уфа, 1899.

Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Под ред. Л. М. Дробижевой; Ин-т социологии РАН. М., 1998.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2000.

Черных А. В., Плюхин А. А. Этническое сознание тульвинских башкир и татар в конце XIX – начале XX в. // Проблемы культургенеза народов Волго-Уральского региона. Уфа, 2001. С. 140–142.

Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Berry J. W. Multicultural policy in Canada: A social psychological analysis // Canadian J. of Behavioral Science. 1984. Vol. 16. P. 353–370.

Berry J. W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society // Intern. J. of Intercultural Relations. 1979. № 3. P. 99–112.

Berry J. W., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey // Canadian J. of Behavioral Science. 1995. Vol. 27, № 3. P. 301–320.

Berry J. W., Pleasants M. Ethnic tolerance in plural societies. Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism. Potsdam; N. J.: Wiley, 1984.

Berry J. W., Kalin R., Taylor D. Multiculturalism and ethnic attitudes in Canada. Ottawa: Supply and Services Canada, 1977.

Bogardus E. S. Stereotypes versus sociotypes // Sociological and Social Research. 1950. № 34. P. 286–291.

Bogardus E. S. Social Distance. Ohio, 1959.

Katz D., Braly K. Racial stereotypes in one hundred college students // J. of Abnormal and Social Psychology. 1933. № 28. P. 280–290.

Kuhn M., McPartland T. An Empirical Investigation of Self-attitudes // American Sociological Rev. 1954. № 1. P. 68–76.

Moscovici S. The Phenomena of Social Representation // Social Representations. Cambridge, 1984. P. 3–69.

Triandis H. C. Culture and social behavior. N. Y. etc.: Mcgraw-Hill, 1994.

К ГЛАВЕ 4

Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1990.

Арутюнов С. А. Швейцарская модель гор Кавказа // Новый Вавилон. 1995. № 2.

Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х годов. М., 1996.

Кун М., Мак-Парланд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя. // Современная зарубежная этнопсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 180–187.

Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.

Лебедева Н. М. Социально-психологическая аккультурация этнических групп. Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1997.

Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ-С, 1999.

Малхозова Ф. М. Социально-психологические особенности этнической толерантности в поликультурном регионе. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999.

Савва М. В. Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). Краснодар: Изд-во Кубанск. ун-та, 1997.

Смирнова Я. С. Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1993. № 48.

Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Под ред. Л. М. Дробижевой; Ин-т социологии РАН. М., 1998.

Хазба Б. А. Факторы этнополитической стабилизации на Кавказе // Соц.-полит. журн. 1995. № 3.

Berry J. W., Pleasants M. Ethnic tolerance in plural societies. Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism. Potsdam, N. J.; Wiley, 1984.

Berry J. W., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey // Canadian J. of Behavioural Science. 1995. Vol. 27, № 3. P. 301–320.

Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction. Oxford: Pergamon, 1982.

Bogardus E. S. Stereotypes versus sociotypes // Sociological and Social Research. 1950. № 34. P. 286–291.

Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values. Beverly Hills, CA: Sage, 1984.

Horowitz D. L. Ethnic groups in conflict. Berkley; Los Angeles; London, 1985.

Katz D., Braly K. Racial stereotypes in one hundred college students // J. of Abnormal and Social Psychology. 1933. № 28. P. 280–290.

Kuhn M., McPartland T. An Empirical Investigation of Self-attitudes // American Soc. Rev. 1954. № 1. P. 68–76.

К ГЛАВЕ 5

Высочил А. А., Лебедева Н. М. Кросс-культурное исследование психологических показателей этнокультурной адаптированности и этнической толерантности в Башкортостане // Идентичность и толерантность / Под ред. Н. М. Лебедевой; ИЭА РАН. М., 2002. С. 191–213.

Гаюрова Ю. А. Культурные ценности как детерминанты межэтнической толерантности – интолерантности // Там же. С. 214–242.

Лебедева Н. М., Малхозова Ф. М. Социально-психологическое исследование этнической толерантности в Карачаево-Черкесии // Там же. С. 152–169.

Малхозова Ф. М. Социально-психологические особенности этнической толерантности в поликультурном регионе: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.

Сушков И. Р. Психология взаимоотношений групп в социальной системе: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002.

Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Под ред. Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко; ИЭА РАН. М., 2002.

Esses V., Haddock G., Zanna M. Values, stereotypes and emotions as determinants of intergroup attitudes // Affect, cognition and stereotyping: Interactive process in group perception / Ed. by D. M. Mascie, D. L. Hamilton. N. Y.: Academic, 1993. P. 137–166.

К ГЛАВЕ 6

Андреева Г. М. Социальная психология: Учеб. для высш. учеб. заведений. М.: Аспект Пресс, 1996.

Асмолов А. Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001.

Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М.: Наука, 1986. С. 80–160.

Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1991.

Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996.

Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальный мир: Методологические и теоретические проблемы. М.: Смысл, 1993.

Зинченко В. П. От классической к органической психологии // Вопр. психологии. 1996. № 5. С. 7–20; № 6. С. 6–25.

Кон И. С. Национальный характер – миф или реальность? // Иностр. лит. 1968. № 9. С. 215–229.

Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учеб. пособие для студентов психол. и этнол. спец. М.: Старый сад, 1998.

Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.

Панферов В. Н. Психология человека: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2000.

Петренко В. Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие. Смоленск: Изд-во Смоленск. ун-та, 1997.

Пибоди Д., Шмелев А. Г., Андреева М. К., Граменицкий А. Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: Кросс-культурный аспект // *Вопр. психологии.* 1993. № 3. С. 101–109.

Русалов В. М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности. М.: МГУ-Диалог, 1997.

Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология: Учебник для высш. учеб. заведений. М.: Издат. центр «Академия»; Высш. шк., 2000.

Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Антропологический принцип в психологии развития // *Вопр. психологии.* 1998. № 6. С. 3–17.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учеб. для студентов вузов по специальности «Психология». М.: Академический проект, 1999.

Хотинец В. Ю. Зависимость развития интегральной индивидуальности от особенностей этнического самосознания // *Психол. журн.* 1999. Т. 20, № 1. С. 114–119.

Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000.

Хотинец В. Ю. Психологические характеристики этнокультурного развития человека // *Вопр. психологии.* 2001. № 5. С. 60–73.

Хотинец В. Ю. Природа этнотипичных стилевых характеристик поведения человека // *Современная психология: состояние и перспективы: Тез. докл. на юбил. науч. конф. ИПРАН / Отв. ред. А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев. М., 2002. С. 260–262.*

Шкуратов В. А. Историческая психология. 2-е изд., перераб. М.: Смысл, 1997.

Allport G. The Nature of Prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954.

Campbell D. T. Stereotypes and the perception of group differences // *American Psychologist.* 1967. Vol. 22. P. 817–829.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1	
Теория и методология коллективного исследовательского проекта «Социально-психологические факторы этнической толерантности — интолерантности в поликультурных регионах России».	
<i>Лебедева Н. М.</i>	7
Глава 2	
Исследование факторов толерантного взаимодействия в полиэтническом регионе (на примере русских, татар и чувашей г. Самары и Самарской области).	
<i>Гаюрова Ю. А.</i>	31
Глава 3	
Кросс-культурное исследование взаимосвязи этнической идентичности и этнической толерантности в северо-западной части Башкирии.	
<i>Высочил А. П.</i>	88
Глава 4	
Социально-психологические факторы этнической толерантности — интолерантности в Карачаево-Черкесии.	
<i>Лебедева Н. М.</i>	149
Глава 5	
Кросс-культурный анализ социально-психологических факторов этнической толерантности — интолерантности в поликультурных регионах России.	
<i>Лебедева Н. М.</i>	178
Глава 6	
Индивидуально-психологический фактор становления этнической толерантности.	
<i>Хотинец В. Ю.</i>	200
Заключение	225
Список использованной литературы	227

Научное издание

Лебедева Надежда Михайловна
Хотинец Вера Юрьевна
Высочил Андрианна Анатольевна
Гаюрова Юлия Александровна

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ**

Редактор *Е. И. Маркина*
Оператор верстки *Л. А. Хухарева*
Ответственный за выпуск *Ф. А. Еремеев*

Подписано в печать 20.10.2003. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Усл.-печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,8. Бумага офсетная.
Гарнитура Peterburg. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 1797.

Издательство Уральского университета
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии ИПЦ «Издательство УрГУ»
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4